

ИРКУТСКИЙ КРЕМЛЬ

Православный альманах

№ 2(10) 2013

ИЗДАЁТСЯ ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ МИТРОПОЛИТА ИРКУТСКОГО И АНГАРСКОГО ВАДИМА

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

1025-летие Крещения Руси

Духовно рожденные в Киевской купели

Послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

СИБИРЬ ПРАВОСЛАВНАЯ

Святому — святое. Возрождение Входа-Иерусалимского храма

Анатолий Андриевский

СКРИЖАЛИ ИСТОРИИ

К 400-летию Дома Романовых. Выборы русского царя

Дмитрий Володихин

НАРОДНОЕ ВЕЧЕ

Духовный геноцид

О современных школьных программах по русской литературе

Всеволод Троицкий

ИРКУТСКИЙ КРЕМЛЬ

Православный альманах

№ 2(10) 2013

ИЗДАЁТСЯ ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ МИТРОПОЛИТА ИРКУТСКОГО И АНГАРСКОГО ВАДИМА

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

НАПУТНОЕ СЛОВО

Сбережем себя, сбережем Россию! 3
Протоиерей Евгений Старцев

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

• 1025-летие Крещения Руси
Духовно рожденные в Киевской купели 9
Послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

«И расспросите о путях древних» 15
Размышления о русских победах
Митрополит Иркутский и Ангарский Вадим

СИБИРЬ ПРАВОСЛАВНАЯ

Увещевания к познанию истинного Бога 23
Материалы для биографии святителя Софония, епископа Иркутского
Священник Иоанн Корелин

Святому — святое 29
Часть 1. Возрождение Входа-Иерусалимского храма
Анатолий Андриевский

ПАЛОМНИКИ

Меж Селенгой и облаками 71
Паломническая поездка Харлампиевского прихода в монастыри Прибайкалья
Екатерина Слабковская

РОССИЯ И МИР

Ватикан, экуменизм, глобализм... 99
Ольга Четверикова

СКРИЖАЛИ ИСТОРИИ

Московский Златоуст 111
Записки из жизни, свершений и проповедей святителя Филарета, митрополита Московского
Александр Сегень

300-летие царствования Дома Романовых .. 131
Протоиерей Иоанн Дроздов

• К 400-летию Дома Романовых
Выборы русского царя 137
Дмитрий Володихин

Великий князь Алексей Романов в Иркутске .. 153
Тамара Крючкова

НАРОДНОЕ ВЕЧЕ

Духовный геноцид 163
О современных школьных программах по русской литературе
Всеволод Троицкий

РУССКИЙ ОБЫЧАЙ

Мать-сыра земля 177
Религиозно-обрядовое и хозяйственное отношение к земле в крестьянских обычаях и обрядах
Анатолий Байборodin

РУССКОЕ ИСКУССТВО

Валентин Распутин: уроки русского 205
Валентин Курбатов

С милой Родиной наедине 213
Из книги «В полушаге от звезды»
Анатолий Змиевский

АВТОРЫ НОМЕРА

..... 221

Издается по благословению митрополита
Иркутского и Ангарского Вадима

Православный альманах
Выпуск № 2 (10), 2013 г.
www.harlamp.ru

Учредитель

Местная религиозная организация православный Приход
храма Харлампиевского г. Иркутска Иркутской Епархии
Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)

Юридич. адрес:

664025, Иркутск, ул. 5-й Армии, 59

Фактический адрес:

664025, Иркутск, ул. 5-й Армии, 59

Главный редактор

Протоиерей Евгений Старцев

Исполнительный редактор

Анатолий Байбородин

Художественный редактор

Елена Антхауф

Компьютерная вёрстка

Нина Мазутова

Корректор

Людмила Заступова

В журнале использованы фотографии из архивов «ИК»,
а также иллюстрации с интернет-порталов. Михаило-
Архангельский Харлампиевский приход благодарит всех
фотографов, в том числе, возможно, и не упомянутых, за
братскую помощь в создании русского православного аль-
манаха. Да хранит вас Бог, братья и сестры!

На 1-й странице обложки:

В.М. Назарук. Крещение Руси. 1988 г.

На 2-й странице обложки:

Образ Святого Блаженного князя Владимира
(мастерская Малышева. 1894 г.)

На 3-й странице обложки:

Дому Романовых — 400 лет

На 4-й странице обложки:

Семья Романовых. Санкт-Петербург. 1904 г.

Для писем:

664025, Иркутск, ул. 5-й Армии, 59

E-mail: oestar@mail.ru; a-baiborodin@mail.ru

Контактный телефон:

21-70-26

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка текстов и иллюстраций, опублико-
ванных в журнале, допускается только с письмен-
ного разрешения редакции.

Подписано в печать 22.10.2013

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»

664047, Иркутск, ул. Ал. Невского, 99/2.

Тираж 1000 экз.

Альманах выходит при поддержке компании «Нордэкс»

*Протоиерей Евгений Старцев,
настоятель Михаило-Архангельской
(Харлампиевской) церкви*

СБЕРЕЖЕМ СЕБЯ, СБЕРЕЖЕМ РОССИЮ!

Во время моего служения в Бурятии довелось нам издавать православный журнал «Троицкое слово Забайкалья». Когда же, милостью Божьей, оказался в Иркутске, подумал, что неплохо было бы нечто подобное издавать и здесь. В 2007 году стихийно возникший редакционный совет разработал идейно-тематическую и художественную концепцию нового издания, которое, разумеется, уже отличалось от забайкальского журнала, издания более скромного в художественном отношении, тематически более узкого. Правящий архиерей, владыка Вадим, благословил нас на эту работу. Так родился православный альманах «Иркутский Кремль», юбилейный, десятый номер которого ныне выходит в свет.

Особенность просветительского проекта «Православный, историко-краеведческий, литературно-художественный альманах «Иркутский Кремль» заключена в концепции издания. В альманахе равноправно публикуются духовные и светские материалы: научные, публицистические, художественные тексты, касающиеся истории церкви, современной жизни Русской Православной Церкви и Иркутской митрополии, соседствуют с духовно созвучными светскими текстами — историческими, этнографи-

ческими, фольклорными, филологическими, литературно-художественными. «Иркутский Кремль» в богословских, исторических, геополитических, литературных, публицистических произведениях, идейно и духовно-мистически опираясь на Священное Писание и Священное Предание, отображает историю и культуру, осмысливает судьбу России и русского народа через призму православного мировоззрения.

Альманах с первых номеров был рассчитан не только на воцерковленных прихожан православных храмов, но и на самую широкую читательскую аудиторию, в том числе и на людей пока еще далеких от церкви. В этом выразилась миссионерская и просветительская направленность альманаха.

Русская Православная Церковь через окормление своих духовных чад оказывает благодатное влияние на их творчество. Благодаря этому сформировалось и русское искусство как таковое. Великая русская художественная литература, изобразительное искусство, музыка, театр и кино, достижения в области науки, история, этнография, археология, психология, образование предстают перед нами как результат творчества верных чад Православной церкви. Культурная традиция формирует нрав-

ственный облик нашего соотечественника, является сакральным фундаментом российской государственной идеологии и политики.

Тематическая широта альманаха вытекает из того, что православное христианство охватывает всю полноту человеческой жизни. Для русского сегодня мало, что называется, «слыть» воцерковленным. Надо еще научиться любить Бога, Церковь и Родину. Альманах взял на себя миссию духовно-нравственного, национально-патриотического воспитания наших соотечественников на идеалах святости Христа, на идеалах героического, подвижнического, бескорыстного служения России.

Можно изобретать гениальные концепции, которые так концепциями и останутся, нужны еще и творческие силы для их воплощения. А посему со временем создалась и утвердилась редакция единомышленников. Слава Богу, в Иркутске есть творческие люди, способные справиться с задачей издания такого журнала, умные и талантливые авторы — историки, писатели, художники, журналисты, и среди них известные не только в Иркутской области, но и в России. Нам интересен ищущий человек, устремленный к вере, ко Христу своим сердцем, способный помножить свой талант на свою веру.

Исходя из тематической широты издания сформировались разделы альманаха: «Торжество Православия», «Сибирь православная», «Россия и мир», «Скрижали истории», «Народное вече», «Русское искусство» и другие. Появились стержневые темы и исторические фигуры в жизни церкви и государства, постоянно привлекающие к себе внимание. Достаточно сказать об одном из них, нашем земляке святителе Иннокентии Вениаминове, митрополите Московском и Коломенском, апостоле Сибири и Америки, жизни и просветительской деятельности которого посвящены статьи и очерки, по сути, в каждом номере «Иркутского Кремля».

Работа над альманахом продолжается. Он, наверное, будет меняться. Возможно, у него появятся приложения, но всё это в будущем, если Бог даст.

Тираж у журнала небольшой: 1000–1500 экземпляров, и рассчитан он на людей, которые живут рядом с нами и которые могут стать его

соавторами и соработниками. Так случилось, что со временем издание вышло за рамки прихода: появились авторы со всей России, и по рассылке читателям альманах стал известен в православно-издательских кругах Сибири и Москвы, Америки и Австралии. Кстати, в столице в дни юбилея города Иркутска прошла презентация «Иркутского Кремля» в Государственном Историческом музее России.

Минуло шесть лет, и десятый номер, который мы готовим, сильно отличается от первого, который уже является раритетом. Наверное, изменились и мы... Я смотрю на многих, кого сплотил альманах: они окрепли в вере, стали более внимательными к своей духовной жизни, и это, возможно, главный результат. Альманах, может быть, стал одним из явлений, объединяющих мыслящих, читающих людей в незримое сообщество, которое в молитвах, трудах может многое изменить — в своей жизни, в жизни города, страны в целом.

Альманах высоко оценили в письменных отзывах, в рождественских приветствиях читателям «Иркутского Кремля» некогда губернатор Иркутской области Дмитрий Мезенцев, вице-президент ОАО «Российские железные дороги» Александр Тишанин, знаменитые писатели Валентин Распутин, Владимир Личутин, Николай Зиновьев, Василий Козлов, профессор МГУ Дмитрий Володихин, кинорежиссер Лидия Боброва, журналист Александр Голованов, сотрудник Государственного Исторического музея Надежда Полунина и другие. В 2011 году редакция журнала получила премию Губернатора Иркутской области. А в декабре 2012 года наш журнал получил свидетельство с присвоением грифа «Одобрено» Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви.

Разумеется, с самого начала появились благодетели, которые захотели участвовать своими средствами в издании альманаха, среди которых следует особо отметить Виктора Бронштейна, Алексея Дорошенко.

Рождение каждого нового номера всегда сложный, в чем-то мучительный процесс. Часто возникают споры в оценке содержания материалов. Так, некоторые из них из разделов «Народное вече» (в прошлом — «Дискуссионный

клуб») и «Россия и мир»: геополитические очерки Татьяны Грачёвой «Невидимая Хазария» и «Несть власть, еще не от Бога»; статья Александра Голованова «Иркутск болен декабристоманией и не лечится»; очерк Александра Беляева «Черносотенцы и трагедия русского народа»; статья Ольги Четвериковой «К вопросу о перспективах иудейско-католического диалога» и другие вызвали бурную полемику в читательской среде.

Помню, когда вышел очерк о черносотенном «Союзе русского народа», с одним из наших благодетелей возникла дискуссия, породившая серьезные сдвиги в умах наших сторонников. Многим было непонятно, почему мы вообще должны на эту тему говорить, какое право мы имеем рассуждать о черносотенном движении, о проблеме взаимоотношений между русскими и евреями. Может, лучше оставаться на позиции людей православных, которые не собираются задевать острые углы российской истории, и тогда такое благостное состояние будет более полезным для читателя? Нет. У нас другая точка зрения.

Непростой разговор предложили мы нашему читателю по истории Русской Америки. Уже почти забытая часть русской истории, вычеркнутая из народной памяти, сегодня представляется иными как не слишком удачная для России коммерческая сделка. Но мы со своими единомышленниками оцениваем продажу Аляски как одно из тяжчайших преступлений в истории нашего государства. Русские за всю историю никогда не торговали своими землями. Было время, когда их пытались отнять силой, но всегда русские возвращали себе то, что у них отнимали. Но тут продали, подло поправ интересы тех, кто, в том числе, и сегодня живет в России и Америке. Россия утратила суверенитет над собственной землей, политой потом и кровью наших соотечественников, с уже просвещенным местным населением, поголовно крещенным. И нам никто никогда не сможет растолковать «разумные» мотивы продажи русской земли на Американском континенте. Не случайно и то, что через 50 лет страна, которой эти земли были проданы, стала одним из заказчиков и финансистов переворота 1917 года. На чьи деньги господин Лейба Бронштейн

с двумя сотнями «боевиками» приехал потом в Россию делать революцию?!

Серьезные раздумья породила и тема Декабрьского восстания 1825 года — одна из самых полемических и острых, неоднократно поднимавшихся на страницах нашего альманаха. Одна из статей называлась «Иркутск болен декабристоманией и не лечится». Заговорщики и иже с ними, ставшие жертвой собственных заблуждений, стремившиеся к власти, даже не представлявшие, что должно последовать за переворотом, оказались людьми, предавшими не только свое сословное предназначение, но и высшие смыслы русской государственности. Иркутскими «декабристами» они иногда рисуются некими просветителями, почти миссионерами. Странная оценка роли этих людей в жизни тогда уже вполне обустроенной и просвещенной Сибири! Очень много тайного, пока непонятного в истории Декабрьского восстания. Странна и загадочна его связь с Русско-Американской компанией и ее драматической судьбой. Возможно, это тема будущих исследований.

Одна из первых статей альманаха, что вызвала неоднозначную читательскую оценку, — статья об адмирале Колчаке. Александр Иванович Голованов позволил себе исследование жизни выдающегося русского человека со сложной и трагической судьбой. У многих читателей статья нашла живой отклик. Трагедия Колчака — это трагедия не только его самого, но и многих, кто разделял взгляды на возможность либерального устройства России, кто, разрушая имперскую симфонию власти, уповал на предательский Запад, который в образе Антанты в конце концов и предал Белое движение с его антимонархической идеей.

Острую полемику породили геополитические очерки Татьяны Васильевны Грачёвой, заведующей кафедрой Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, в недавнем прошлом ведущего научного сотрудника Центра военно-стратегических исследований Генштаба ВС РФ. В развитие тем, поднятых Татьяной Грачёвой, в альманахе была опубликована статья Ольги Николаевны Четвериковой, доцента кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО-Университета

МИД России. Авторы в своих работах поднимают острейшие политические, религиозно-мистические проблемы глобального мира и роль Православной России в этом мире. И Грачёва, и Четверикова с православной точки зрения осмысливают процесс постепенного создания Единого Мирового Пространства с Единым Мировым Правительством, к приходу Антихриста уничтожающим государственные границы, национальные суверенитеты. Сегодня мы должны понять, что либеральный Запад предлагает нам, по сути дела, модель самоуничтожения — духовного и физического, и делает это абсолютно сознательно с четко выверенными технологическими решениями.

Нашему читателю известно, что альманах «Иркутский Кремль» старается не избегать острых тем, касающихся истории, культуры, религиозной жизни России, «замолченных» или искаженных в царской и советской историографии. Журнал делает попытку православно-христианского осмысления российского бытия, особенно когда речь идет о политической, культурной истории России. А посему в будущих номерах альманаха мы предполагаем осветить многие острые вопросы российской истории.

Трудно остаться безучастным, когда уродуется система школьного гуманитарного образования. Актуальна поэтому статья Всеволода Троицкого, доктора педагогических наук, автора фундаментальных исследований современного школьного преподавания литературы. Знаменитый русский педагог-ученый с великой скорбью пишет о том, как из школьных программ по русской литературе изымается русская классика и подменяется чтивом «писателей-однодневок», нередко бравирующих «ненормативной лексикой», нередко и русофобствующих. Из школьной программы изъяты некогда достойно представленные И.А. Крылов, А.Н. Радищев, В.А. Жуковский, А.С. Грибоедов, Н.В. Гоголь, поэты пушкинской поры, в том числе Е.А. Боратынский, К.Ф. Рылеев, А.В. Кольцов, И.С. Никитин, кроме того, А.К. Толстой, А.Н. Майков, Н.С. Лесков, а также И.С. Шмелёв, В.И. Белов, К.М. Симонов, М.В. Исаковский, Н.М. Рубцов. Вместо них, истинных классиков русской литературы, нежданно-негаданно появились в школьной програм-

ме по литературе имена заурядных писателей, правда, всемирно известных своим неприятием «русского духа», «русского ума и сердца»: В.П. Аксёнов, А.Т. Гладилин, Ю.О. Домбровский, В.С. Маканин, В.П. Некрасов, В.О. Пелевин, А.Н. Рыбаков, Ю.С. Рытхэу, Л.Е. Улицкая и А.И. Эппель.

Разумеется, критические материалы занимали и будут занимать в альманахе лишь самый малый объем; большая часть статей, рассказов, очерков посвящена воспеванию христианской святости, подвижничеству служению России, родному народу.

Журнал наш выходит в свет шестой год. И один из главных выводов, который можно сделать в результате работы над ним, это то, что русскому православному человеку необходимо приложить огромные усилия к тому, чтобы сохранить себя, чтобы сберечь свою уникальную национальную и религиозную идентичность. Вечно предлагаемые нам Западом принципы, выродившиеся в абсолютное бесчинство, ныне, как духовная зараза, так же опасны, как и 500 лет назад во времена жизни преподобного Иосифа Волоцкого, противопоставившего символу либеральной мысли Запада Томасу Мору чистоту своей веры, духовную твердость и жизнь по уставу своей святой обители.

Сбережем себя, сбережем Россию!
Господи, спаси и сохрани!

1025-летие Крещения Руси

- **ДУХОВНО РОЖДЕННЫЕ
В КИЕВСКОЙ КУПЕЛИ**

*Послание Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси Кирилла*

- **«И РАССПРОСИТЕ О ПУТЯХ
ДРЕВНИХ»**

**Размышления о русских
победах**

*Митрополит Иркутский и Ангарский
Вадим*

**ТОРЖЕСТВО
ПРАВОСЛАВИЯ**

А.И. Иванов. Крещение Великого князя Владимира
в Корсуни. 1829 г.

1025
Л Е Т Н Е
К Р Е Щ Е Н И Я
Р У С И
2013

ДУХОВНО РОЖДЕННЫЕ В КИЕВСКОЙ КУПЕЛИ

Фото: patriarchia.ru

27 июля 2013 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл и Блаженнейший митрополит Киевский и всея Украины Владимир совершили молебен на Владимирской горке в Киеве, где установлен памятник святому равноапостольному князю Владимиру, Крестителю Руси. Предстоятеля Русской Православной Церкви и участников празднования 1025-летия Крещения Руси радостными возгласами приветствовало множество жителей Киева и паломников, собравшихся на Владимирской горке и близ нее.

За богослужением молились Предстоятели и представители Православных Церквей, прибывшие на торжества, духовенство из Беларуси, Молдовы, России, Украины и других стран.

Присутствовали Президент Российской Федерации В.В. Путин, Президент Украины В.Ф. Янукович, Президент Молдовы Н.В. Тимофти, Президент Республики Сербия Т. Николич, члены Кабинета министров Украины, другие представители государственной власти.

По завершении молебного пения Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл обратился к собравшимся со словом. Далее прозвучало слово Блаженнейшего митрополита Киевского и всея Украины Владимира. «Ныне благодать Святаго Духа нас собрала на Киевских холмах», — сказал владыка Владимир, поблагодарив глав государств, Предстоятелей и представителей Поместных Православных Церквей, всех христиан, прибывших на украинскую землю разделить радость праздника 1025-летия Крещения Руси. «Мы едины во Христе, мы едины в святой Церкви, всех нас объединяет единая вера, мир и любовь, выражающие единство», — подчеркнул Блаженнейший митрополит Владимир, призвав сохранять и укреплять их между собой, поскольку «именно эта любовь делает из нас истинных учеников Христовых». «Благодарю Вас, Ваше Святейшество, за визит в пределы Украинской Православной Церкви. Благодарим Вас за радость великого торжества, за Ваше Патриаршее благословение», — продолжил он, обращаясь к Святейшему Патриарху Кириллу. Митрополит Киевский и всея Украины Владимир подчеркнул, что выбор святого равноапостольного князя Владимира определил ход нашей истории и мы сегодня несем ответственность за сохранение духовного наследия и христианских идеалов. «К сожалению, современный мир отходит от христианских моральных норм», — констатировал владыка. «Особо благодарны в этот день Поместным Православным Церквам за то, что они предстали сегодня за нашим торжеством», — сказал Блаженнейший митрополит Владимир. — У Предстоятелей и представителей Поместных Церквей прошу молитв об Украинской Православной Церкви и украинском народе».

Служба коммуникации
ОВЦС/Патриархия.ру

**Послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла
и Священного Синода Русской Православной Церкви
архипастырям, клиру, монашествующим и мирянам в связи
с 1025-летием Крещения Руси**

**Возлюбленные о Господе Преосвященные архипастыри,
всечестные пресвитеры и диаконы, боголюбивые иноки и инокини,
дорогие братья и сестры!**

В этом году мы вспоминаем знаменательное событие — 1025-летие Крещения Руси. В далеком десятом веке Русь трудами святого равноапостольного князя Владимира восприняла от Византии христианскую веру и культуру, сделав духовный и цивилизационный выбор, определивший вектор исторического развития наших народов. По словам митропо-

лита Киевского Илариона, «вера благодатная по всей земле распространилась и до нашего народа русского дошла... Все страны Благой Бог наш помиловал и нас не презрел, восхотел — и спас нас, и в разумение Истины привел».

За прошедшие 1025 лет имели место как славные, так и трагические события. Вера Христова усваивалась нашими предками и прино-

На Владимирской горке в Киеве по случаю празднования 1025-летия Крещения Руси (фото: patriarchia.ru)

сила обильные плоды, но происходило это в очень непростых условиях. Многие пытались отвратить народы Руси от Православия. К этому стремились поработители, приходившие с Запада или Востока, этого хотели люди, желавшие построить на земле «идеальное» общество без Бога, вопреки Его вечному закону. Но народ, принявший христианскую веру, не один раз доказывал верность Спасителю. Смог он вернуться к Нему и после отступления, навя-

фундамента, на котором оно было возведено. Сегодня многие вновь предлагают нам строить жизнь без Бога. Свободу подчас трактуют как следование любым желанием, в том числе внушенным человеку извне. Такое понимание свободы может расширяться до пределов, когда она начнет угрожать и естественному нравственному чувству, и долгу перед ближними, и, в конечном итоге, самой возможности говорить правду и поступать по совести.

Молебен на Владимирской горке в Киеве по случаю празднования 1025-летия Крещения Руси (фото: pravmir.ru)

занного жестокими гонителями. Вопреки их «немощным дерзостям» сердца и души многих наших соотечественников освящены истиной Христовой. Хранить эту истину и созидать на ее основании личную и общественную жизнь — наш долг и духовная необходимость.

Мы должны усвоить уроки прошлого. И главный из них таков: здание нашей цивилизации не может существовать без евангельского

Нации, утратившие этику самоограничения и служения Богу, Отечеству и ближнему, теряют духовную силу, становятся слабыми и уязвимыми, что влечет за собой угрозу исчезновения и печальную перспективу уступить свое место другим, духовно более сильным. Нам нужно ясно понимать это и не идти путем, ведущим к гибели, памятуя слова пророка: «Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших

И.Е. Эггинк. Великий князь Владимир избирает религию. 1822 г. (фрагмент)

и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим» (Иер. 6:16).

Современный мир сталкивается со многими бедами: преступностью, терроризмом, ростом количества самоубийств, абортами и распадом семей, алкоголизмом и наркоманией, разрушением окружающей среды и социальной несправедливостью, одиночеством и душевными страданиями многих людей. Преодолеть эти невзгоды возможно на пути возрождения веры в Бога, Который готов даровать прощение грехов и благодатную помощь для новой жизни и отдельным людям, и целым народам. Крещение Руси — это животворный источник, питающий нас донныне и дающий силы созидать жизнь стран-наследников исторической Руси, на основе вечных ценностей, полученных нами от Бога и соединяющих нас духовными скрепами. Эти ценности и обусловленное ими миропонимание внешне отразились в культуре наших народов, включая изобразительное искусство, архитектуру, литературу, образование, семейный и хозяйственный уклад, отношение к природе и многое другое, что формирует общность единого духовного пространства наследников Святой Руси.

Четверть века прошло со времени начала возрождения Русской Церкви. За эти годы восстановлены и построены десятки тысяч храмов и сотни монастырей, возобновлена и поставлена на прочную основу церковная деятельность во многих областях. Являясь мощным духовным и нравственным фактором бытия наших народов, православная вера стала достоянием миллионов людей. Со смирением следует признать, что мировая история не знает столь грандиозного и стремительного религиозного возрождения, какое произошло на пространстве Исторической Руси за последние 25 лет. Мы возносим наше искреннее благодарение Богу, Который есть Господь истории, за милость, явленную нашим народам; мы сердечно благодарим всех, кто своими трудами ответил на призывающую благодать Божию и сделал всё это возможным.

Однако многое еще предстоит совершить, ибо Господь ждет от нас новых плодов. И главным из них должно стать единство веры и жиз-

ни, утверждение Евангельской истины в словах и делах наших соотечественников.

Мы помним, что на протяжении истории судьбы народов, духовно рожденных в Киевской купели, складывались по-разному. В прошлом они жили в едином государстве, простиравшемся от Балтийского моря до Черного, от Галиции до Волги. В иные периоды некоторые из этих народов находились под иноземным владычеством, входили в состав других государств. Долгое время мы вместе жили в одной большой стране, а сейчас — в нескольких суверенных государствах. Но неизменно существовало и ныне существует наше духовное единство, сохраняемое благодатной силой Божией и общностью нравственного идеала, проповедуемого и оберегаемого Русской Православной Церковью.

Народы, в которых укоренилась святая православная вера, призваны, по наставлению преподобного Сергия Радонежского, «воззрением на Святую Троицу преодолевать ненавистную рознь мира сего», служа примером братства и взаимопомощи для всего человечества. Святая Русь жива до тех пор, пока она верна выбору, сделанному равноапостольным князем Владимиром, пока сохраняет свое духовное единство, пока помнит и молитвенно чтит наших общих святых. И если мы сбережем это единое наследие и духовное родство — у нас есть будущее.

Бог молитвами святых, в земле Русской просиявших, да даст нам утвердиться в истине, на которой всегда созидалась и, верим, будет созидаваться жизнь наших народов.

«И РАССПРОСИТЕ О ПУТЯХ ДРЕВНИХ»

Размышления о русских победах

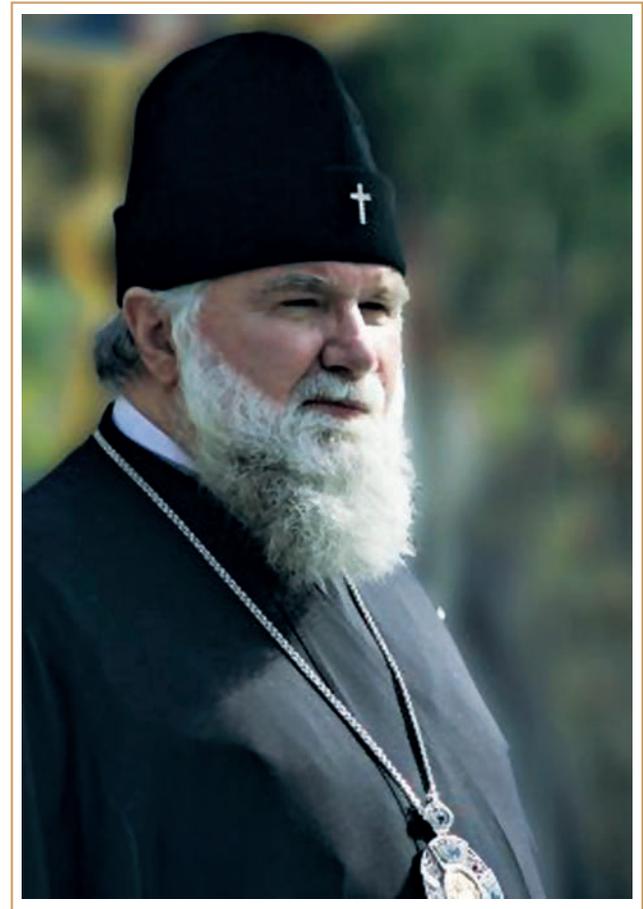

Зенитные орудия около Исаакиевского собора. 1941 г. (фото: en.academic.ru)

*Митрополит Иркутский и Ангарский
Вадим*

Аик мира сего меняется ныне стремительно. Я сказал бы даже, что некоторая судорога искажает общественное лицо современности. Не является ли это предсмертной агонией — ведает один Господь, но несомненные знаки духовных болезней можем определить и мы, грешные. Особенно страдают слабейшие — дети и старики. Вглядимся в лица отцов наших! Сегодня, на исходе второго тысячелетия, растерянные, озадаченные, бескровные от вынужденного бесконечного поста, печальные лики горькой русской старости. И дело даже не в том, что их многожды пересчитанной сиротской пенсии хватает лишь на хлеб и воду, и даже не в униженности их существования, и ее можно вынести ради высокой мысли. Мысль о бесплодно прожитой жизни — вот что омрачает безыскусные глубины их беспокойных взоров. Для того ли они воевали, разгребали послевоенную разруху, строили, растили детей, обучали их в институтах... Неужели не завоевали, не заслужили, не заработали?! Победоносцы наши! Именинники всех грядущих празднеств, с такой бескорыстной самоотверженностью созидавшие их. Позор наш и, как следствие, будущие наши трагедии. Духовный организм народа един. Страдает старость, гибнут самые близкие ей по духу — дети. Потому, что старейшины всякого рода и народа — это бесценный запас духовного опыта. Старость памятлива, очищенный взор ее становится вещим. Она всему сущему знает ис-

тинную цену. Она скорее уловит опасность во всех соблазнах, точнее присоветует, надежнее сбережет. Оттого враги всякого народа начинали его уничтожение со старейшины. Вспомним фашизм, этот кичливо объявленный тысячелетний рейх. Они начинали с уничтожения своих стариков и не продержались полтора десятилетия. Не уподобимся им! Обесценить старость — это не воспитать на должном уровне ее внуков, отдать их духовной, равно как и физической, смерти. Самый страшный и яркий пример тому — детская наркомания. Странно и горестно объяснять эти непреложные азы в России, где веками слово старейшины рода было непререкаемым и благоговение к старости входило в основы национальной педагогики. «Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите, расспросите о путях древних, где добрый путь, и идите по нему и найдете покой душам вашим» (Иер. 6.16). Пора бы нам остановиться и поразмышлять о причинах трагедии нашего времени. Где лежат ее корни? Откуда грозит гибель? За что Господь попустил испытание? Особенно перед такой заметной вехой в путях русского народа, как победа в Великой Отечественной войне.

* * *

Очередная годовщина Великой Победы почти совпала с нынешней Радоницей — днем светлых весенних поминок, когда все живущие на земле соединяются со всеми лежащими в ее недрах в радости Христова Воскресения — Христовой Победы. Из этой Победы над царством зла истекают и все истинные победы этого мира, и наши русские... А уж победоносностью нас Господь не обделил. Защищаться, отстаивать, отвоевывать искони принадлежащие нам пространства славяне умели всегда. Еще в 644 году по Рождестве Христовом арабский историк Табари восточной вязью вывел в древних своих манустрипах: «Русы — враги всему миру, и воевать с ними никто не умеет». Через полтора тысячелетия умирающий Александр III напутствовал своего наследника, последнего царя России, словами: «Помни, что у России друзей нет». Как видите, прошедшие века мало что изменили в отношении к русским. Но что вложил Господь в духовное тело славяно-русского царства, что оно не было завоевано множеством враждебных ей сил, не распалось в постоянных своих нестроениях, а жило славно и победоносно, удивляет и страшит своих врагов. Лишь в нем возникла сильная и великая Русь, и ей — драгоценному киоту святых образов Спасителя и Богородицы — промыслительно предназначено хранить их до Второго пришествия. «...У русских невозможно отделять понятие Церкви от понятия Отечества», — холодно заметил в конце XIX века один из недружелюбных исследователей России Леруа Болье. Он был прав. Мудрый недруг точнее всего отмечает сильные особенности противника. Потому что они сильнее бьют. В полном слиянии Церкви и Отечества все наши победы. Этот священный союз и воспитал в народе русском тот могучий дух, которого так боялись чужеземцы. «Восстанем за веру правую, — вот что издревле вдохновляло русское воинство, — неприятель многочисленнее, а нас мало, но не убойтесь: Бог не в силе, а в правде». С этим одержал победу над шведами Александр Невский. «Вот оружие нетленное, — сказал преподобный Сергей Радонежский, вручая русским ратникам святой крест, — да служит он вам вместо шле-

мов». В темные времена Смуты народ собрался на очищение земли от поляков вокруг святителя великомученика Гермогена. «Для Бога положите крепкий совет между себя, пошлите и в Новгород, и на Вологду, и в Нижний нашу грамотку, чтобы всем было ведано всею землею обще стати за православную христианскую веру» — передавалось из уст в уста и из грамотки в грамотку переписывались его послания. Достопамятный 1812 год воистину показал, что «с нами Бог». «Содеянное храбрым воинством нашим, — возвещал манифест государя в конце войны, — превыше сил человеческих! Спасение России от врагов есть явно излившаяся на нас благодать Божья. Да познаем в великом деле сем Промысел Божий, повергнемся перед Святым Его Престолом...» Думается, что не грех, и кстати в очередную годовщину Великой Отечественной, порадоваться всем русским победам. Потому что победа над фашизмом есть органичное и естественное продолжение судьбоносного списка отечественных подвигов. Об этом не любили говорить в советские времена, но мы-то помним, что составляло истинную славу России!

Как это ни скорбно признавать, однако Великая Отечественная война явилась следствием отступления россиян от Бога, от искони чтимой нравственности, и была предсказана нашими прозорливыми старцами, подвижниками благочестия еще задолго до революции, когда были уже явлены знаки чудовищного надругательства над верой и нравственностью народа. Губительные ветры революции уже достаточно отравили тогда молодые цветущие силы России, и сама она не стала неожиданностью. Ее призывали и готовили. Но еще преподобный Серафим Саровский, как и многие другие провидцы, говорил о страшной войне, которую Господь пошлет России для ее очищения от греха революции. Война явилась попущением для обращения народа в Православие, дабы одумались и остановились в путях своих русские люди, вспомнив о Боге. Чрезвычайно интересно свидетельство одного из псково-печерских схимников, которому трижды было видение о том, как Божья Матерь вначале со святыми, потом одна молила Спасителя о помиловании России. На что Он ответил, что за-

пустение в России велико, но ради любви Твоей к ней я не оставлю ее.

«Братья и сестры» — так обратился в своей первой речи войны Иосиф Сталин к народу. Впервые за долгие мучительные десятилетия в самом глаголе с холодных правительственных трибун пролилась на россиян Божья милость. И образцами правды, путеводителями были названы не герои огненной революции, а Суворов, Кутузов, Минин и Пожарский. Перед лицом смертельной опасности душа отмечает все свои человеческие умозрения, страсти и расче-

на пожертвования Московской патриархии на фронт. Как будто речь идет о небольшой общине или отделенной от государства секте. Вся Россия была, есть и будет православным государством, а русский человек, по свидетельству того же вышеупомянутого иностранного обозревателя Леруа Болье, «носит крест в сердце своем...». Он говорит, что «между Евангелием и русскою душою есть какое-то внутреннее родство, в силу которого трудно бывает решить, что идет у русского человека от знакомства его с Православною верою и что прямо от его

В православном храме. Москва. Август 1941 г. (фото: www.s54.radikal.ru)

ты и в собственных глубинах обретает точный и нужный Божий глагол.

Язык Великой Отечественной резко отличен от суетного многословия революционных призывов. Он напряженно упруг, конкретен и сурово спокоен. В нем присутствие высшей силы. Когда говорят о вкладе верующих в последней войне, то только и называют, что танковую колонну и эскадрилью, отправленные

души». И пусть до поры у него отшибает память, но приходит время, и мановением Божьего ока он вспомнит все, обретет силу, ясное зрение и твердую руку. Кто считал их тогда, бесчисленные, как песок морской, православноверующие души? И движение каждой из них и было вкладом в дело русской победы. Начнем с того, что земля держится, по слову Достоевского, молитвами праведников. Соловки, Сибирь, Казахстан,

Русский Север были тогда краями мучеников, ссыльными землями. Мощный костяк Православия — черноризцы и священники, епископат и миряне, старчество и крестьянство — трудники советской каторги. Их мученическая кровь и жаркая молитва взывали к Небу о спасении Отечества. С чудодейственным заступничеством Божией Матери тесно связана победа России в этой войне. Мало кто знает, что перед битвой за Москву город был обнесен маршалом Жуковым на самолете Казанской иконой Божией Матери. Сталинградская битва началась с молебствия этой иконе. Она стояла на правом берегу Волги. Киев был освобожден 22 октября в день празднования иконы. Чудо с этой иконой произошло при штурме Кенигсберга в 1944 году, когда при яростном сопротивлении противника выдохлись силы русских войск и их отступление казалось неизбежным. Тогда привезли икону со священниками. Был отслужен молебен. Солдат окропили водой. Священники подняли икону и пошли под шквалом смертоносного огня вперед. Вражеский город был взят. Перед штурмом Берлина немцы увидели в небе явление «Мадонны», как зовут они ее. Многие пали на колени, но было ясно, что она не с ними. Бесчисленны свидетельства обращения после такой явной милости к России Божией Матери русского воинства и народа к Богу. А беспримерное, жертвенное подвижничество в годину войны русской православной женщины?! Тех платочков, которыми, как говаривал Патриарх Тихон, спасается Россия. И спасалась, обустроивалась, и жила тыловая и фронтовая военная держава непомерными трудами и ночными слезными молитвами «платочечной» своей половины. Это она, русская труженица, воительница, кормилица, чудотворила, стойко и страшно спасая От-

ечество. Любвию, верностью, пламенем святой молитвы. Должно заметить, что Господь не оставлял и тылы без попечения. Старчество — вершина православной духовности, знак величайшей Божией милости, которое, как говорят миряне, выплакивает, — обильно окормляло Россию в те годы. Вспомним Божию птицу, как ее звали, слепую старицу Матрону. Она молитвенно парила над всем Подмосковьем и Москвою, духовно окормляя эти края. В Петербургской Вырице усердно попечительствовал схимник о. Серафим (Муравьев), бывший духовник Александро-Невской лавры. Повторяя подвиг преподобного Серафима Саровского,

1000 дней он молился на камне перед его иконой о спасении России. Он и врагов удивлял своим бесстрашием, предсказуя им победу русского оружия. День и ночь были открыты двери для страждущих в келье старца Лаврентия Черниговского. На суровых берегах Игарки в Красноярском крае молился ссыльный о. Димитрий (Тяпочкин), высокой жизни старец Серафим. Между Ташкентом и Таймыром скитался Божий изгнанник епископ Лука (Войно-Ясенецкий),

Фото: www.vkontakte.ru

хирург, ученый, старец. Всех их не перечислить. К ним шли за советом и утешением. Практически они и являлись духовными кормчими Руси. Россия вновь обретала веру, веру в истину... Самым трудным, я бы сказал кровавым, было обращение молодого, уже воспитанного в безверии солдата войны. Мужчина природно, биологически не связан так тесно с отцовством, как женщина с материнством, и потому зачастую стоит далее ее от Бога. Может быть, поэтому воинской кровью он смывает свое отступление. В моем архиве сохранилась рукопись стихов погибшего в 1944 году молодого солдата. Эту рукопись вынул из кармана шинели убитого после тяжелейшего боя санинструктор. С тех пор

эти стихи многожды от руки переписывались, дошли до памятного советского «самиздата». И вот я предлагаю их к публикации. Потому что считаю эти безыскусные, простые строки непреложным свидетельством искреннего спасительного обращения русской души к Богу. Это стихотворение — капля, отражающая состояние подавляющей части русской сражающейся рати.

Стихотворение солдата

Послушай, Бог... еще ни разу в жизни
С Тобой не говорил я, но сегодня
Мне хочется приветствовать Тебя.
Ты знаешь...

С детских лет всегда мне говорили,
Что нет Тебя, и я, дурак, поверил.
Твоих я никогда не созерцал творений,
И вот сегодня ночью я смотрел
из кратера, что выбила граната,
на небо звездное, что было надо мной.
Я понял вдруг, любяся мерцаньем,
каким жестоким может быть обман.
Не знаю, Боже, дашь ли Ты мне руку,
Но я Тебе скажу, и Ты меня поймешь,
Не странно ль, что среди ужаснейшего ада
Мне вдруг открылся свет, и я узрел Тебя,
А кроме этого мне нечего сказать.
Вот только что я рад, что я Тебя узнал.
На полночь мы назначены в атаку,
Но мне не страшно — Ты на нас глядишь.
Сигнал! Ну что ж, я должен отправляться.
Мне было хорошо с Тобой. Еще хочу сказать,
Что, как Ты знаешь, битва будет злая,
И, может, ночью же к Тебе я постучусь.
И вот хоть до сих пор я не был Твоим другом,
Позволишь ли ты мне войти, когда приду...
Но, кажется, я плачу... Боже мой.
Ты видишь, что со мной случилось то,
Что ныне я прозрел,
И вряд ли уж вернусь.
Прощай, мой Бог, иду.
Как странно, но теперь я смерти не боюсь...

Александр Зацепя, 1944 г.

После этого страшного боя Александр «постучался к Господу», его молитвенное воздыхание спасло перед самыми вратами ада душу

молодого солдата перед переходом в вечность. Старца ли, матери ли, возлюбленной православного встречного, увидавшего юное отрешенное лицо уходящего на войну. И сколько случилось таких предсмертных прозрений на всей тогда ужасающей фронтовой бескрайности. Конечно, все эти свидетельства веры — живой пламень обращения к своему Творцу, подвиги и подвижничество всех племен и народов, справленных тогда в единое имя *Россия*, — искупительно оправдали и очистили всю Русскую землю перед Господом. И Всевышний смилостивился. В сентябре 1943-го Сталин принял троих уцелевших от гонений митрополитов во главе с местоблюстителем Сергием (Старгородским), который через четыре дня, 8 сентября, был избран Поместным Собором Русской Православной Церкви Патриархом. И сразу стали открываться церкви, молитвенные источники уже забили от Божиих Престолов. Их было открыто более двадцати тысяч. Воскресли Троице-Сергиева лавра и Киево-Печерская. Вновь заработали духовные академии и семинарии. Знаменательно, что именно с конца 1943 года началось широкомасштабное наступление Советской Армии. Сила религиозного возрождения в России в те годы была стремительна и всеобъемлюща. Именно в войну прекращается издание всех антирелигиозных журналов и книг, затухает атеистическая пропаганда.

Крошечная, еще с оглядкой, заметка о приеме Сталиным митрополитов стала долгожданным сигналом для верующих иркутян. Город жил напряженно, как все города России, но и затаенно. Все-таки это был город крепких православных традиций, с монастырями, церквями, общинами. Всех не истребили, и живые тут же стали действовать. Старица Замашикова, бывшая насельница Знаменского монастыря, с благословения старого священника о. Стефана пошла собирать подписи для открытия церкви. Возвращались из лагерей и ссылки священники, начиная служить в холодных полуразоренных храмах. К глубокому сожалению, мало кто занимался историей Иркутской епархии военной поры, но те драгоценные явленные нам ее крупницы хранят в себе высокие имена. Так, о. Николай Пономарёв стал настоятелем Крестовоздвиженской церкви. Он оставил нам под-

П. Кривоногов. Победа. 1949 г. (фрагмент)

робный архив ее открытия. Вернулись из лагеря и братья Георгиевские, мученики православных гонений. Конечно, их паству в основном составляли женщины. В мае 1944 года раскрылись для прихожан врата Крестовоздвиженской церкви. В июне 1945-го начал службу у вновь освященного алтаря Михаило-Архангельского храма о. А. Доброхотов. В том же 1945 году стала действующей церковь бывшего Знаменского монастыря. Эти благодатные источники стали живоносными для множества иркутян. Священник здесь встал рядом с искалеченным войной солдатом, старушка-мать вымаливала жизнь сына, жена — мужа, старый монах — России... Святая Церковь спасала всех, с верою и любовью к ней обращенных...

* * *

Ветераны! Фронтовики! Спасители Отечества! Его устроители и создатели! С радостью Великой Победы вас! Да ущедрит Господь Своею милостью вас, а стойкости силы духа и мужества вам не занимать. Да склонится пред вашим подвигом благодарное будущее России! Наша благоговейная память и с теми, с кем сольемся мы сегодня на Радоницу в молитвенной радости Христова Воскресенья, со всеми участниками всех русских побед! Они не погибли. Их имена алмазным резцом вписаны в анналы России и наших сердец.

Господь да успокоит всех их в селениях праведных!

Вечная всем память!

Сайт «Иркутская епархия»

- **УВЕЩЕВАНИЯ К ПОЗНАНИЮ ИСТИННОГО БОГА**

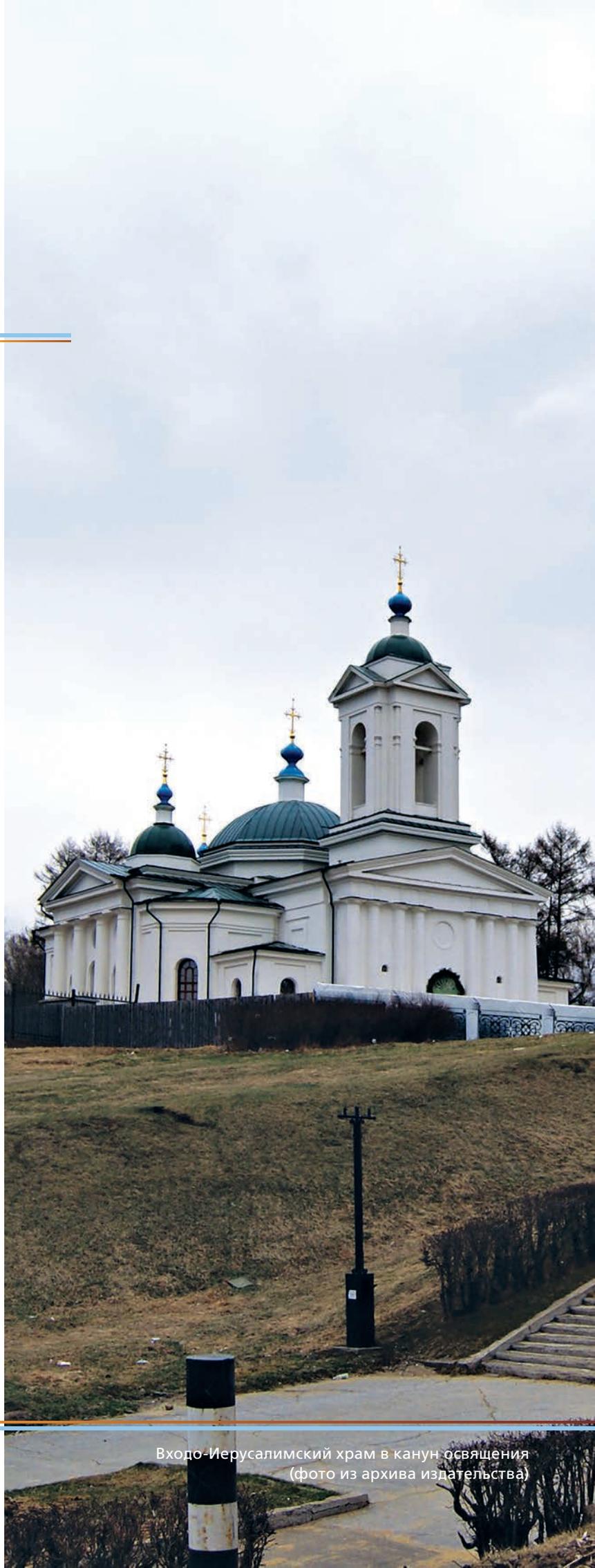
Материалы для биографии святителя Софония, епископа Иркутского

Священник Иоанн Корелин

- **СВЯТОМУ – СВЯТОЕ**

Часть 1. Возрождение Входа-Иерусалимского храма

Анатолий Андриевский

Входо-Иерусалимский храм в канун освящения
(фото из архива издательства)

УВЕЩЕВАНИЯ К ПОЗНАНИЮ ИСТИННОГО БОГА

Материалы для биографии
святителя Софрония, епископа Иркутского¹

Портрет-икона святителя Софрония. XIX в. Иркутский Знаменский собор

Священник Иоанн Корелин

Сиротствовавшая 7 лет иркутская паства наконец утешена была известием, что она имеет своего архипастыря. И наш отдаленный заказ — нерчинский — 28 сент. 1753-го года получил весть о состоявшемся 23 февраля 1753 г. Ея Императорского Величества соизволении Троицкаго Александроневского монастыря наместнику иеромонаху Софронию быть епископом Иркутским и Нерчинским и о последовавшей 18 апреля 1753 года хиротонии его в большом московском Успенском соборе во епископа Иркутского... Посему повелено было отправить молебное пение о здравии его преосвященства и о произношении его имени при священнослужениях. Таким образом, Нерчинск первый раз молился за нового архипастыря 28 сентября 1753 г.²

5-го ноября 1753 г. Нерчинск опять получил весть о своем архипастыре: «Ея Величество, в праздник св. Пасхи, в Головинском доме, изустно указать изволила преосвященному Софронию божественное служение отправлять в саккосе»³.

12 марта 1754 г. получено «от 2 декабря 1753 г. за властною его преосвященства рукою, с предпосланием Божия и его архиерейского благословения, писание, коим между прочим предлагает его пастырская благоуветливость объявить, что его преосвященство за помощь Божию намерен в свою епархию в скором времени с Москвы выехать, о каковом благополучном намерении и о прибытии пастырски просить к милостивому Спасу молитв. Определенно вознести к Всевышнему молебное пение о здравии и благополучном прибытии его преосвященства»⁴.

16 мая 1754 г. нерчинские жители узнали, что в Иркутске есть архипастырь после 8-ми лет сиротства. Нужда в священниках, диаконах

и дьячках была самая крайняя. И первым делом преосвященнаго Софрония, по приезде в Иркутск, было послание к заказчикам освидетельствовать самолично причетников, дьячков и пономарей, и кто из них к произведению во священники и диаконы явится по усмотрению достойный — прислать в Иркутск, — с приложением от приходских людей выбора. В этом послании заключалась инструкция о том, каких людей нужно выбирать, и угроза отказавшихся от священства отдавать в солдаты, а укрывавших заказчиков наказывать без всякого милосердия⁵.

16 мая 1754 г. из домовой его преосвященства конторы последовал указ о составлении ведомости, в которой объявить точно — на приезд его преосвященства и по приезде собирать лошадей, скота, денег и прочих съестных, и питейных припасов на поклон, по какому указу, сколько собрано с заказа, кому отдано и коликое чего число, и не было ли каких сборов, вымогательне взятко⁶.

В Иркутске по приезде преосвященного Софрония последовали следующие перемещения: вместо наместника архимандриту Вознесенского монастыря Нафанаилу для отправления епаршеских дел в консистории его преосвященства иметь место, а в иркутском Вознесенском монастыре быть наместником обретающемуся при его преосвященстве иеромонаху Сенесию; да в присутствии консисторском дому его преосвященства иеромонаху Илье Веприцкому⁷.

11 апреля 1754 г. хиротонисан в нерчинский заказ первый священник из дьячков нерчинского собора Тимофей Косьмин к урульгинской Николаевской церкви⁸. Нужда в священниках была крайняя. Нерчинский заказ вмещал в себя половину нынешней Забайкальской области, и на этом пространстве было только 14 приходов: в Нерчинске, на Унде, в Бунском на Газимуре, в Нерчинском заводе, Аргунском остроге на Аргуне, в Сретенске на Шилке, в Куенге, Торге, Урульге, Городище, Чите, Яравне, Доронинске и Телембинске. По штату священников требовалось 26, а налицо было 13, — диаконов 12, а налицо 2, — дьячков 26, а налицо 11, — пономарей 26, а налицо 12. Отсюда понятно, какая настояла нужда в лицах, хотя сколько-нибудь годных.

4-го мая 1754 г. приказано взять пошлины за поновление и свидетельствование грамот ставленных со священников по 3 р., с диаконов 1 р. 50 к., с дьячков и пономарей по 75 коп.⁹

Смвѣдѣніи Софроніи епископа Иркутскіи и Нерчинскіи :

Сухою

Бласною

Антиминс 1754 г. с надписанием святителя Софрония, епископа Иркутского и Нерчинского (из архива издательства)

12-го мая 1754 г. иеромонах Синесий произведен в архимандрита Вознесенского монастыря¹⁰. Для характеристики времени помещаем следующий случай, бывший с священником нерчинского завода Симеоном Петровым: за непредставление исповедных росписей с 1744 г. по 1752 г. по определению заказных дел учинено ему священнику Петрову жестокое наказание бить плетьюми нещадно¹¹.

Преосвященный Софроний, обозревая церкви, нашел, что во многих храмах св. антиминсы одни находятся в ветхости, другие подраны и помараны. Повелено о всех таких антиминсах донести и просить о замене их новыми¹². Теперь из этих антиминсов есть один в Нерчинске, а именно в старо-нерчинской Троицкой церкви, священнодействован преосвященным Софронием, епископом Иркутским и Нерчинским 1754 г. На этом антиминсе и в настоящее время приносится бескровная жертва.

Нерчинские жители входили к преосвященному Софронию с прошением о возведении за кащика Ильи Иванова в протопросвитера, чего он и удостоен был в Иркутске 21 августа 1754 г. в кафедральном соборе¹³.

20 сентября 1754 года произведен на помощь отцу при городищенской Введенской церкви Косьме Михайлову во священника сын его Елеазар Косьмин¹⁴. А что необходим был помощник священнику Михайлову, видно из следующего. До того он дряхл и стар, что просил владыку уволить его от совершения литургии. Преосвященный уважил просьбу и разрешил совершать священнику Михайлову только вечерню, утреню и часы, а также мирские требы¹⁵.

Преосвященный Софроний заботился о довольстве духовенства и при построении новых церквей требовал от закащиков достоверного свидетельства, что вновь построением церкви прежним приходом не будет ни обиды и в пропитании притча недостатка.

Удивительные вещи творились в былое время. Священник яравинского острога Федор Петров, переведенный к бунской церкви, увез из Яравны книжку молебных пений в дни восшествия и коронации Ея Величества. За что в собрании священно-церковнослужителей учинено ему наказание плетьюми нещадно¹⁶. Небольшая вина, а горшее наказание. Священник

куенгской Ильинской церкви Игнатий Феодорот требовал за крещение младенца с ясачного инородца Чупрова 50 коп., да два пуда руги. У Чупрова не оказалось ни денег, ни хлеба. А младенец на грех через две недели умер. Преосвященный Софроний так наказал корыстолюбца. «Целый год, кроме праздников, по-недельник, среды и пятки поститься и не вкушать никакого брашна, и по все дни класть по сто земных поклонов, а за неисполнение сей эпитимии подвержен будет извержению»¹⁷.

На место переведенного к бунской церкви Феодора Петрова в Яравну произведен священником Иосиф Орлов¹⁸.

В Нерчинске, благодарение Богу, по настоящее время не слышно расколоучителей. При преосвященном Софронии в Нерчинском заказе явился было один проповедник — расколоучитель. Что за человек такой? Городищенской слободы крестьянин Осип Толстоногов. Он проповедовал, что «якоб явился ему образ Богоматери Введения, который имеется в оной слободе, и от того образа якобы глас к нему был со увещанием таковым, чтоб ему Иосифу самому табаку не принимати и матерню бранью не браниться, а потом в народе объявлять, чтоб никто табаку не принимал и матерню бранью не бранились, и жили б друг с другом в совете и любви, да и с женами своими жили законно, а беззакония от своих жен за другими не творили, повязок и с манжетами рубах, переборников и юбок не носили, кроме простых сарафанов. А ежели кто в народе табак будут принимать и матерню бранью браниться и прелюбодействовать не отстанут, то за такие прегрешенья и беззакония безгрешные младенцы станут умирать, а грешные останутся: ежели же всего оно отстанут, что запрещено тебе, сего года хлеба будет довольно: ежели же оно явления не будет в народе объявлять, то обращение будет глава его назад и через три дня явится онакая оказия». Произведено дознание; Толстоногов сознался, что он ложно-выдуманное выдавал за истину. За какую вину для наказания был отправлен в сибирскую г. Иркутска канцелярию. Какое постигло его наказание, из дел не видно. А священнику городищенскому Косьме Михайлову «на необъявление на крестьянина Толстоногова, в собрании священно-церков-

нослужителей в Нерчинске, учинено жестоко плетью наказание, а по наказании отослан в нерчинский Успенский монастырь в труды до указа»¹⁹. Заметим, это наказание было учинено ветхому днюми. До того он был стар и дряхл, что не мог совершать литургии, как мы выше о нем заметили.

В Торге первоначально была часовня, но при святителе Иннокентии торгинские прихожане, в числе 36 дворов просили архипастырского разрешения к часовне пристроить алтарь и открыть особый приход. Святитель не согласился. Алтарь пристроен при приемнике св. Иннокентия, и при нем же открыт особый приход.

«1755 г. января 4 дня, по отпусе литургии и молебна трапезник топил оную церковь, и неведомо, как та церковь, в час времени, загоревшись, сгорела, и со св. образами и книгами, кроме одних св. сосудов, да мало что риз с великим трудом окнами взяли; да при той же церкви новопостроенную колокольню с великим трудом отстояли, а св. антиминс с евангелием и крестом сгорели»²⁰.

О торгинской сгоревшей церкви приказано произвести строгое дознание, взять с прихожан сказку о построении новой церкви и каким иждивением. 24 мая 1755 г. торгинские прихожане дали сказку построить новую, вместо сгоревшей, церковь, своим иждивением.

Преосвященный Софроний завел хор певчих, для чего приказано было «приискать к обучению в певчие сходственных и надежных впредь по голосам детей и причетников не женатых и выслать в Иркутск на счет отцов своих»²¹.

Дело миссии среди язычников озабочивало преосвященного Софрония с самого приезда его. Дело это нисколько почти не было организовано, и священниками велось спустя рукава. Преосвященный Софроний в консистории не нашел никаких сведений о новопросвещенных почти за десять лет, а именно с 1744 г. по 1755 год. И вот владыка строго предписал защикам представить о новопросвещенных с 1744 г. по 1755 год реэстры «с точным показанием, которых улусов и родов, и как прежними своими именами и прозваниями писались, и как де их русския имена и, в коликих кто летах, и ясашны-ль, или кто еще в ясак не положен».

Реэстры эти представить в скором времени, а на будущее время представлять ежегодно²². Из полученных сведений преосвященный Софроний узнал, что много находится, особенно по Нерчинску и Якутску, идолаторов, неведущих истинного Бога. Поэтому он разослал по своей епархии послание с увещанием: 1) призывать всем священникам идолаторов к познанию истинного Бога; принявших св. крещение учить вере и правым догматам, как возможно кратко, применяясь к деяниям апостольским; желающих крестили бы, начальнейших людей учили бы грамоте и показывали бы, что есть закон христианский;

2) доносили бы о принявших св. крещение в светскую команду для дарования льготы от ясака, в консисторию для сведения, а новокрещенным давали бы от себя билет;

3) принявших крещение увещевать, чтобы к шаманам не ходили, учения их не слушали, идолов не имели и не кланялись;

4) повседневно продолжительных молений не полагали бы, только бы по 4-й заповеди в праздники собирались; и повседневно по утру и ложась спать краткими молитвами молились. И те молитвы, аще возможно, перевести на их язык, а именно молитву пред началом всякого дела, молитву Господню и Богородице;

5) посты с различием брашен не налагали бы, но учили бы при каких ни наесть брашнах всегдашнего воздержания, и сказывали, что объядение и пьянство великий грех есть;

6) увещевали бы, чтоб на всякий год, в определенное время, при воздержании плотоугодия и при искренней (как возможно) исповеди причащались пречистых тайн, и чтоб к таковому великому таинству имели желание, с верою и надеждою оставления всех грехов;

7) больных, а наипаче в нечаянии живота так увещевали бы, причащением, хотя и неопределенное время и без алкания, сподобляли;

8) о делах милосердия учили бы, чтоб всяк от имени своего подавал всякому брату не имущему;

9) если кто восхочет из новокрещенных иметь разговор о вере и чинах церковных, с другими не имели, кроме священников и о всем требовали объяснения от них, и смотрели бы священники, чтоб кто-нибудь не ввел ново-

крещенных в сумнительство, о людях вводящих в сумнительство писали б в светскую команду и в консисторию;

10) смотрели бы, чтоб новокрещенные не держались шаманства, волшебства, чародейства и колдовства, приметам счастья, встречи словесных и безсловесных и прочего суеверия;

11) у принявших крещение узнавали бы, нет ли младенцев некрещенных, родственников и увещевали бы крестить их;

12) о восприемниках у новокрещенных придерживались бы правил св. отцев;

13) по приобщении св. таин показывали б новокрещенным, дабы жили благоговейно, воздержано, яко христианам прилично;

14) проводывали бы, не имеют ли новокрещенные двух жен и кто имеет таковых, разлучали бы и велели бы жить с единою женою, с которою пожелает, повенчав их и наказав жить воздержанно и целомудренно;

15) о препятствующих проповеди среди идоложителей доносить, кому следует;

16) не желающим св. крещения после обращения и увещания, принуждения не чинить, и никаких угроз не делать, понеже христианской проповеди належит любовь со смирением, кротостью и тихостью, понеже сердце человеческое насильствуемо быть не может²³.

Нерчинского собора священник Иоанн Корелин. 1881 г. 2 декабря. г. Нерчинск

Продолжение следует

Примечания

1. По этому образцу духовенство могло бы собрать много сведений о времени служения и о трудах свят. Софрония. И это дело не мудреное, если кто примет на себя труд прочитать эти «материалы» и, не повторяя того, что уже напечатано, восполнить пробелы, сообщением новых сведений, или подлинных документов. На этот предмет, как известно, уже обращено внимание Святейшего Синода.

Епископ Мелетий

2. Указ Иркутской духовной консистории от 9 августа 1753 г.

3. Указ Иркутской духовной консистории от 28 сентября 1753 г.

4. Указ Иркутской духовной консистории от 27 января 1754 г.

5. Указ Иркутской духовной консистории от 14 апреля 1754 г.

6. Указ преосвященного Софрония от 15 апреля 1754 г.

7. Указ Иркутской духовной консистории от 23 апреля 1754 г.

8. Указ Иркутской духовной консистории от 14 мая 1754 г.

9. Указ Иркутской духовной консистории от 4 мая 1754 г.

10. Указ Иркутской духовной консистории от 19 мая 1754 г.

11. Указ Иркутской духовной консистории от 3 августа 1754 г.

12. Указ Иркутской духовной консистории от 12 августа 1754 г.

13. Указ Иркутской духовной консистории от 23 августа 1754 г.

14. Указ Иркутской духовной консистории от 20 сентября 1754 г.

15. Указ Иркутской духовной консистории от 10 июля 1757 г.

16. Указ Иркутской духовной консистории от 24 декабря 1754 г.

17. Указ Иркутской духовной консистории от 3 февраля 1755 г.

18. Указ Иркутской духовной консистории от 31 января 1755 г.

19. Указ Иркутской духовной консистории от 6 февраля 1755 г.

20. Указ Иркутской духовной консистории от 6 апреля 1755 г.

21. Указ Иркутской духовной консистории от 19 мая 1755 г.

22. Указ Иркутской духовной консистории от 24 марта 1755 г.

23. Указ Иркутской духовной консистории от 18 августа 1755 г.

Источник

Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1882. № 3. С. 29–38.

СВЯТОМУ — СВЯТОЕ

ЧАСТЬ 1. ВОЗРОЖДЕНИЕ ВХОДО-ИЕРУСАЛИМСКОГО ХРАМА

Входо-Иерусалимский храм в г. Иркутске. 2013 г. (фото из архива издательства)

Анатолий Андриевский

Ещё мо́лимся о мѣлости, жѣзни, мѣре, здра́вьи, спасѣнии, посещѣнии, прощѣнии и оставлѣнии грѣхов рабо́в Бо́жиих настоятеля, бра́тии и прихо́жан свята́го хра́ма се́го.

Ещё мо́лимся о плодоно́сящих и добродѣ́ющих во святе́м и всечестне́м хра́ме сем, тружда́ющих, пою́щих и предстоя́щих лю́дех, ожида́ющих от Тебе́ вели́кия и богáтыя мѣлости.

Ектенѣя сугубая

Возрождение храма

Истекала шестая седмица Великого поста, седмица вайи, в простолоудье русском величаемая Вербной, коль вайи на Святой Руси — не пальмовые, вербные ветви. Вчера прихожане Выходо-Иерусалимского храма на Всенощном бдении поминали блаженного Лазаря, по слову Христа Бога воспрявшего из гроба после четырехдневного упокоения. «Прежде шести дней бытия Пасхи, прииде Иисус во Вифанию, воззвати умерша четверодневна Лазаря, и проповедати воскресение. Сретоша же его и жены, Марфа и Мария сестры Лазаревы, вопиюще к Нему: Господи, аще бы еси был zde, не бы умерл брат наш. Тогда глагола к ним: не предрекох ли вам: веруай в Мя, аще и умрет, жив будет: покажите ми, где положили есте его? И вопиаше к нему Зиждитель всех: Лазаре, гряди вон». И все четыре дня седмицы пальмовых ветвей в православных храмах поминался Лазарь, по земному возлюбленный друг Господень, брат святых Марии и Марфы. Дольнюю душу мирян умиляло: ишь, братия, сестры, и у Господа Бога, в земном обетовании, в человеческом естестве водились любимый друг — Лазарь и любимый ученик — Иоанн, коему Спаситель, распятый на кресте,

завещал, указуя очесами на Богородицу: «Се, Мать твою!», а Богородице рек: «Жено! Се сын Твой!» В истории четырехдневного лежа-ния во гробе праведного Лазаря мирян дивило то, что Господь, имея и земное естество, рыдает о друге своем: «Рыдаеши Иисусе, смертного существа: Оживляеши друга Твоего, сие Божественныя крепости». Имея Божественное естество, ведая о болезни и смерти друга, о его четырехдневном упокоении во гробе, когда уже тело смердит, Господь свершает Божественный замысел: «Лазарем тя Христос уже разрушает, смерте, и где твоя, аде, победа; в Вифании плач ныне на тебе представляется, вси ветви победы тому принесем».

Таял апрель, по речным берегам пушилась верба, из лесного сумрака сиренево светился цветущий багульник, на солнцепёках пробились из хвои белые, голубые, желтые подснежники. Но в город весна запаздывала и, случалось, стыла капель синими сосульями, и колючий снег летел с холодных, сумрачных небес, и средь бела дня на церковные кресты опускалась сивая мгла: словно небеса замирали в скорбном раздумье: ох, скудоверы, суеверы, зябните без любви и страха Божия, по нераскаянным грехам вечную бы вам зиму с озверевшей метелью и волчьей стужей, когда и птица-ворон на лету смерзается в ледышку, когда от бескормицы-бесхлебицы дворовой скотине падеж, людям от хлада и глада живая погибель, когда уже не прилетит вешняя овсянка и не сголотит веснянку: покинь сани, возьми воз. Но... видно, живы праведники в городище, покалялись грешники: ночью ярый ветер разгонял тучи, и утром милостью Божией синели небеса, и в солнечном свете золотились поднебесные кресты, и зоревые птахи, утаенные в кустах и тополевых кронах, на все лады славили Бога, даровавшего погожий вешний день.

Спрямяя путь ко Выходо-Иерусалимскому храму, шел не Парковой улицей, встарь — Кладбищенской, а напрямиком через... хотел сказать, Парк культуры и отдыха, но вспомнил: се Иерусалимское кладбище, где тысячи иркутян упокоились и ждут Второго пришествия Христа и воскресения из мертвых. В вешнем ожидании хвои и листвы замерли старые лиственницы и причудливо крученые веком древовидные ивы, где среди сухой белесой кудели уже мерещилась нежно-зеленая мурава. Тихо на былом погосте, тихо в душе, словно с небес тихо веяла молитвенная песнь «Свете

Тихий»; тихо и покаянно озирал душу, и в сумраке души теплилась тихая свеча, и тихо зрел исповедальный плач. Небо белесо отпахнулось, робко заалело над мшистыми крышами крепких, кружевных и ветхих нагорных домов; и на зоревом небе, сквозь плетиво лиственных ветвей, сияли кресты, светился белизной воскресший из забвения Входа-Иерусалимский храм, и в душе от созвучия речевого звучала пасхальная стихира: «Красуйся, ликуй и радуйся, Иерусалиме!..»

Вчера прихожане Входа-Иерусалимского

со святыми иконами, с крашеными пасхальными яйцами до будущей весны. Впрочем, иные богомольцы осветили вербы вчера.

Студентом, взлетая по лестнице, видел ворота парка, похожие на триумфальную арку, видел партизанский памятник, но сроду не присматривался к серому дому на отшибе парка; в памяти осело лишь мимолетное, смутное впечатление: сумрачное, неуклюжее, коль без колокольни, без куполов и крестов, неряшливое, осадистое здание на отшибе парка, похожее на христорадника с церковной

Входо-Иерусалимский храм в канун освящения (фото В. Иовлева)

храма скорбели о праведном Лазаре, радовались его воскрешению, как воскреснут и все праведники во Второе пришествие Христа; а сегодня на заутрене — Божественная литургия, посвященная Входу Господню в Иерусалим. В сем храме Вербное воскресенье будет торжественней, чем в иных храмах, ибо — престольный праздник и долгожданное освящение самого Входа-Иерусалимского храма, возрожденного через восемьдесят два года из мрака забвения. Сегодня православные с неизъяснимым умилением, ликованием освятят вайи — белые вербы, коими украсят божницы

паперти. Печальным убожеством веяло от здания, кое храмом повеличать язык не поворачивался.

А ныне: светятся белизною стены и колонны, сияют золотом кресты; ныне не грех бы помолиться о православных христианах, святыми молитвами и радением коих через восемьдесят два года возродился Иерусалимский храм. Господи, сохрани их на многая лета... Забегая вперед, скажу: на Божественной литургии в честь Входа Господня в Иерусалим, совпавшей с освящением Входа-Иерусалимского храма, митрополит Иркутский и Ангарский Вадим пове-

личает всех поименно, вручив грамоты митрополии.

Настоятель Выходо-Иерусалимского храма протоиерей Андрей Степанов

Встарь, поминают, купцы — церковные благодетели, они же, нередко, и церковные старосты, — выбирали столь голосистого дьякона, что от пения его испуганно звенели хрустальные люстры. И батюшки, поминают, служили столь громогласно и проповедывали столь

грозно, что чудилось, вроде через священника сам Илья-пророк гремит с купола и мечет молнии в души мирян, поражая грешные помыслы, и миряне, до смерти перепуганные, от страха Божия забывали оправдания и лишь молвили мытарское: «Боже, милостив буди мне грешному...» В русское средневековье эдакие попы и протопопы, да и архиереи, когда душу грешника не прошибало Слово Божие, в праведном гневе могли и палкой по спине огреть. Но служили и тихие батюшки: кроткое, молитвенное слово коих, словно слезы

любви, лилось в души мирян, умиляя и очищая от скверны. Таким увиделся мне и отец Андрей, настоятель Выходо-Иерусалимского и Преображенского храмов... Хотя и подивило: сколь духовных, творческих, телесных сил в «тихом» молитвенном батюшке, настоятеле двух храмов, где в самом разгаре реставрационные работы. В Преображенском — даже и аварийные, коль стропила сгнили в труху и кровля лишь чудом держится. Батюшка от зари до зари в трудах, но воспринимает труды как дар Божий: «Пока, слава Богу, есть здоровье, силы, желание, надо потрудиться, но не во славу человеческую, а во

славу Божию, не ради тленных, земных наград, а ради небесного спасения. Речено в Псалтыре: «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему...» (Пс. 13:9). Как раньше говорили: если не мы, то кто?! Разумеется, один в поле не воин, а рядом со мной трудились помощники, радели о храме благодетели, так что грех жаловаться на трудности».

С отцом Андреем мы беседовали задолго до памятного Вербного воскресения, задолго до освящения храма, когда в боковых приделах еще городились леса, когда в иконостасе не

хватало икон, и вместо них поблескивали целофановые заплаты. Но вторая беседа с батюшкой случилась почти через год, уже после освящения храма, и время причудливо переплелось.

Свой рассказ о возрождении храма отец Андрей предварил путешествием в историю его создания:

— История храма тесно связана с историей кладбища и насчитывает уже более двух веков... В дореволюционном Иркутске, как правило, кладбища возникали в результате захоронений горожан в ограде церквей. Именно

вопреки подобным явлениям вышел приказ Екатерины II о необходимости отведения под кладбища специальных территорий в городах, чтобы предотвратить возникновение эпидемий. В Иркутске этот указ был воплощен в жизнь в 1772 году, когда для погребения умерших было выделено специальное место на возвышенности, позже, по правилам того времени, обнесенное валом, рвом и оградой. Так появилось в Иркутске Иерусалимское кладбище, где нашли последнее пристанище более 100 тысяч иркутян. В 1793 году на средства иркутского купца М. Сибирякова на кладбище началось стро-

Настоятель Выходо-Иерусалимского храма протоиерей Андрей Степанов

ительство каменной церкви, которое закончилось в 1795 году. Храм был освящен во имя Входа Господня в Иерусалим. Но, как знаем, Иркутск известен своими пожарами и землетрясениями, и если пожар для нового храма был угрозой наименьшей, так как рядом не было жилой застройки, то воздействие землетрясений было неизбежным. Именно в результате этого бедствия храм был частично разрушен. В 1820 году на этом месте началось строительство нового храма по проекту томского архитекто-

пришлось спустя время пристроить два дополнительных придела: во имя Святителя Митрофана Воронежского и в честь иконы Иерусалимской Божией Матери. Обогревался храм обычными дровяными печками, а посему необходимо было его довольно часто убирать, ремонтировать, белить, но приостанавливать работу храма возможности не было, и когда основной придел ремонтировали, служили в боковых.

После исторического зачина отец Андрей

Старинная открытка с видом на Входа-Иерусалимский храм (снимок 1900–1902 гг.)

ра А.П. Деева. Это была небольшая одноэтажная церковь с одним приделом. Строительство было закончено в 1830 году, еще пять лет делалась внутренняя отделка, иконостас был выполнен по проекту иркутского архитектора А.В. Васильева. Освящение церкви состоялось в 1835 году, повторно после ремонта — в 1890-м. Храм изначально задумывался как кладбищенский, и после освящения здесь не венчали, не крестили — лишь отпевали и служили панихиды. Поскольку хоронили на Иерусалимском кладбище много покойников,

поведал о нынешних реставрационных работах.

— История восстановления храма во имя Входа Господня в Иерусалим берет свое начало с 2000 года, когда здание передали Иркутской епархии. До этого здесь располагалось культпросветучилище с учебной сценой, общежитием; тут же размещалась и администрация ЦПКиО. Три года работы не велись, но... нависла угроза разрушения кровли, а с ней и самого храма. Ветхая кровля уже не удерживала тающие снега и дожди, в храме копилась сырость, на стенах появился злобный «грибок»,

способный «съесть» любое здание. И было решено прежде всего восстановить главный купол, кровлю, к чему в 2003 году и приступили. В 2007 году владыка назначил меня ответственным за восстановление этой церкви, а до этого мы с иркутским предпринимателем Алексеем Владимировичем Дорошенко, возглавляющим компанию «Нордэкс», работали над постройкой храма Блаженной Ксении Петербургской, что около Ивано-Матрёнинской детской больницы. Храм к тому времени достроили, и бла-

лись огромные расходы, которые потребуются на возрождение из мерзости запустения бывшего храма. Но, преодолев растерянность, помявшись, перекрестясь, с Божией помощью приступили к работе.

Перед нами встала та же проблема, что и перед первыми строителями сей церкви, — землетрясения. А посему главной заботой поначалу было укрепление здания, чтобы оно стало устойчивым перед возможными стихийными явлениями. Начали с главного купола, а коль

Входо-Иерусалимский храм в 2006 г. (фото Д.А. Григорьева, www.foto.irkutsk.ru)

годетели, которые жертвовали на его строительство, согласились материально поддержать и восстановление Входа-Иерусалимского храма. Речь идет, прежде всего, об Алексее Дорошенко и Викторе Матяшове, на чьи средства и начались работы. Виктор Матяшов — теперь уже дьякон, на Святую Троицу состоялась хиротония. (Напомним, это было сказано уже летом 2013 года. — Авт.)

Когда благодетели пристально оглядели здание снаружи, и особенно изнутри, то у них руки опустились, в воображении не укладыва-

он раньше, во время строительства, рушился, решили заливать монолитный, железобетонный, разумеется, со стяжками, сейсмопоясом. Основным жертвователем на восстановление куполов и колокольни, на замену кровли стал Михаил Гладышев, на его же средства были исполнены и вставлены окна.

Как уже поминалось, в храме размещалось училище, для чего из высокого, сводчатого помещения выгородили три этажа, а окна заложили кирпичом, превратив их в маленькие квадратные окошки. Мы разобрали все вну-

тренные переборки, удалили из окон кирпичную кладку, возвратили окнам их изначальный благолепный вид.

К 2010 году основные работы были сделаны, и тогда мы вплотную занялись внутренней отделкой храма. В это время и родилась идея хоров на балконе... Солея — большая, занимает изрядную площадь храма, и чтобы предельно высвободить место для богомольцев и чтобы клирос не загораживал иконостас, решено было выстроить хоры. Техническое решение, обоснование сделал грузинский строитель Мамука, и воплотил идею в жизнь. Он же создал и лестницу на хоры. Вначале задумали деревянную, но за ее исполнение с нас запросили 360 тысяч, а сколько бы заломили за хоры?! Пришлось от дерева отказаться, и Мамука предложил создать бетонную лестницу, которая нам обошлась всего в 25 тысяч. Даже полностью с хорами вышло дешевле, чем из дерева. Мамука же облагородил лестницу и хоры дивной лепниной. Карнизы... вообще, все лепные работы в храме он исполнил.

— **Мамука — грузин, и, сколь мне известно, и другие грузины трудились на возрождении храма...**

— Так вышло, штукатурку, декоративную отделку — словом, тонкую работу — исполняли грузинские мастера. Это благодаря Гию Вахтанговичу Самхарадзе. Он же пожертвовал средства на изготовление распятия. Видели, какое оно у нас своеобразное, по эскизам художника-иконописца Михаила Лутаенко исполнил распятие резчик по дереву Анатолий. После освящения Входа-Иерусалимского храма эта же бригада грузинских мастеров будет заниматься

отделкой главного придела Преображенского храма...

Батюшка поведал о грузинских мастерах и благодетелях, порадевших о возрождении храма, а я, в своем повествовании забегаю далеко вперед, скажу: на Божественной литургии в честь престольного храмового праздника — Входа Господня в Иерусалим — в сослужении с отцом Андреем оказался (не диво ль для Иркутска?) грузинский батюшка отец Зураб, а под сводами храма явственно звучали мотивы древних грузинских распева.

А раньше, накануне престольного праздника и освящения храма, староста Алексей Дорошенко вспоминал: «Я был слышан, что связи с Грузией не ограничиваются грузинским землячеством в Иркутске, а тянутся дальше. В свое время отец Андрей гостил в Грузии и с назиданием поведал нам об удивительно трепетном отношении грузин к священникам, к вере, к святыням. В Грузии отец Андрей познакомился с тамошним батюшкой Зурабом и пригласил его погостить в Иркутске. И воспользоваться приглашением отец Зураб решил именно

Святая равноапостольная Нина, просветительница Грузии (фото: www.days.pravoslavie.ru)

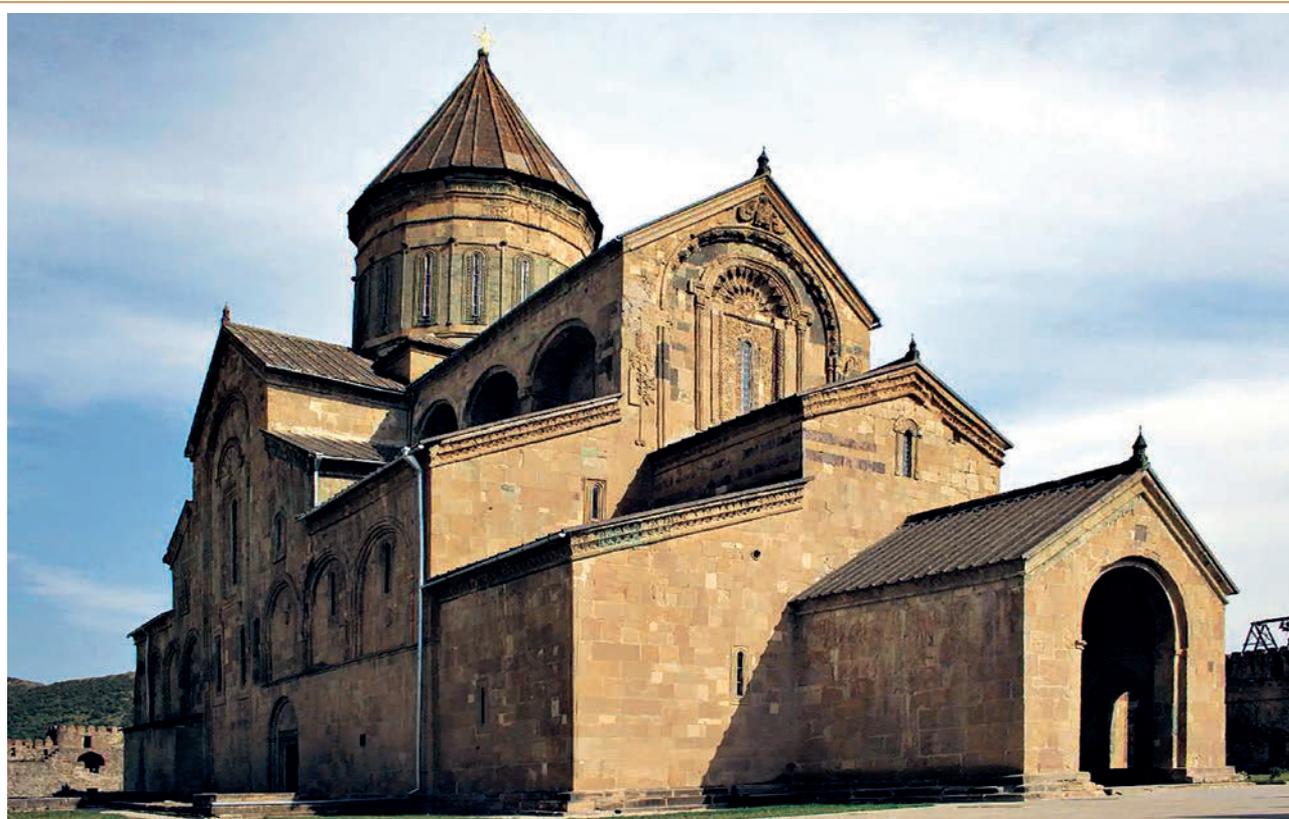
сейчас, когда со дня на день свершится чин освящения храма (беседа с Алексеем Дорошенко состоялась в неделю ваий, незадолго до Вербного воскресения, когда владыка освятил храм. — Авт.). Хотя воистину неисповедимы пути Господни... грузинский священник вовсе и не знал об освящении храма и, тем паче, о роли грузин в его возрождении...»

— В 2003 году я путешествовал по Грузии, посещал тамошние христианские святыни. Почастливилось посетить в Кахетинском селе-

нии Бодби женский монастырь во имя Святой Равноапостольной Нины. Поселившись в палатке на горном склоне, великая христианская просветительница третьего века от Рождества Христова, вела подвижническую жизнь, пребывая в постоянных молитвах и обращая ко Христу окрестных жителей. Благоговейно приобщившись Святых Тайн, святая Нина завещала, чтобы ее тело погребли в Бодбе, и мирно отошла ко Господу в 335 году. Мощи святой равноапостольной просветительницы Иверии, по ее

Грузинской Церкви. В Путеводителе по святым землям Грузии читаем: «...В сакральном плане Хитон Господень, находящийся ныне, как в царственном кивоте, в соборе Светицховели, можно сравнить с духовным солнцем, льющим из недр земли свой незримый свет, или с подземным родником, который невидим для глаз, но питает собой корни цветов и растений. Это тот Хитон, который был соткан руками Пречистой Девы Марии и обагрен кровью Спасителя на Его крестном пути от Гефсимании до Голго-

Собор Светицховели в Мцхете (фото: www.wikimedia.org)

повелению сокрытые под спудом, были прославлены многими исцелениями и чудесами... У Грузинской Церкви нет традиции, подобной российской, когда святые мощи, уложенные в раку, покоятся в храмах; в Грузии они находятся в земле, а уж над ними гробницы, часовни... Это легко объяснить: видимо, во время нашествия арабов, персов святые мощи могли быть осквернены, уничтожены, а чтобы сего не случилось, грузины вынуждены были таить их в земле. Так же под землей хранится Хитон Христа... Хитон Господень — величайшая святыня

фы. Из-за этой святыни Мцхета называли «вторым Иерусалимом». Внутри собора Светицховели построена часовня, похожая по форме на кувуклию — ту, которую воздвиг император Константин над гробом Господним в Иерусалимском храме Воскресения. Хитон Господень, привезенный из Иерусалима во Мцхета, связал духовными узами Палестину и Грузию, храм Воскресения и Светицховели». В этом громадном храме — и усыпальница грузинских царей, князей Багратионов; здесь погребен и генерал Багратион — герой Великой Отечественной

войны двенадцатого года, прославленный в России и Грузии...

Батюшка с благоговением вспоминал обихоженные с любовью православные святыни Грузии, а мне подумалось... Грузинские политики с пентагоновской башни свысока и враждебно косились на Русское царство-государство; грузинские воины, с ног до головы обвешанные натовским оружием, держали Россию под прицелом, а тем временем православные грузины и православные русские обнимались с любовью во Христе, ибо для

христорадной любви «несть элина, несть иудея...» (Апостол Павел. Послание к галатам (3: 28). Политика, аще не оборона родной земли, то рвущие человеческие и государственные отношения гордыня, честолюбие, сребролюбие, мстительность; и в политике лукавый правит бал. Православие — страх Божий и всепрощающая любовь к ближнему: всякую вину прости брату и сестре во Христе, не прощай лишь хулу на Дух Божий; люби брата и сестру, хотя и ненавидь грехи их. Мало того, православные грузины, православные русские могли бы своим властителем повторить наставления святому

благоверному князю Дмитрию Донскому, реченные преподобным Сергием Радонежским: «Аще требует чести, — отдай, аще ищет золота — отдай; но за веру православную и Христову церковь нам подобает и кровь свою пролити и живот свой положить». Православное единство русских и грузин за свою многовековую историю, очевидно, воплотилось во многих совместных деяниях Христа ради; вот и ныне — в возрождении Выходо-Иерусалимского храма, в

сослужении священников родственных апостольских Церквей.

— *Батюшка, с благословенной грузинской земли вернемся в родной храм, где в престольный праздник Вербное воскресенье, сошлавший с освящением храма, Вам сослужил отец Зураб...*

— История такова... Среди грузинских жертвователей на храм — Нодари Иосибович Субелиани, а протоиерей Зураб Субелиани, настоятель храма в Кутаиси, — его младший брат.

Батюшка приехал в Иркутск для обследования в кардиологическом отделении, — ранее у него случился сердечный приступ, потребовалось серьезное лечение... Если есть Божие благословение, то всё решается легко: мы быстро, за три дня, оформили батюшке приглашение в Иркутск, хотя обычно это тянется месяц. Отец Зураб прилетел в Иркутск накануне Вербного воскресения, и мы вместе служили на престольном торжестве и освящении храма, а потом — на Страстной седмице и Пасхе Христовой. В службах гармонично сочетались два языка... А на Святую Пасху читались молитвы и Святое Евангелие на церков-

На исповеди у отца Зураба (фото В.Г. Баранкевича)

но-славянском, греческом, грузинском языках; звучали грузинские распевы и в литургических песнопениях. И так порадовало грузин, которые пришли на Божественную литургию в наш храм, что в богослужении звучал их родной грузинский язык.

— *Батюшка, чьим попечением, чьими трудами и средствами восстанавливался храм?*

— Иркутяне знают, что здание долгое время было в очень плачевном состоянии, поэто-

му неудивительно, что на его восстановление потребовалось немало сил и денег. Но нашлись люди, которые помогли и благодаря которым основная часть работ уже позади. Основные расходы легли на группу компаний «Нордэкс» и ее руководителя Алексея Владимировича Дорошенко, который у нас является одновременно и старостой храма. Кровля здания восстанавливалась на средства Михаила Владимировича Гладышева. Гранитный пол, мрамор на стены сделали на пожертвования Евгения Владимировича Дементьева и Алексея Сергеевича Криворучко; кроме того, среди благодетелей храма необходимо упомянуть Сергея Александровича Семёнова и Виктора Владимировича Бронштейна. Впрочем, можно назвать имена и других людей, внесших посильную лепту в возрождение Выходо-Иерусалимского храма.

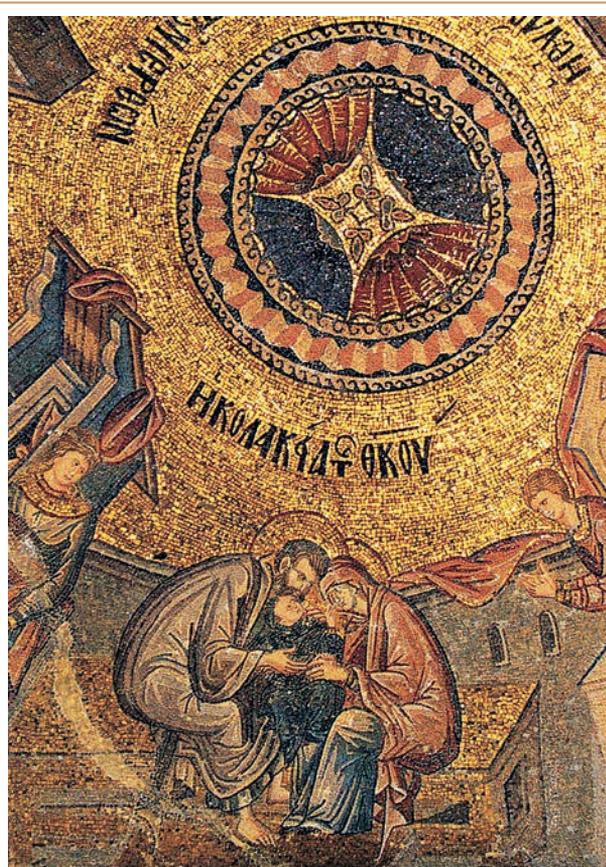
Говоря о посильной лепте, мы не должны забывать, что лепта выражалась не только в материальных и трудовых вкладах, но и в творческой отдаче: случалось, мастера лишь в ходе реставрации того или иного фрагмента храма творчески осмыслили его, находили решение. Так было с резным распятым, с хорами, с мозаикой... О мозаике скажу особо... Господь Бог сподобил, и я шесть раз гостил в Константинополе — в Царь-граде, откуда Промыслом Божиим пришло в Древнюю Русь Православие. В каждый свой приезд в Константинополь я посещал храм Святой Софии, где остались лишь фрагменты мозаики. Традиционно считается, что мозаику закрасили турки; это не совсем верно, великолепную мозаику

в Софийском соборе в свое время испортили иконоборцы, ну и, к сожалению, и турки приложили руку. В прошлом году посетил монастырь в Константинополе, где в притворной части сохранились такие прекрасные мозаики, каких нет и в храме Святой Софии. Вернувшись в Иркутск, я предложил мастерам-реставраторам создать подобную мозаику. В алтаре уже выложили, а в будущем мозаичная окантовка опоясает весь храм. Рисунок мозаики повторяет орнамент мозаики бордюра, что в монастыре

Хора в Константинополе. Тем самым, во внутреннем декоре мы продолжаем древне-византийскую традицию украшения храмов.

— *Ведомо, что панихиды и молебны свершались в храме вскоре после начала реставрационных работ, потом от случая к случаю проходили и Божественные литургии, а как скоро он будет открыт для постоянных богослужений? Какая работа еще предстоит в будущем?*

Вначале совершали молебны святителю Митрофану Воронежскому — придел слева от центрального, иконе Иерусалимской Божией Матери — придел справа, а также совершали панихиды, молебны в честь святого Уара для

«Ласкание Марии». Мозаика на своде внутреннего нартекса монастыря Хора в Константинополе
(фото: www.images.icon-art.info)

поминовения некрещеных, неотпетых. С неких пор изредка служим Божественные литургии, но богослужения осложняются тем, что работы идут, и довольно медленно, а перед службой необходимо храм отмыть, прибрать. Отслужив, мы всякий раз снова закрываем всё полиэтиленом, чтобы можно было продолжать ремонт. Это, к сожалению, занимает очень много времени. 25 октября 2010 года, в день, когда совер-

Внутренний вид храма в период его восстановления (фото: www.ierusalim.prihod.ru)

шается празднование Иерусалимской иконы Божией Матери, мы отслужили первую литургию в восстановленном храме.

Конечно, отныне и довеку Выходо-Иерусалимский храм уже не будет исполнять свои былые функции, не будет кладбищенским, откуда православных людей провожают на погост, ибо на Иерусалимском кладбище уже давно не хоронят. Хотя его восстановление, конечно, призвано, в том числе, сохранить память о более чем 100 тысяч иркутян, похороненных здесь. В будущем епархия видит его приходским храмом с тремя священниками и одним дьяконом. Здание церкви имеет очень хорошую акустику, поэтому мы будем искать дьякона с сильным голосом, чтобы мощное и благолепное пение придавало мощь и благолепие богослужениям. Сейчас же все наши помыслы и устремления обращены на окончание реставрационных работ. А в будущем нам предстоит работы по завершению мозаики в карнизе и по всему периметру храма. Через год-полтора приступим к росписи храма. Ныне же создается проект будущих иконостасов для трех приделов, которые будут исполнены в одном стиле из мраморного оникса. Если Бог даст, потому что иконостасы из этого красивейшего камня — дорогое удовольствие. Но если мастера с Божией помощью красиво, благолепно исполнят иконостасы — это будут произведения церковного изобразительного искусства, шедевры на века. Пройдут годы, десятилетия, а прихожане храма всегда будут благодарить благодетелей и мастеров, будут молиться за спасение их душ.

Алексей Дорошенко, староста Выходо-Иерусалимского храма

В очерке «Сокровище», узревшем свет в предыдущем выпуске «Иркутского Кремля», читаем: «Стародавний русский купец, народный благодетель, верующий в бессмертие души, в райское блаженство и адские муки, в воскресение мертвых праведников, свято чтит евангельскую заповедь: «Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою» (Мф. 6:2). И хотя

понимал православный благодетель: де, твори милостыню втайне, воздастся въяве, но и, помышляя духом о мире горнем, обитая душой в мире дольнем, утешен бывал не наградами, но добрым, молитвенным словом от благодарных соотечественников». Вознамерившись изречь хвалу Алексею Дорошенко, иркутскому предпринимателю, руководителю группы компаний «Нордэкс», чьими заботами-хлопотами возрождается храм, памятуя о тайной милостыне, уповаю лишь на то, что труды благодетелей должны быть ведомы и не столь православному миру, сколь русским деловым людям для подражания в боголюбии и человеколюбии, в тайном благодетельном состязании, чем, бывало, славились русские купцы. С Алексеем Дорошенко впервые мимолетно виделся в кабинете протоиерея Евгения Старцева, настоятеля Михаило-Архангельского (Харлампиевского) храма, главного редактора альманаха, а ранее на большом казачьем концерте, который и состоялся попечением Алексея Владимировича. И вдруг увидел его на службе в Иерусалимском храме... Помнится, впервые очутился в сем храме: полы — ныне мраморные, подобные темным старинным зеркалам, — в ту пору удручали взор бетонной серостью, алтарь завешан пеленой, в приделах Иерусалимской Божией Матери и святителя Митрофана Воронежского топорщатся леса; и тем не менее, отец Андрей служил воскресную заутреню, а прислуживал ему алтарник, пономарь... Алексей Дорошенко. Я, помнится, оторопел: известный предприниматель, директор группы компаний «Нордэкс», и вдруг — алтарник, пономарь, у батюшки в услужении... Я пытался представить в облачении пономаря нынешних российских бизнесменов, и даже доморощенных иркутских, и не мог, даже мое изощренное писательское воображение оказалось бессильно, — слишком барственно важные дельцы попадались на моем жизненном пути, глядящие сквозь меня, простолюдца, сухо и холодно либо с вымученной, выученной менеджерской улыбкой. Ох уж эти лукавые улыбочки частных торговцев и торговцев, какие искушают нас, простецов, выворачивая из дырявого кармана последние гроши... Скудное, верховое, обозленное воображение бедного простонародца, по коему разряду числюсь, соз-

Церковь Входа Господня во Иерусалим

Московский Патриархат
Иерусалимская Благодия

Церковь Входа Господня
во Иерусалим

Благотворительный фонд

Входо-Иерусалимский храм в период восстановления (фото: www.ierusalim.prihod.ru)

дало чудовищный образ коммерсанта — эдакий мертвотушный буржуй с золотой цепью на шее, с «трудоу мозолью», распершей рубаху, грозно и грузно нависающей над брючным ремнем, с оттопыренными, толстыми пальцами, где сверкают драгоценные «булыжники». Впрочем, подобные крутые тихонько уходят в тень или в мир иной, а является иной тип: компьютерно-интеллектуальный, сухой и ледяной Кощей Бессмертный с кейсом. Но и те и другие скуповаты: капитала на три поколения, а снега зимой не выпросишь, хотя на суетные и порочные утехы,

ка, нечесаная грива, где чудом держится малиновый берет, рублище по колено, а талантливый живописец вдруг оказывается похож на деревенского мужичка, на смиренного дьячка. Так и Алексей столь мало походил на коммерсанта, что, если бы не знать, принял бы его за бригадира строительной бригады. И подумалось: видимо, православная душа, одолев предпринимательский прагматизм, смогла вместить Господню заповедь, поведенную грядущим апостолом и всем христианам: «Иже аще хочет в вас больший быти, да будет вам слуга: и иже аще

Президент группы компаний «Нордэкс» Алексей Дорошенко (снимок любезно предоставлен Е.С. Щёголевой)

случается, и сорят деньгами. Правда, публичные, честолюбивые или те, кто рвется к политической власти, могут скрепя сердце нечто пожертвовать на храм, на сиропитательный дом, но абы покрасоваться перед публикой, искусить ее накануне выборов в законодательную власть.

Зловещий образ буржуа вызрел в моем рабоче-крестьянском воображении, которое, увы, нарисовало не реальный тип, а карикатурный шарж... Есть, скажем, расхожий образ художника, вечно хмельного и любодейного: дремучая, лешачья борода, откуда дымит труб-

хочет в вас быти первый, буди вам раб. Яко же Сын человеческий не приде, да послужат Ему, но послужити, и дати душу свою [за] избавление... многих» от вечного ада (Мф. 20:26–28). И, опять же, трудно было вообразить смиренным послушником, услужливым алтарником Алексея, в коем кипит, бурлит жизнь земная, коего легко вообразить отчаянным яхтсменом посреди штормового океана, лихим спортсменом, летящим на горных или водяных лыжах, яростным хоккеистом, но... внешний образ, речено выше, зело обманчив. Оказалось, не токмо

Святое Причастие (фото из архива издательства. Декабрь 2012 г.)

смирный, но и проповедник молитвенного смирения, отвергающий воинственное православие, о чем мы даже и поспорили... А столь легко, несуетно, безнатурно, с благоговением и достоинством служил Алексей, что я убедился: вмещает искренняя православная душа помянутую заповедь о смирении и послушании, что выше постов и молитв. И так они, отец Андрей и алтарник Алексей, на Всенощных бдениях друг друга восполняли, что души прихожан и воспринимали богомолье лишь в их богодухновенном сослужении. А еще, глядя на Алексея, дивился его труженическому подвижничеству:

и алтарник Иерусалимского храма Алексей Дорошенко любил кататься на санках с Иерусалимской горы, где на семи ветрах темнела бывшая церковь, обращенная в лицейское училище, примыкающая к парку с качелями и каруселями. Увы, редко кто из рожденных во второй половине прошлого века ведал, что гуляет, веселится, развлекается на бывшем Иерусалимском кладбище, проходит мимо бывшей кладбищенской церкви. А если иной и ведал, то забывал — молодая память ветрена: в одно ухо влетело, в другое вылетело. А посему для юного пионера Нагорный околоток слыл обыч-

Иерусалимская гора в недавнем прошлом (фото: www.hushome.com)

сложные и напряженные предпринимательские заботы, изрядная семья (чада от мала до велика, с матушкой на службах), прорабские, снабженческие заботы на восстановлении храмов, а к сему — и пономарское служение на Всенощных бдениях. Староста — ктитор, поцерковному, — в позапрошлом веке нередко избирался из крепкого купечества, и по старинной православной традиции не токмо нес бремя хозяйственных забот о храме, но и радел о богослужении, да и сам служил в алтаре.

В детстве и отрочестве будущий староста

ным и привычным местом детских игр и забав, не воспринимался как намоленная поколениями Святая земля. И мальчишка бы рассмеялся, если бы ему в те отроческие лета вещей провидец поведал: де, вырастешь, отроче младо, окрестись, облечешься во Христа, и сему невзрачному, неуклюжему дому, где ныне обитают гомонящие студенты, вернешь изначальный святой лик — возродишь православный храм. Святому — святое!.. Разумеется, не один, но с братьями и сестрами во Христе. И служить тебе в сем храме старостой и алтарником. Сроду бы

не поверил юный пионер в эдакое пророчество, но по Божиему промыслу сподобился и православную веру обрести, и храм возродить, и в старостах бывать, и на Всенощных бдениях пономарем служить. Неисповедимы пути Господни...

Мы беседовали накануне освящения храма, кое символично свершилось в престольный храмовый праздник в честь Входа Господня в Иерусалим. Мы сидели на старинных ступенях лестницы, ведущей в храм, где когда-то уместятся и убогие христорадники, молящие о милости, даже из сильных мира сего, ибо от сумы и от тюрьмы не зарекайся. Город отсюда виден как на ладони. Еще несколько лет назад на сей храм было больно смотреть, таким заброшенным и печальным он выглядел. Ныне иначе, светится храм лебяжьей белизной, и даже дверные ручки сверкают, словно надраенные, и лишь древние каменные ступени красноречиво свидетельствуют о былом — о молитвенных временах и годах забвения. Солнце прогревает по-весеннему ласково, легкий ветерок перебирает листья блокнота, из-за ограды, со старинного кладбища залетают бабочки и доносятся птичьи трели.

— Путь к Богу всегда долгий, — размышлял Алексей Дорошенко. — Наверное, моим первым сознательным шагом на этом пути стало крещение детей. Я тогда, кстати, сам некрещеный был. А батюшка мне говорит: «Вы хоть крестики купили? Нет, ну идите купите и себе заодно». Я побежал, купил всем по крестику. А батюшка снова удивляется: «Ах, вы некрещеный, оказывается! Зачем же себе крестик покупали?»

Алексей улыбается, вспоминая случай, и без слов понятно, сколь спасительным стал для него «лишний» крестик. А дальше все происходило, как ему казалось, стихийно, а на самом деле — закономерно.

— Вскоре после крещения дочери Марии к нам в офис пришёл странный гость с диковинно большой бородой. Меня тогда просто поразила эдакая борода, тем более что ее обладатель оказался совсем молодой человек, не более 30 лет, то есть мой ровесник. Прямо с порога

бородач заявил: «Привет, меня зовут Виктор Матяшов. Мне сказали, что ты нам поможешь построить храм...» Я рассмеялся. «Что еще за глупости, — говорю. — Я — атеист, хотя детей недавно крестил...» Виктор, однако, не обиделся на мой смех. Слово за слово, познакомились, разговорились. Оказалось, приехал из Питера, а нам как раз нужен был представитель в северной столице. Ну, я и предложил ему поработать с нами, а там видно будет...

Так Алексей познакомился со своим нынешним другом, а вернее сказать, братом во Христе. Виктор Матяшов и сейчас живет в

Храм Св. Бл. Ксении Петербургской и Св. Пр. Иоанна Кронштадтского, г. Иркутск (фото: www.hram-ua.ru)

Санкт-Петербурге, заканчивает семинарию, недавно рукоположен во диаконы.

— Вот и пошло наше дружеское общение, — продолжает Алексей. — Со временем я и проникся идеей строительства, хотя бы часовни, которая, скажу забегая вперед, обратилась в храм. Потом Виктор познакомил меня с Михаилом Лутаенко, главным иконописцем Иркутской епархии. Они оба хотели построить часовню во имя Блаженной Ксении Петербургской, и обязательно — в детской больнице. Решили строить при Ивано-Матрёнинской. Наконец,

настал час, когда собрались участники проекта в приемной у владыки Вадима, чтобы просить благословения. Пришли Татьяна Ляшенко — главный врач Ивано-Матрёнинской больницы, ее заместитель Андрей Купцевич, Владимир Стегайло — главный архитектор Иркутскгражданпроекта, его заместитель Олег Будулла, и я, ваш покорный слуга. Все некрещеные, кроме Виктора Матяшова и Михаила Лутаенко.

Владыка благословил, и говорит: «Всё хорошо, я вам уже и священника приготовил, будет помогать строить часовню и духовно окормлять вас». И приглашает батюшку — молодого, худенького, тихого, в рясе, словно в робе мастерового, словно его вот-вот сняли со строительных лесов и к владыке под белы ручки привели. Так мы познакомились с отцом Андреем Степановым, с которым и начали строить храм во имя Святой Ксении Петербургской, а потом и восстанавливать Выходо-Иерусалимский, где батюшка стал настоятелем...

— **И пало семя веры христианской на добрую почву...**

— Видимо... Постепенно в моей душе начал происходить переворот. Помню, мы шли с Виктором Матяшовым по рынку и разговаривали о том, что есть грех, и я вдруг четко понял, что не вижу в себе греха, не чувствую его, и меня это просто ужаснуло. В течение полугода крестились все, собравшиеся в тот памятный день в приемной у владыки. Олег Будулла уже второй храм и приют для сирот построил в Пивоварихе под руководством отца Александра Василенко. Покрестился Андрей Купцевич, и мы с ним в 1998 году ездили на заготовку леса для храма Святой Ксении Петербургской. Потом договаривались, чтобы

заготовленный лес вывезли. Нанимать работников денег не было, пришлось самим таскать бревна. Зато пока трудились на возведении часовни — вернее, уже храма, — у нас сложилось крепкое православное братство.

— **Замыслили часовню, вышел храм?**

— Во время строительства часовня обрела цокольный этаж, и стало ясно, что нужно возводить храм с двумя приделами: основной — в честь Блаженной Ксении Петербургской, цокольный — в честь святителя Иоанна Кронштадтского. Покаюсь, засомневался я грешным делом: по силам ли нам эдакое строительство? А у меня тогда и квартиры-то своей не было... Но глаза боятся, а руки делают: помолясь, благословясь, засуча рукава, продолжили стройку, и... с Божией помощью возвели храм. Попечением петербуржца Виктора Матяшова рядом с храмом был воздвигнут памятник святителю Иоанну Кронштадтскому, копия памятника, воздвигнутого в Санкт-Петербурге. Настоятелем храма владыка назначил отца Александра Василенко, — одного из самых достойнейших людей, которых

Памятник святому праведному Иоанну Кронштадтскому в Иркутске (фото: www.iemp.ru)

я встречал в своей жизни. Батюшка действовал энергично, и прямо на наших глазах храм стал превращаться из культового сооружения в дом для большой и ладной семьи — прихода, где православные живут в мире и любви Христа ради.

Наша миссия была выполнена. Я в ту пору жил невоцерковленно, и почувствовал себя не у дел, поскольку церковная жизнь была мне непонятна. Вместе с тем пришло ощущение некоей томящей пустоты. Мне не хватало радостной, азартной суеты на стройке, которая, оказыва-

На колокольне Входо-Иерусалимского храма (фото из архива издательства. 2013 г.)

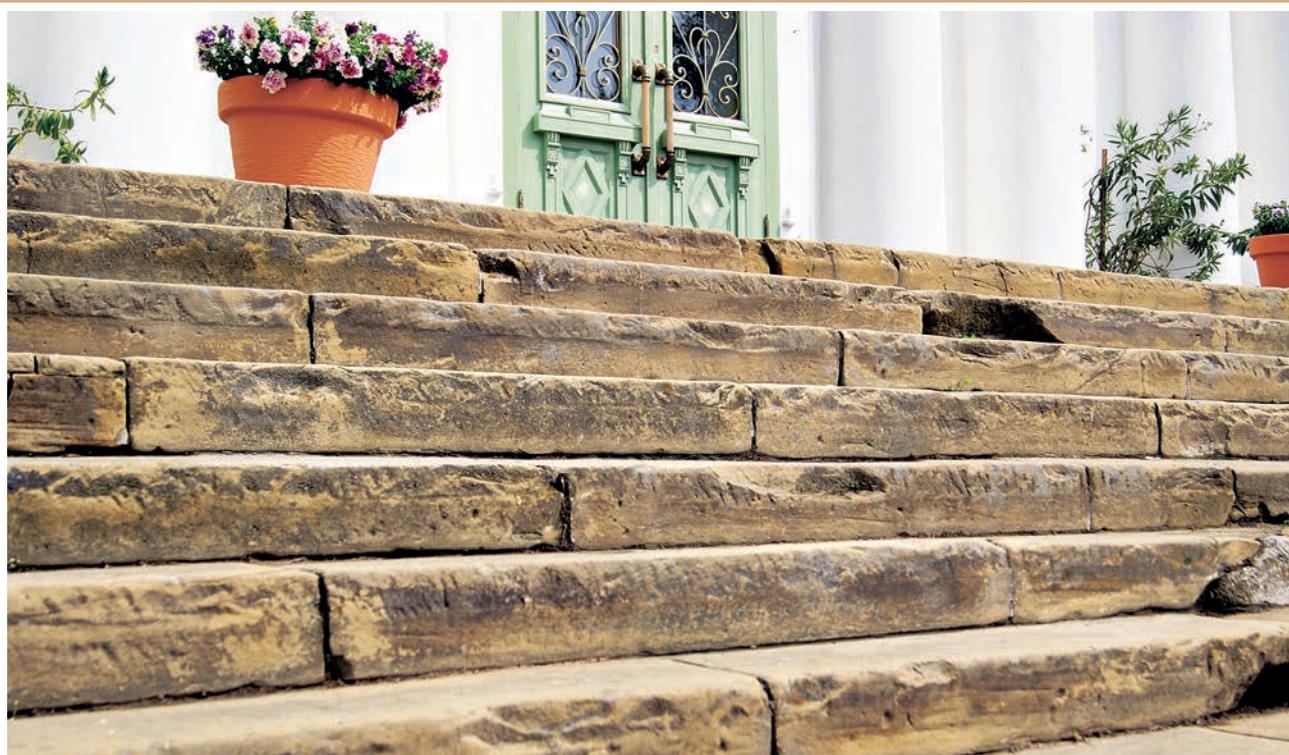
ется, давала ощущение полноты жизни. И я подумал: «И зачем я всё время боялся, что денег не хватит на строительство, перестраховывался, старался сэкономить?! Пока Господь давал возможность помогать, надо было сделать все, что мог. Но еще не вечер, будет и еще подобное доброе дело...»

Едва в душе и разуме созрела эта мысль, раздается телефонный звонок, и отец Андрей Степанов приглашает в гости. Вечером я к нему подъехал, и мы отправились прогуляться. Как бы между прочим дошли до Иерусалимского храма, а здесь батюшка остановился и говорит:

ступили к реставрации, и здание постепенно обрело исконный храмовый облик: оштукатурили стены, сделали кровлю, возвели маковки, залили железобетоном центральный купол, восстановили колокольню, исполненную легкими материалами, хотя в основе — железобетонная конструкция. Специалисты заверяют, что колокольня простоит века. В Воронеже льют колокола, и Бог даст к осени привезут.

— **Паперть впечатляет даже и без реставрации...**

— Паперть старинная, подобно храмовым

Церковная паперть (фото из архива издательства. 2013 г.)

«Вот, смотри, Алексей. Теперь мы будем сей храм восстанавливать». Я оторопел и думаю: «Господи, я же столь труда не просил! Нам этого восстановления до глубокой старости хватит...» Однако справились гораздо раньше старости, всего за семь лет.

— **Как выглядел храм до реставрации? Наверное, удручающее впечатление.**

— Здание ничем не напоминало православный храм: тяжелое, кубическое, разумеется, без куполов и крестов, без былых лепных фронтонов, с разрушенной колокольней. При-

стенам, и сложена из плитняка. Камень, казалось бы, не долговечный, на самом же деле обладает чудесным свойством: с годами обретает прочность, а в фундаментах, укрытых землей, становится крепким, как сталь, — не отпилить, не отколоть. Из песчаника в старину возводились брандмауэрные стенки между деревянными домами, чтобы пожар не перекидывался от дома к дому. При возведении многих храмов использовался песчаник поскольку крепче, чем любой бетон. Вот и наша паперть из песчаника — сто лет под открытым небом, тысячи лю-

Старый надгробный камень вдоль дороги на Иерусалимском кладбище (фото из архива издательства. 2013 г.)

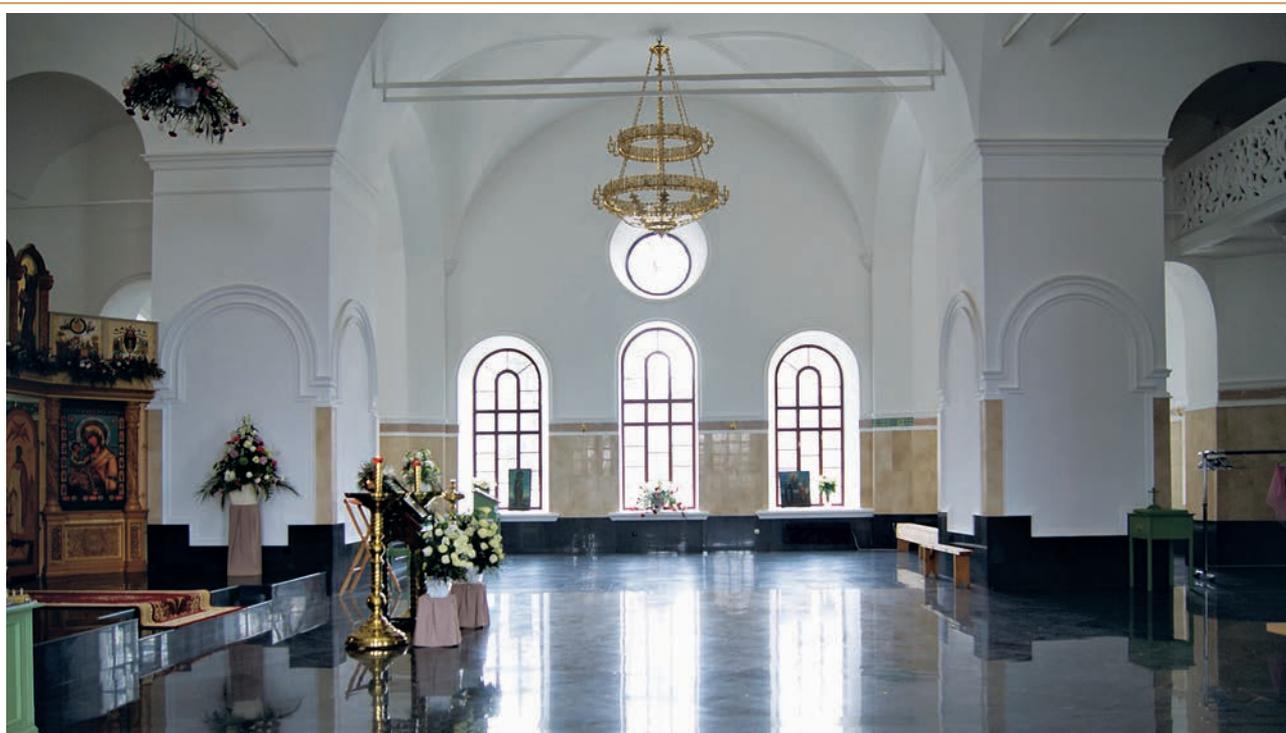

дей прошли по ее ступеням, и выдюжила, и еще сто лет простоит.

Не прерывая беседы, мы тихо идем вдоль церковной ограды, Алексей поясняет:

— Это временный забор. Раньше всё кладбище относилось к храму, который не выгорался особой церковной оградой. Имелось кладбищенское ограждение, а в старину еще и ров. Сейчас выделена прихрамовая земля, но строить основательную ограду пока нельзя, потому что рядом со стенами сплошные захоронения. Могилы не убрали. А посему прежде чем возводить церковную ограду, видимо, надо

посему некоторые элементы внутреннего декора пришлось решать нашим специалистам. Все рождалось творчески в ходе работы... Скажем, так были созданы хоры: вначале соорудили нечто подобное театральному балкону, а потом пришел художник Александр Москвитин, говорит: «Надо бы украснее, благолепнее...», и сделал для храма эскиз лепнины на хорах, а воплотил эскиз в жизнь православный грузин Мамука, причем делал лепнину древним способом грузинских мастеров. Это была невероятно трудная задача, но он с ней справился, и вышло так, что глаза радуются, душа ликует, когда глядишь

Внутренний вид в сторону придела в честь иконы Иерусалимской Божией Матери
(фото из архива издательства. 2013 г.)

решить вопрос с перезахоронениями. Но это уже вопрос о самом Иерусалимском кладбище, о частичных хотя бы перезахоронениях, поскольку в архиве и сохранилась лишь часть списков людей, упокоенных здесь, а часть сгорела во время пожара...

Совершив обход храма по пути, где вскоре произойдет пасхальный крестный ход, мы продолжили беседу уже в храме.

— Мы не своевольничали, мы возвращали внутреннему устройению храма исконный облик. Но храм был незавершен, недоукрашен, а

на сие лепное благолепие — воистину, лепота. Так же творчески в ходе работ решался вопрос с крещальным баптистерием... Иконостас временный, и Михаил Лутаенко прорабатывает эскизы нового, трехъярусного, а заодно — иконостасы в приделах святителя Митрофана Воронежского и в честь иконы Иерусалимской Божией Матери. Предполагаем, что это будет оникс зеленоватого цвета...

— **Страшно было браться за столь сложный реставрационный проект?**

— Страшно, но, как уже говорил: глаза стра-

шатся, а руки делают. Страшно было лишь вначале, потом к нам стали присоединяться другие люди, и дело пошло бодрее. Каждый вносил свой вклад, свою лепту. Скажем, Михаил Гладышев... Молодой человек, сейчас ему около 30 лет, и большой бизнес он создал своими руками с нуля. Михаил любит море, в свое время окончил шкиперские курсы на Байкале, построил себе корабль. А теперь и вовсе переехал с семьей на берег океана, в Австралию. Попечением Михаила, благодетеля, ныне в храме — прекрасные окна; он же помог нам чинить кровлю. Однажды Михаил сказал слова, которые мне было удивительно слышать от такого молодого человека, и я часто их вспоминал: «Строй храм так, будто строишь свой собственный дом, и даже лучше...»

Далее о благодетелях... Владислав и Анатолий Гусевы пожертвовали бетон. Попечением Виктора Матяшова храм обрел престол из оникса. Из сего камня создавали престол для церкви на Валааме, и Виктор из оникса же заказал престол и для нашего храма.

Поразительно, что на восстановительных работах едва ли не каждый выступал не просто исполнителем, но — сотворцом. Тот же Мамука, пока делал лепнину, вынужден был внести в эскиз свои изменения, и вышло гармонично, красиво. Храм — как дерево, растет на наших глазах, и никто не знает заранее, что выйдет. На дерево где-то солнышко посветило, и оно повернуло листочки в одну сторону, а потом ветер подул — и оно поворачивается в другую сторону, потому что оно живое, оно развивается из почвы, откликаясь на стихии небесные.

Так же и храм, не просто строится по строго заданному проекту. Храм рождается, словно живой организм, и его создателями являются многие и многие люди. Никто не знает, где в этом процессе кончается творчество человеческое и начинается Промысел Божий. Взять хотя бы историю с распятием, что стоит в приделе Святителея Митрофана Воронежского.

— Да, весьма и весьма своеобразное распятие...

— Удивительным образом на восстановлении храма работало много православных грузин. Например, есть у нас жертвователи: Гия Вахтангович Самхарадзе и Нодари Иосибович Субелиани, оба они из Грузии, но давно уже стали иркутянами. Лет восемь назад мне довелось праздновать Пасху в доме Нодари Иосибовича. Какое это было великолепное, красивое и радостное торжество, невозможно передать словами! Так меня вдохновила пасхальная трапеза, что я на следующий день отправился поздравлять друга с куличом в руках и горячей свечой, и мне казалось, что так можно ходить по родному городу, ничего в

Деревянное распятие выполнено по эскизам М. Лутаенко (фото из архива издательства)

том предосудительного нет... Но вернемся к истории с распятием... Однажды Гия Вахтангович решил пожертвовать в храм распятие. Но не простое распятие, а скульптурное. Оказалось, что сделать его достаточно трудно, местные мастера не берутся. Нет у нас традиции создавать скульптурные изображения в храмах. Тогда Гия Вахтангович нашел своего резчика по дереву. Мастер начал работать, мы время от времени ездили смотреть. За художественную часть у нас отвечает Михаил Лутаенко, а ему

всё что-то не нравилось. В конце концов решили забрать и оттенить древесину красками, используя старинную технику, тем самым сгладить огрехи резчика. Договорились с мастером, приехали забирать, а резчик наш взял и покрыл кедровое распятие коричневой краской. Что делать, поехали в художественную мастерскую, попробовали снять краску, а краска не снимается. Думали, гадали и придумали сделать распятие зелёным, потому что это наш храмовый цвет, цвет престольного праздника. Но самое

труд тяжелый. Гена, наш работник, сперва мало что умел в строительном ремесле, но всему научился, и даже одолевает немощь. Мозаику в алтаре создавали художники Наталья Довнич и Андрей Поляница. Поклон сотрудникам компании «Нордэкс» за их труды... Изрядно помогало семейство Семёновых... Впрочем, можно назвать еще много имен...

— **Избранных владыка поименно отблагодарит на освящении храма...**

— Кстати, один из крестов нам помогал

Воскресная трапеза с пирогами от Виктора Бронштейна (фото В.Г. Баранкевича. 2013 г.)

главное, у нас скоро появится мраморный иконостас в зеленоватых и розовых тонах, а дерева в храме не будет. Поэтому кедр, останься он естественного тона, никак не совпадал бы с общим убранством храма. Интересно, что идея с мрамором пришла позже, когда распятие было уже вырезано и окрашено зеленым цветом.

— **Кто ещё помогал восстанавливать храм?**

— Всякий, кто приходил сюда молиться. Люди помогали и делом, и одобряющим словом, и ласковой улыбкой. Есть у нас две прихожанки, Надежда и София, они многожды отмывали храм от штукатурки, а это, скажу вам,

поднимать Антон, сын Елены Виннер, знаменитого тренера по художественной гимнастике. А скажем, предприниматель Виктор Бронштейн посылает на воскресную трапезу пироги. Знаете, как нам отрадно подобное внимание, поскольку брат во Христе благодетельствует не оттого, что так принято, а оттого, что христианская душа, любящая ближнего, жаждет добрых дел.

— **Иркутское чиновничество благожелательно относилось к вашей работе?**

— Никогда, ни одно ведомство не ставило нам подножки, не совало палки в колеса. На-

Отец Андрей совершает богослужение в центральном приделе Входа-Иерусалимского храма (фото из архива издательства. Апрель 2013 г.)

оборот, все старались помочь, давали советы, и мы решали все свои вопросы без волокиты. Простой пример: однажды приехал мэр Виктор Кондрашов глянуть на нашу стройку и пообещал сделать дорогу, хотя времени до освящения храма оставалось мало. Я думал, не успеют, но рабочие уже на следующий день приехали и все сделали. Это потрясает.

— **Какие работы еще грядут?**

— На попечении нашем и храм Преображения Господня, где отец Андрей тоже настоятель. Теперь наша забота — центральный при-

храме все выстоялось, чтобы улеглась пыль стройки. А потом спокойно, с Божьей помощью будем думать, как жить дальше. Нужно менять иконостас, у нас он будет трехъярусный в зелено-розовых тонах. Попробуем отлить колонны на баптистерии, а сверху сделать резную сень. Днем солнце будет проходить сквозь эту сень и падать на пол красивыми узорами.

А мечта наша — восстановление Иерусалимского кладбища и, может быть, строительство мемориала в честь выдающихся иркутян, и особенно купцов, зодчих и мастеровых, чьим

Вербное воскресенье 2012 года (фото из архива издательства)

дел Преображенского храма, который и по сей день не завершен.

И самое главное — наладить приходскую жизнь в Иерусалимском храме. У нас — молодой приход. Самая старая наша прихожанка — бабушка Анисия, которая живет поблизости и всегда приносит на храм свою копеечку. Складывается церковная община прихожан, где царит молитвенная любовь к Богу и ближнему. Мы уже совершили паломническое путешествие в Киево-Печерскую, Троице-Сергиеву лавры. Сейчас нужно, чтобы в Иерусалимском

попечением созидался дивный град Иркутский. Разумеется, все захоронения не изыскать, но необходимо восстановить имена погребенных на Иерусалимском кладбище, и на мемориальном памятнике, увенчанном православным крестом, увековечить. Возможно, затем попытаться устроить и частичные перезахоронения. Городские власти думают создать здесь садово-парковую зону, и мы, восточно-иерусалимские прихожане, не против сего. Одновременно можно подумать и о возвращении улиц, районам, предместьям и площадям исконных исто-

У стен храма в день его освящения (фото В.Г. Баранкевича. 28 апреля, 2013 г.)

рических названий. Словом, работы непочатый край, лишь бы труды наши были во славу Божию, во спасение братьев и сестер во Христе...

Слушая старосту Алексея Дорошенко, вдруг вспомнил... Однажды после Божественной литургии в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы вышел из Входа-Иерусалимского храма и, глядя на зеленые купола, золотые кресты, осенясь крестным знаменем, выбрал за ворота и... уткнулся взглядом в памятник красным партизанам... Помянулось: в молодости, случилось, от рынка поворачивал к Центральному

армии оплот...» Ныне, глядя на позеленевших «красных партизан», не напеваю «волочаевские дни», ныне скорбею: эх, отпавшие от Бога, из ваших комиссаров вышли «красные дьяволята», от рук коих тысячи православных братьев и сестер, не предавших Христа Бога, приняли мученический венец, обрели, страстотерпцы, святость на небесах. Эх, воители красные, — безбожники и богохульники, — повергая наземь благовестные колокола, ломая церковные кресты, купола и колокольни, обращая святые храмы в пристанища для любителей игрищ и забав,

Памятник борцам революции у входа на кладбище (фото: www.travel.aviastar.org)

парку, вздымался по широкой, долгой лестнице, мимолетно глянув на краснопартизанский памятник и невидящим взглядом скользнув по неуклюжему, невзрачному, серому дому, не ведая, что се обезглавленный Входа-Иерусалимский храм... Коли не опаздывал на свидание, на дружескую выпивку в ивовых зарослях, случилось, оглядывал памятник красным партизанам, гордясь их героизмом, невольно напевая: «По долинам и по взгорьям // Шла дивизия вперед, // Чтобы с боем взять Приморье — // Белой

не ведали, что творили, прости вам Господи. Молил же Иисус Христос о распинающих его: «Отче, прости им: не ведают бо что творят» (Лк. 23:34); молятся же православные испокон веку за своих мучителей и губителей, за гонителей веры христианской: «На Кресте моливыйся за распинателей Твоих и приемый в последний час разбойничье покаяние, не погуби, о Господи, отступников, хулителей и гонителей святая веры и святая Церкви Твоя, но аще возможно сие, даруй и им радость познати Тя, Божествен-

Вид на город с колокольни Входа-Иерусалимского храма (фото из архива издательства. 2013 г.)

ную Любовь и Премудрость, и дни свои в истинном покаянии скончати» (Молитва свт. Тихона Московского).

В смутную пору безбожники и гонители обезглавили Входа-Иерусалимский храм... Но... неисповедимы пути Господни: минул век без малого, когда рядом со тьмой тихо, потаенно светила неугасимая лампада любви к Вышнему и ближнему; истек прошлый век, иссякла великая русская попытка устроить земную жизнь по совести, по правде и даже по заповедям Божиим, но... без Бога; закатилась Великая Советская империя, воскрешается Великая Православно-самодержавная империя, и внуки, правнуки вчерашних ярых гонителей Христа, ныне яро и боговдохновенно молятся Христу, словно замаливая свои и родовые грехи, и возрождают порушенные красными дедами православные храмы, подобные Входу-Иерусалимскому. И, может быть, нынешние потомки красных партизан, взойдя по щербатой, вышарканной лестнице, с горы Иерусалимской счастливо оглядывают старинный иркутский околоток, видимый, словно на ладони, словно с высоты птичьего полета. И, может, привидится потомкам время царское и околоток предков: обывательские дома, благолепно и щедро изукрашенные деревянными кружевами, летом утопающие в цветущей сирени, после Покрова Божией Матери молитвенно замирающие среди голубоватых сугробов. Еще не звонили входо-иерусалимские колокола, а стар и млад, покинув усадьбы, восходят по старинной лестнице к родному храму, где их ждет Божественная литургия, покаяние и спасение.

Престольный праздник и освящение Входа-Иерусалимского храма

Дважды либо трижды и я, грешный, молился в Иерусалимском храме, но давненько, и ныне, в храмовый праздник, радостно изумился: кажется, еще вчера на первой седмице Великопостья, на Великом Повечерии читался «Покаянный канон» Андрея Критского, и стар и млад обмирали коленапреклонно, касаясь покаянным челом бетонного пола, дыша незримой цементной пылью, а ныне, в Вербное воскресенье, храм воскрес из мертвых, восстал из гроба, подобно Лазарю, другу Господню, и

сверкают темными, таинственными зеркалами мраморные плиты. Кажется, вчера, словно плотницкие леса, городились дощатые помосты в приделе Иерусалимской Божией Матери, в приделе Святителя Митрофана Воронежского; кажется, вчера сиротливо и тускло светили одинокие лампочки, а часть икон в иконостасе были затянута серыми пеленами, а ныне снежно белеют стены и свод, ярко и празднично освещенные диковинно большими люстрами, и во всем иконном благолепии — иконостас. Кажется, еще вчера клирошане неприкаянно ютились в правом приделе, а ныне хоры — ближе к своду, куда надо взойти по изящно изогнутой лестнице; и слушаешь песнопения и чудится: божественное пение льется с купола, словно с небес.

В сосредоточенном молчании теснятся православные миряне, иные — уже и прихожане, коль с первых богослужений, еще под дощатыми лесами, зрела церковная община. Вижу знакомых братьев и сестер во Христе: вот Елена в свечной лавке, бывшая лампадница Харлампиевского храма; вот... Богомольцев в храме... яблоку негде упасть: храмовый праздник — Вход Господень в Иерусалим, и великое событие — через восемьдесят два года после насильственного закрытия владыка освятит сей храм. Коль служит и причащает сам владыка, сошлись богомольцы со всего городища, что в иную пору молятся в родных церквях.

Не впервой я в сем храме на молебнах и богослужениях, но вновь и вновь радостно дивлюсь: под родительской опекой уйма ребятшек, словно в сад-ясли угодил или выбрел на майскую поляну, где солнышками желтеют цветы-одуванчики, колышатся, словно кружатся в хороводе; и вспомнилось реченое Царем Небесным о детях: «Аминь глаголю вам, аще не обратитесь и не будете яко дети, не внидете в Царство Небесное: иже бо смиритесь яко отроча сие, той есть болий во Царствии Небесном; и иже примет отроча таково во имя мое, Мене примет; и иже аще соблазнит единого малых сих, верующих в Мя, лучше есть ему, да повесится жернов осельский на вые его, и потонет в пучине морстей» (Мф. 18:3–6). Пока не обрастут мохом взрослых немочей чада малые, яко ангелы, — безгрешны: не случайно в Вербное воскресенье под сводами Входа-Иерусалимского

храма звучит кондак, где дети — «младенцы незлобивые» — величаются наравне с ангелами Божиими: «На престоле на небеси, на жребяти на земли носимый, Христе Боже, Ангелов хваление и детей воспевание приял еси зовущих Ти: благословен еси, грядый Адама воззвати...»

Не изыскал еще отец Андрей дьякона голосистого, подстать великолепной акустики, но сегодня певучий дьякон приглашен на освящение храма и громогласно повелевает из алтаря: «...Приидите, поклонимся и припадем Самому Христу, Цареву и Богу нашему!...»

опиим: радуйся зело дщи Сионова, проповедуй дщи Иерусалимова: яко се Царь твой грядет тебе кроток и спасаая, и вседый на жребя осле, сына подъяремнича: праздную яже детей, ветви руками держащи похвали: осанна в вышних, благословен грядый Царь Израилев». «Честное воскресение Твое прообразуя нам, воздвигл еси умершаго повелением Твоим, бездыханнаго Лазаря друга Блаже, из гроба четверодневна смердяща. Темже и на жребя возсед образно, якоже на колеснице носимь, язъики укротеваая Спасе. Сего ради и хваление приносит возлю-

Певчие Входа-Иерусалимского храма (фото В. Иовлева. 27 апреля 2013 г.)

И неземные голоса тихо кружатся под куполами, о неземном славословят: «Свете Тихий святых славы Безсмертнаго Отца Небеснаго, Святаго, Блаженнаго, Иисусе Христе! Пришедше на запад солнца, видевши свет вечерний, поем Отца, Сына и Святаго Духа, Бога. Достоин еси во вся времена пет быти гласы преподобными, Сыне Божий, живот даяй; темже мир Тя славит».

Звучат вербновоскресенские стихиры: «Приидите и мы днесь весь новый Израиль, яже от язык Церковь, со пророком Захарию воз-

бленный Израиль из уст ссуших, и младенец незлобивых, зрящих Тя Христе, входяща во святы град, прежде шести дней Пасхи».

Батюшка читает нараспев евангельские стихи о входе Господнем в Иерусалим, чтобы миряне поняли умом, осознали душой величие праздника: «И егда приближишася во Иерусалим и приидоша в вифсфагию к горе елонстей, тогда Иисус посла два ученика, глаголя има: идита в весь, яже прямо вама: и абие обрящета осля привязано, и жребя с ним: отрешивша приведита ми: и аще вама кто речет что,

речета, яко Господь ею требует: абие же послет я. Сие же все бысть, да сбудется реченное пророком, глаголющим: рцыте дщери сиононе: се, Царь твой грядет тебе кроток, и всед на осля и жребя, сына подяремнича. Шедша же ученика и сотворша, якоже повеле има Иисус, приведоста осля и жребя: и возложиша верху ею ризы своя, и вседе верху их. Множайшии же народи постилаху ризы своя по пути: друзии же резаху ветви от древ и постилаху по пути. Народи же предходящи (ему) и вследствующии зваху, глаголюще: осанна Сыну давидову: благословен грядый во имя Господне: осанна в вышних. И вшедшу ему во Иерусалим, потрясся весь град, глаголя: кто есть сей? Народи же глаголаху: сей есть Иисус пророк, иже от назарета галилейска... Видевше же архиереи и книжницы чудеса, яже сотвори, и отроки зовущя в церкви и глаголющя: осанна Сыну давидову, негодоваша и реша ему: слышиши ли, что сии глаголют? Иисус же рече им: ей: несте ли чли николиже, яко из уст младенец и ссуших совершил еси хвалу? И оставль их, изыде вон из града в вифанию и водворися ту...»

Увы, многие мало разумеют в богослужении на церковно-славянском, но, по себе сужу, лукавые мы людишки, пусть и крещеные: можем изучать английский язык, а родной, на коем предки тысячу лет молились, ленимся изучить. Его русскому и выучить-то во сто крат легче, чем английский, а всё не сподобимся. Язык православного богослужения — божественный, и упаси Бог, ежели литургия зазвучит на суетном, мирском языке, на говоре газет — «читатели газет, глотатели пустот...»

Когда батюшка читал из Евангелия, опять,

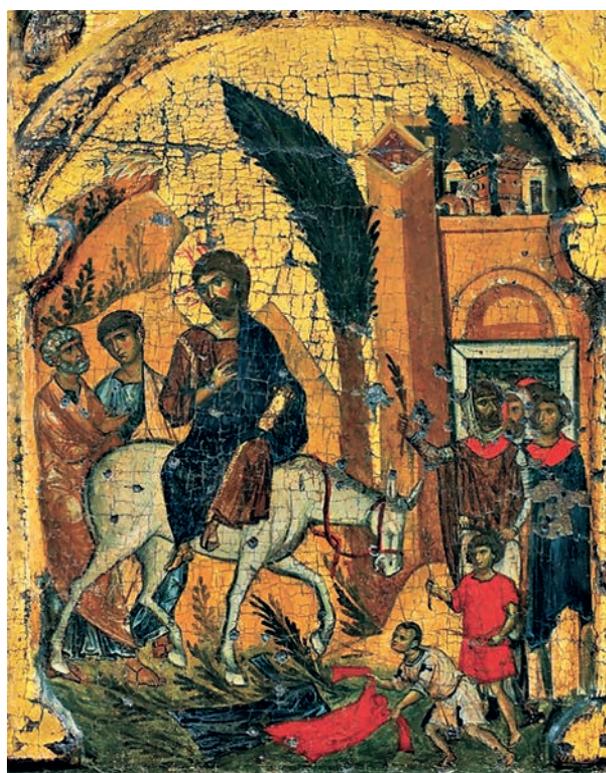
как в случае с воскрешением Лазаря, умилиением оттеплили мирские души: Иисус смиренно въезжает на осле¹, бессловесном жеребяти, не грядет на царской колеснице, тем и показывая: Сын Божий пришел к людям не как великий повелитель, «Царство Его не от мира сего», Спаситель пришел в мир для спасения нашего от первородного греха и исполнения ветхозаветных пророчеств. Но иудеи, ждущие от Иисуса Христа благ земных, не уразумели сего...

Вот уже под куполом звучит «Херувимская песнь»; и вдруг храм наполняется слитыми воедино мирскими голосами, напевно читающими «Символ веры» и «Молитву Господню». А вот хор возгласил: «Тело Христово примите, Источника безсмертного вкусите... Аллилуия, аллилуия, аллилуия...»

Увы, отвлекаясь от богомолья, невольно поглядывал на счастливые семейные пары, обвешанные чадами; смотрел с душевной отрадой и светлой печалью — не сподобился, с надеждой — будут молиться за нас, грешных, и моления их, смалу боголюбивых, омытые слезной жалью, узрит Господь. Наслышан: чет-

веро — ребята старосты Алексея; видел: светло улыбались богомольцы, глядя, как смело и умело причащалась его малая дочь, коя и под стол бы пешком вошла. А их, отроче младо, к причастию выстроилась вереница, у иных — лики иконные, напоминающие отрока Варфоломея, будущего преподобного Сергия Радонежского, дивно запечатленное живописцем Нестеровым. Ох, сохранились бы их лики от рождения в мир сей до рождения в мир иной, не обратились бы в святочные, изморщиненные страстями.

Глядя на тех, что от горшка два вершка, за-

Вход Господень в Иерусалим.
Икона из монастыря Ватопед. Афон

«Аминь глаголю вам, аще не обратитесь и не будете яко дети, не внидете в Царство Небесное...» (Мф. 18: 3-6)
(фото В.Г. Баранкевича. 28 апреля 2013 г.)

бавно осеняющих себя крестным знаменем, подумал... Иисус Христос въезжал в Иерусалим на жеребят, и среди устилающих Его путь одежаниями и пальмовыми ветвями, собрались толпы еврейских ребятишек, бескорыстно и восторженно вопиющих Христу: «Благословен грядый во имя Господне!.. осанна в вышних!..» Се вопиали и отцы их, матери, старшие братья и сестры, хотя, спаленные страстями земными, ликовали не ради спасения души, не ради об-

же языком кричал: «распни, распни Его!» Дивное превращение! Но что удивляться? Не то же ли самое делаем и мы, когда по принятии Святых Тайн Тела и Крови Господних, чуть только выйдем из церкви, — забываем все, и свое благоговение и Божию к нам милость, и предаемся по-прежнему делам самоугодническим, сначала маленьким, а потом и большим, и, может быть, еще прежде четырех дней, хоть не кричим другому: «распни!», а сами распинаем в

У стен Входа-Иерусалимского храма 28 апреля 2013 г. (фото В.Г. Баранкевича)

ретения Царствия Небесного, но лишь с ожиданием от Иисуса Христа земных благ и земного величия родному иудейскому народу. И, в отличие от детей, спустя четыре дня евреи уже кричали иное, страшное: «Да будет распят... Кровь Его на нас и на детях наших...» (Мф. 27:23, 25). Святитель Феофан Затворник писал: «Кого не было при Сретении Господа, когда Он торжественно, как царь, входил в Иерусалим, и кто не взывал тогда: «осанна Сыну Давидову!»! Но прошло только четыре дня, и тот же народ, тем

себе Господа. И все это видит и терпит Господь! Слава долготерпению Твоему, Господи!»

Но... вернемся во Входа-Иерусалимский храм... Святые отцы толковали: коли христианин посвятился служению Богу, освящает все благие свои начинания призыванием помощи Божией и благословения, так как «еще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущии» (Пс. 126:1). Тем паче, надлежит призывать Бога при основании дома Божия, где будет воздвигнут престол Божий. Вот и «чин освящения хра-

Долгожданный день — 28 апреля 2013 года: митрополит Иркутский и Ангарский Вадим, вознеся над главой антиминс с частицей святых мощей, совершает чин освящения стен Входо-Иерусалимского храма (фото В.Г. Баранкевича)

ма от архиерея творимаго» свершился в храме Входа Господня в Иерусалим.

Молитвы и обряды освящения храма обратили взоры мирян от храма рукотворенного к храму нерукотворенному, к членам духовного тела Церкви, каковыми являются все верные христиане (2 Кор. 6:16). А посему при освящении храма Высокопреосвященнейший Вадим, митрополит Иркутский и Ангарский, совершил подобное тому, что делается для освящения каждого человека в таинствах крещения и миропомазания.

Увы, для изложения мало запомнилось из

Божественная литургия в этом святом храме. Затем Входа-Иерусалимский храм был закрыт, подвержен поруганию, а потом шли долгие годы забвения. И вот наконец-то, в нынешнем году в храме возобновилась литургическая жизнь. Люди, которые привыкли с детства ходить сюда, в этот светлый и светоносный храм, привыкли поверять здесь Богу свои скорби, свои печали и свои нужды, остались без крова. Нужно сказать, что здесь неподалеку находилось и старейшее Иерусалимское кладбище, также ставшее пристанищем многих жителей города Иркутска.

Это место носило название Нового Иеру-

Заключительные молитвы по освящении храма (фото В.Г. Баранкевича. 28 апреля 2013 г.)

сложного обряда освящения храма, осталось лишь ощущение божественного величия чина, когда владыка каждением, молитвою, кроплением святой водою и миропомазанием стен обращал здание в Дом Божий, ставший отныне святым. И завершился «чин освящения храма от архиерея творимаго», архиерейской проповедью:

— Дорогие братья и сестры! Сегодня мы с вами присутствуем на весьма знаменательном событии, которого ожидали несколько поколений. В 1931 году была совершена последняя

салима, что отображало чаяния наших предков. Многие улицы вокруг были названы Иерусалимскими в честь сего храма. Эти многочисленные улицы населяли люди, которые так или иначе связывали свою жизнь со святым Иерусалимским храмом. Святой храм в жизни всего народа, и в особенности христианина, конечно имеет особую значимость. Это не просто стены, здание, увенчанное крестом. Храм — прежде всего олицетворение извечных чаяний людей, их стремления к возвышенному, высокодуховной и высоконравственной жизни, к спасению

Внимая пастырской проповеди (фото В.Г. Баранкевича. 28 апреля 2013 г.)

души для жизни вечной, для воскресения из гроба.

Мы с вами знаем из собственных наблюдений, что высокодуховные личности, которые иногда случаются в нашем обществе, к сожалению, не столь многочисленны даже среди священства, не говоря уже о мирянах. Вместе с тем эти люди являют для нас образец человеческого бытия, человеческого облика, и если хотите, образец гражданина нашего земного отечества. Свое гражданство они ставили на такую высоту, которая была уже подобием Царства Божьего — Царства справедливости и радости.

Человек — существо духовно-материаль-

няется в путь вся земли, когда в его холодные руки вкладывается крест, за которым следует каждый христианин.

Поэтому храм и для нас с вами носит особую значимость, и сегодня мы испытываем чувство огромной радости, чувство, переполняющее нас и, может быть, не до конца осознанное. К сожалению, мы с вами ограниченные существа, и многое следует нам осознать, но вместе с тем мы все-таки чувствуем, что это великое событие, это великая победа Божественной правды, Божественной справедливости, которая совершается сейчас. Конечно же, мы должны возблагодарить Бога за то, что года спустя

Юные прихожане первыми принимают Святое Причастие в освященном храме
(фото В.Г. Баранкевича. 28 апреля 2013 г.)

ное. А коли так, ему необходима пища не только физическая, но и духовная. Для христианина храм являет собою место святое, отображающее Небесное Царство и потому столь ревностно, свято и бережно люди всегда относились к храму. Храм является и тем местом, где человек получает свое рождение в таинстве Крещения, где проходит его жизнь и он приобщается Святых Христовых Тайн, где приносит свою исповедь Богу, получает благословение на брак, и наконец, это то место, откуда человек отправ-

мы вновь находимся в этом храме.

Господь создал человека по образу и подобию Своему и даровал ему свойства, присущие Божеству. Человек наделен совестью и свободой выбора, многими дарованиями. Мало того, он является сотворцом Божьим. Создав этот мир, Господь не оставил его своим попечением, но вместе с тем даровал и человеку быть сотворцом Ему. Поэтому так важно, чтобы в этой жизни мы создавали и соблюдали Божественную гармонию. Так важно бережно относиться

к тому, что создал Господь, стараясь как можно больше украшать землю, а не превращать ее в то место, которое уже и для нас самих начинает представлять угрозу. К сожалению, приходится признать, что прогресс зачастую уводит человека от состояния гармонии и мира, когда земля служила его благу. Это весьма печально. И все-таки человек призван для возвышенного, в какой-то степени — божественного служения. Именно поэтому, я считаю, что и этот святой храм созидался с участием людей и Божьим произволением. Тут уместно вспомнить притчу

потрудились над воссозданием этого святого храма.

После причастия и крестоцелования Высокопреосвященнейший Вадим, митрополит Иркутский и Ангарский, наградил грамотами за участие в восстановлении Входа-Иерусалимского храма благодетелей, попечителей, строителей; вот их славные имена: Александр Алексеевич Бормотов, Виктор Владимирович Бронштейн, Дмитрий Михайлович Гимбицкий, Михаил Владимирович Гладышев, Евгений Вла-

Образ Входа Господня в Иерусалим — дар храму от Виктора Бронштейна (фото В.Г. Баранкевича. 28 апреля 2013 г.)

Христа Спасителя, когда в ответ на вопрошание: «Господи, когда мы видели тебя больным, или голодным, или в темнице», ответил: «Когда вы сделали это одному из малых сих, Мне сделали». Я думаю, добро, которое было сделано здесь, конечно, сделано для Бога. Я верю, что Господь воздаст каждому из вас, воздаст вам сторицею. Это необходимо знать и чувствовать, потому что, оценивая свою жизнь, вы непременно это заметите и непременно это свидетельство найдет благодарное чувство в ваших душах. Мы выражаем благодарность всем, кто

димирович Дементьев, Алексей Владимирович Дорошенко, Сергей Витальевич Курилов, Михаил Борисович Лутаенко, Виктор Анатольевич Матяшов, Виталий Михалёв, Екатерина Сергеевна Печенюк, Виктор Иванович Романов, Дιονисий Анатольевич Савостин, Георгий Вахангович Самхарадзе, Артём Александрович Семёнов, Сергей Александрович Семёнов, Нодари Иосибович Субелиани, Елена Сергеевна Щёголева.

Вот и свершилось великое освящение храма и Божественная литургия в честь Входа

* * *

Господня в Иерусалим. Впереди, как заверили батюшка и староста, скорое благословение колоколов, или, говоря по-церковному, «чин благословения кампана, сие есть колокола, или звона». Скоро издалече приедут колокола, и архиерей или отец Андрей по архиерейскому благословению после пения клирошан «Царю Небесный» и псалмов хвалиных, возгласит великую ектинию, прочитает молитвы о благословении колокола, о ниспослании колоколу благодати, чтобы все «слышащие звенение его во дни и в ночи возбуждались к славословию святого имени Господа и к деланию заповедей Господних». Вознесет архиерей или отец Андрей моление о том, чтобы «при звенении благословляемого кампана утихли все бури ветренныя, злорастворенныя воздуха, грады, вихри, громы страшныя и молнии вредныя, безведрия, и отгнаны были все наветы вражия». А после моления окропят колокола святой водой, троекратно возгласив: «Благословляется и освящается кампан сей окроплением воды сея священныя во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь».

Обомрут богомольцы, затаят дыхание, не мигающе глядя, как возносятся к небесам, словно молитвы праведников и малые и большие кампаны, благодатно сверкающие на солнце. Укрепят их мужики на колокольне, и через восемьдесят два года поплывут над зеленоватыми древними крышами Нагорного околотка звонны, перезвоны, и громогласно, набатно и ласково, переливисто напоминая обывателям о Боге.

Вербное воскресенье
(фото из архива издательства. 2013 г.)

После Вербного воскресения в храме, не чуя вешней земли, словно не бреду, а тихо лечу, улыбаясь неизъяснимому счастью, окуная лицо в вербный букет, пахнущий речной тиной, талой водой и ныне, освященный святой водой, — ладаном и медовым воском, вспоминая: лес рук с вербными пучками вдруг вырос, когда владыка, взмахивая кропилом, освящал вайи святой водой; словно чудом-чудным, дивом-дивным очутился я в густом приречном вербнике, в пору вешнего белого пушения. Думаю, в народе храм в честь Входа Господня в Иерусалим зовут просто Иерусалимским, а могут повеличать и Вербновоскресенским... Вспомнил с улыбкой: владыка освящал вербы, и миряне подставляли лица; и потом, окропленные святой водой лица, похожие на лики, сияли счастьем, словно цветы и травы после теплого летнего дождя.

Подал милостыню христорадникам у церковной паперти, за воротами храма сворачиваю на Иерусалимское кладбище — бывшее, обращенное в парк; и, лаская лицо пушистыми вербышками, думаю: столь дивно живописал Вербное воскресение Иван Шмелёв, православнейший из мирских писателей, не случайно и водивший дружбу с Иваном Ильиным, православнейшим любомудром из мирских философов. «Лето Господне», где «Вербное Воскресение», и посвящено-то Наталии Николаевне и Ивану Александровичу Ильину, с коими доживал век на чужбине, как и они, поруганный, изгнанный богоборцами, ухватившими власть в Царстве Русском. Ладно, Бог им судия, а не я;

пока же, не поминая лихолетье, не омрачая вербный дух, вспоминаю Шмелёвское «Вербное воскресение»...

«...Зима уходит, а уж и вербочка опушилась — Христа встречать. — Все премудро сотворено... — радуется на вербу Горкин, поглаживает золотистые вербешки. — Нигде сейчас не найдись цветочка, а верба разубралась. И за всегда так, на святого Лазаря, на Вход Господень. И деревья кланяются Ему, поют Осанну. <...> воспет завтра Осанну святое деревцо. А потом, дома, за образа поставим, помнить год цель-

разу на аналое, где написан Христос на ослиати, каменные дома и мальчики с вербами, только вербы с большими листьями — «вайи»! долго нельзя разглядывать. Тычутся отовсюду вербы, пахнет горьким вербным дымком... дремучим духом?.. — где-то горят вербешки. Светятся ясные лица через вербы, все огоньки, огоньки за прутьями, и в глазах огоньки мигают, светятся и на лбах, и на щеках, и в окнах, и в образах на ризах. <...> Росла по далекой Сетуньке, ехала по лесам, ночевала в воде в овраге, мыло ее дождем... и вот — свяченая, в нашей церкви, со

С праздником, братья и сестры! (фото: www.ierusalim.prihod.ru)

ный будем. <...> Лазаря воскресил Господь. Вечная, значит, жизнь всем будет, все воскреснем. <...> Общее воскресение... Из мертвых Лазаря воздвиг Христе Боже...» <...> Я нюхаю вербу: горьковато-душисто пахнет, лесовой горечью живую, дремуче-дремучим духом, пушинками по лицу щекочет, так приятно. Какие пушинки нежные, в золотой пыльце... — никто не может так сотворить, Бог только. <...> «Общее воскресение... из мертвых воздвиг еси Лазаря, Христе Боже... Тебе, победителю смерти, вопием... осанна в вышних!» <...> Прикладываемся к об-

всеми поет «Осанну». Конечно, поет она: все, ведь, теперь живое, воскресшее, как Лазарь... — «Общее Воскресение». <...> Смотрю на свечку, на живой огонек, от пчелок. Смотрю на мохнатые вербешки... — таких уж никто не сделает, только Бог».

Продолжение следует

Примечание:

1. Осёл — символ мира на Востоке.

- **МЕЖ СЕЛЕНГОЙ И ОБЛАКАМИ**
Паломническая поездка
Харлампиевского прихода
в монастыри Прибайкалья
Екатерина Слабковская

Паломники

По святым местам Прибайкалья
(фото С. Переносенко. 2013 г.)

МЕЖ СЕЛЕНГОЙ И ОБЛАКАМИ

Паломническая поездка
Харлампиевского прихода
в монастыри Прибайкалья

Нескончаемая черед паломников на Прибайкальской земле

Екатерина Слабковская

Ровно в три часа по полудню пятого июля начался молебен. Сорок душ, сведенные в Харлампиевском храме, молились за благополучие паломнической поездки по монастырям соседней Бурятии. Путаются мысли перед алтарем, бегают по платкам, одежкам, — кто в чем в путь снаряжился. Сегодня ведь в храме все не такие как обычно. Это не дает покоя. Суетное любопытство...

И грустно, что не можешь разом собраться душой и устремиться вверх, к небесам, оторваться от платков и юбок, наполниться покоем и торжеством. Где то чувство, которое без труда давалось когда-то перед любой поездкой на Байкал? Перед любой, а эта — особенная. И всегда раньше чего-то искали глаза за горизонтом, над облаками, между волн, — искали паломничества. А теперь ищешь для него внутренним взором кусочек чистой души. Благодарить легко потерять, но не обрести.

В публикации использованы фотографии Сергея Переносенко

Молебен перед дорогой

Посольский Спасо-Преображенский мужской монастырь

Ознакомиться с монастырем нам помогал иеромонах Лука

Благородство Посольского

Ветер не терпит на голове ничего шелкового, никакой несерьезности, срывает легкие платки. «Когда я приехал сюда, первые три года ходил в тулупе, а сейчас хожу так, в рясе», — провожает нас по двору наместник Посольского Спасо-Преображенского мужского монастыря игумен Николай (Кривенко).

С высокого крыльца видно, что за стеной монастыря Байкал такого же цвета, как небо. Монахи рассказывают, что только вчера ветер пригнал сюда лед с севера, сегодня его уже нет. Льдины, наверное, были, как облака. «Постав-

ленный на берегу моря, монастырь кажется как бы плавающим по морю. А под сиянием лучей солнца, со своими белеющими церквами, он мне показался горним Иерусалимом, сходящим с небес», — сказал когда-то про обитель епископ Селенгинский Вениамин. Легко увидеть монастырь его глазами.

Ветер не терпит несерьезности — ее здесь и нет. Отец-наместник рассказывает, что за год через монастырь проходят около 600 человек трудников и послушников, и только один из них становится монахом.

Всё говорит об основательности, дышит достоинством и историей. Не удивительно, что

Крест на месте убиения Царских послов

далекому сибирскому монастырю покровительствует российский МИД. МГИМО присылает сюда на летнюю практику студентов, они красят заборы, а потом, уже чиновниками внешнеполитического ведомства, приезжают вспомнить об этом и еще о чем-то душевном.

Несколько лет назад студенты откопали фундамент часовни (сейчас она уже восстановлена) у могил послов. В октябре 1650 года от царя Алексея Михайловича к ставке хана Цысана ехала дипломатическая миссия во главе с тобольским боярином Ерофеем Заболоцким. Они везли добрый ответ желавшим принять российское подданство монгольским пле-

нам, но были убиты на берегу Байкала местными жителями — по политическим ли мотивам или из желания завладеть имуществом, точно не известно. Тела восьмерых убиенных были погребены на холме, и в 1681 году Даурская духовная миссия основала пустынь на Посольском мысу, а затем и монастырь. Его нынешняя братия, зная о происходивших здесь чудесах, собирает сейчас материалы для канонизации принявших мученическую смерть. Она стала ненапрасной, ускорив освоение Забайкалья. Донесение об убийстве своих послов, как свидетельствуют историки, Алексей Михайлович воспринял болезненно, отправив

Главки Спасо-Преображенского храма

Иконостас

сюда отряд казаков во главе с енисейским боярином Петром Бекетовым, начавших очень быстро ставить здесь новые и новые остроги. На этом историческая роль байкальской обители не окончилась. Она стала форпостом, защищавшим русских переселенцев от воинствующих монгольских племен, и спасла — даже в физическом смысле — не одну душу. Спасает и сейчас.

Залив в устье реки Прорва (нынешняя Большая речка) был удобен для отстоя судов, поэтому именно здесь и началось строительство российского государственного флота на Байкале. Посольский монастырь, находясь в узловой точке Великого чайного пути, стал для России

воротами в Азию. Его роль абсолютно точно было оценена Европейской Россией. К примеру, редакция популярной консервативной газеты «Московские ведомости», возглавляемая на тот момент основоположником русской политической журналистики М.Н. Катковым, собрала и передала в 1865 году Посольскому монастырю 5 тыс. рублей пожертвований. Надо полагать, что московские литераторы и общественные деятели не просто знали об обители, но и были участливы к ее судьбе.

Со строительством железной дороги в конце XIX века монастырь утратил свое геополитическое влияние. Но до того, встречая и провожая всех, кто ехал на запад и на восток,

Арки Спасо-Преображенского храма

он был свидетелем важных дипломатических встреч, проводившихся в его стенах. Отсюда — потребность в переводчиках. Их готовили в школе при монастыре. Самый нерадивый из ее учеников владел шестью языками, ссылается на хроники отец-наместник. Вместе с МГИМО он рассчитывает возродить эти образовательные традиции.

Здесь и сейчас, после возрождения обители в 2000 году, востребован дом приемов для важных гостей. Остановливался в нем и будущий патриарх Кирилл, назвавший обитель, по словам монастырской братии, «жемчужиной Байкала». Чинно похаживают мимо дома приемов пегие коровы. «Ну, это не наши — тощие

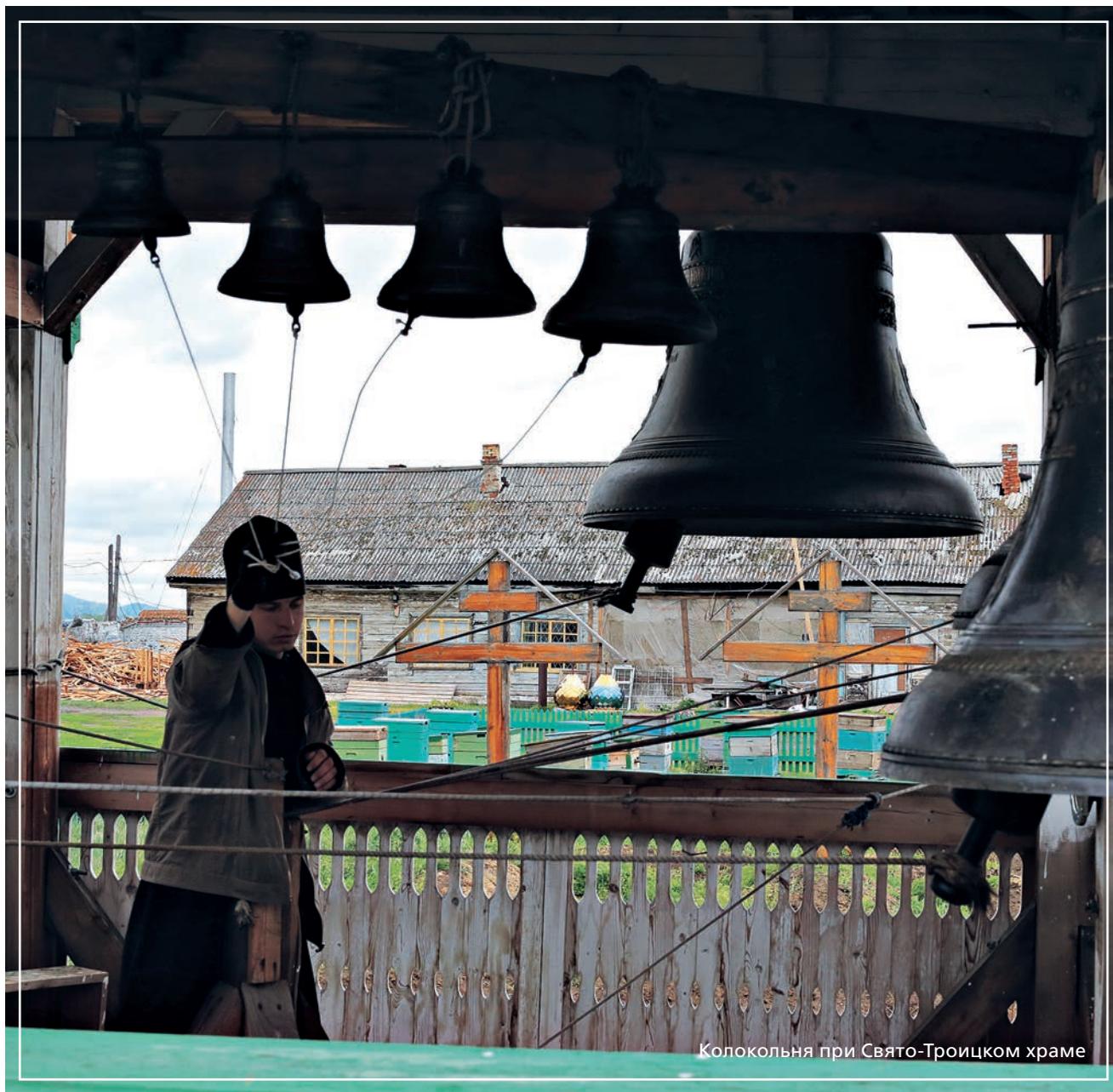
какие-то, — машет рукой иеромонах Лука. — С поселка, видно, забрели». Паломники очарованы монастырской трапезой, для многих — первой в жизни. Необыкновенно вкусны уха из обычных консервов, домашний хлеб, масло. Мы обильно смазываем им воздушный мякиш, полузабыв про пост, полууповая на послабление путешествующим. Настоящее монастырское масло, взбитое из молока пасущихся у дома приемов коров, байкальского воздуха и православной молитвы!..

— Как вкусно у вас в монастыре масло сливочное делают!

— Да что вы?! Это обычный магазинский маргарин! — смеется иеромонах Лука.

Свято-Троицкий собор Селенгинского монастыря со стороны южных врат

Колокольня при Свято-Троицком храме

Приветливая веселость Селенгинского

Совсем иное в Троице-Селенгинском монастыре. Он расположен на 17 километров выше по течению реки Селенги. Удивительно, как не похожи друг на друга две эти братские обители! Они были основаны в одно время (Селенгинский, как и Посольская пустынь, в 1681 году), имели долгое время в пользовании общие земли. С началом восстановления Селенгинского сюда переехала часть братии возрожденного уже на тот момент Посольского.

Размеренное благородство одного и приветливая веселость другого. Высокий и веселый наместник иеромонах Алексей (Ермолаев) встречает нас у ворот. «Быстренько-быстрень-

ко сложили ручки. Правую поверх левой. Вот так-то! Христос воскрес!» Все вострепнулись после дорожной дремоты, все чему-то смеются. Смеется и отец Алексей.

Искренний и открытый монастырь, вся его внутренняя жизнь — как на ладони. И вот уже кто-то из трудников успел рассказать всё свое житье-бытье. Совсем как дома, суетится здесь Надежда, сотрудница Харлампиевского храма. Она приехала на праздник погостить к своему брату-монаху. Как-то уже совсем домашнему пьем в трапезной чай с местным (теперь уж точно монастырским) медом, и сложно поверить, что в ворота Селенгинского мы вошли только 15 минут назад.

Надвратная церковь во имя Св. Архистратига Михаила и прочих бесплотных сил

На переднем плане — дом настоятеля, далее видны бывшие братские кельи (ныне трапезная), над кельями — крыша Свято-Никольского храма и (за листвой) главки Троицкого собора

— Вот, пожертвовали благодетели монастырю миллион, достраивают сейчас на эти деньги надвратный храм Михаила Архангела и гостевые кельи, — рассказывает Надежда.

Смотрим кельи. Они открыты: заходи да селись. А вот строятся кельи для братии. Для гостей всё в первую очередь, а братия пока ютится в ветхом одноэтажном корпусе. Он был построен уже в советское время, перекроившее обитель под нужды тюрьмы, тубдиспансера и психбольницы. Последняя занимала монастырь вплоть до середины 2000-го, создавая больным такие условия, что помирали они до 130 (!) человек в год. Их хоронили здесь же, близ монастыря... Как отбивали монастырь у захва-

тивших его душегубов — отдельная, почти детективная история. С нормативно-правой точки зрения — настоящий рейдерский захват. Не всегда закон и правда располагаются в одной системе координат.

Словом, Селенгинскому монастырю изрядно досталось. Вот стоит свидетель всех его злоключений — чуть не поглощенный кощунством и разрухой дом, где останавливался в 1891 году, совершая поездку по России, цесаревич Николай, ставший последним российским императором. За полвека до него гостил в обители крестник Петра I и прадед А.С. Пушкина Абрам Ганнибал, отправленный в Сибирь князем Меншиковым. Здесь принимал монашеский постриг

Беспристрастная свидетельница многих перемен

Одна из угловых башен монастырской ограды

Забайкальский чудотворец преподобный Варлаам Чикойский и жил несколько лет первосвященник Сибири Иннокентий Иркутский (Кульчицкий). Ожидая своего отправления в Китай (из-за интриг утвердившихся в Пекине иезуитов миссионерское поручение Петра I ему так и не довелось выполнить), великий епископ написал для монастыря несколько икон.

Нужно сказать, что с самого начала монастырю покровительствовали Романовы и всегда помнили о нем. Помнят сейчас и здесь о царской семье, особенно о последних ее, причисленных к лику святых, представителях.

— Я был пострижен в монахи в честь царевича Алексея, а отец Николай, настоятель По-

сольского монастыря, — в честь императора, — поясняет на ходу веселый игумен Алексей.

— Нет, начать ремонт Николаевского дома к 400-летию царской династии не получится, — продолжает он в те секунды, когда удается оторваться от роя православных женщин, налетающих разом на отца Алексея, словно пчелы на цветы, со всех уголков обители.

— Батюшка, благословите!

— Батюшка, помолитесь за рабу Божию Екатерину, она на работу опаздывает.

— Хорошо.

— Нет, батюшка, не за меня, а за Екатерину.

— Понял, помолюсь.

— Отец Алексей, благословите на роды.

- Рожай с Богом, милая!
- Отец Алексей, благословите травку в монастыре сорвать.
- Благословляю! — и через секунду: — Что?! Какую травку? Нет, травку не благословляю!

Ближе к Небу

Сразу за надвратным храмом, вдоль огорода, где в аккуратных грядках сидят (в символическом количестве по отношению к нуждам братии) овощи, жужжат в ульях пчелы и поставлена колокольная звонница (колокола еще только ждут своего часа подняться в небо над возрожденным собором), выстроили лег-

кий полупрозрачно-зеленый алтарь. Действующая церковь святителя Николая не вместит всех желающих, поэтому служба будет под открытым небом. Сегодня большой праздник — Третье Обретение главы Иоанна Предтечи. Будет крестный ход. Они бывают здесь трижды в год: 7 июня, 7 июля и 11 сентября.

После службы процессия выстроилась перед выходом и вдруг зашагала так резво, что сложно было поверить в этот темп до конца крестного хода.

— Пре-свя-тая Бого-р-о-о-дица, спа-си-и нас! — запекает в рупор, подпрыгивая, почти летя, высокий отец Алексей. На проповеди он говорил сегодня, что крестный ход есть путь в

Начало крестного хода у стен Свято-Троицкого Селенгинского монастыря

«Добрый батюшка» игумен Алексей (Ермолаев)

Царствие Небесное. Единым существом колонна, как одна большая тысяченожка, торопится туда попасть, и держит ритм по два слога на шаг.

Не попасть туда — страшно. Оттого толкается, чтоб не заняли их место, здешний платочно-юбочный десант, прочно застолбивший в колонне позицию сразу за духовенством.

Трасса М-55 благоговейно парализована. Полицейское сопровождение тормозит и прижимает к обочине весь встречный транспорт. Стоит всё: и фуры, и автобусы, и легковые. Сочувствующие машут из кабин руками, верующие выстраиваются продольной шеренгой, склоняют головы. Палит солнце, батюшки всех щедро кропят водой. Щедро — это когда остатки свя-

той воды из ведра с размаху выплескиваются на первую попавшуюся голову. Голова хватает губами воздух, фыркает, моргает и смеется: «Эх, хорошо!» Визжат и смеются вокруг платки да юбки. Пустые ведра в руках монастырских послушников уплывают в конец колонны и, наполнившись, не мешкая возвращаются обратно.

— Вон идет добрый батюшка с главным ведром, — бегут гурьбой за одним из отцов ребятишки. Ведро «главное» — потому что из него чаще других выплескивается кому-то за шиворот.

— Христо-о-ос воскре-се из ме-е-ерт-вых!.. Плывут по небу крылатые ангелы.

Вот и деревня Ильинка. Здесь привал. На

Богоявленская церковь в селе Ильинка

Молебен в Богоявленском храме

лужайке перед сельской церковью раздают чай, кашу, картофель, пряники. Но сначала настоятель Иркутского Харлампиевского храма протоиерей Евгений (Старцев) служит молебен.

Это его родовое село. Ильинскую Богоявленскую церковь ставил когда-то его предок, крестьянин Старцев. Самому батюшке довелось ее восстанавливать и настоятельствовать здесь в «лихие 90-е».

В советские годы здесь располагалась школа, а в постсоветские удобно стоящее на федеральной трассе здание стало сулить прибыль от придорожного мотеля. Инвестировал средства некий армянин. Армянин уже фактически оборудовал номера, установил сантехнику, но однажды утром нашел себя в придорожной ка-

наве аккурат напротив церкви. На него, как на человека рационального и не имеющего привычки «злоупотреблять», это произвело неизгладимое впечатление. Армянин срочно ретировался в Армению, сантехника была, конечно же, брошена.

Пробовали здесь оборудовать и столярную мастерскую, однако и этот бизнес не пошел — люди в цеху стали сильно калечиться, пришлось переезжать в здание напротив. Отец Евгений рассказывал, как потом, бывало, заходил он к хозяину мастерской с приходскими нуждами. Остаться в долгу перед Богом бизнесмен не хотел, потому беспрекословно снабжал приход всякого рода табуретками.

Эта сельская церковь — с пустыми оконны-

Часовня на Ивановой горе

Панорама, открывающаяся на вершине Ивановой горы

ми глазницами и дверными проемами, без пола и куполов, ожидающая своего возрождения, — не так проста, как может показаться на первый взгляд городской публике. До революции она была известным местом паломничества. Как и в Селенгинском монастыре, здесь, в избе церковного старосты Старцева жил святитель Иннокентий. Сюда приезжали поклониться чудотворной иконе Усекновения головы Иоанна Предтечи. Саму икону около 200 лет назад — также чудесным образом — обрела благочестивая вдова, родственница Старцевых, Софья Перова, жившая на окраине деревни. Несколько ночей подряд наблюдала она загадочное свечение на горе, у подножия которой неспеш-

но течет Селенга. В конце концов снарядилась, взяла посох и пошла обретать на вершине горы сибирскую святыню. В советские годы она вновь была утрачена. Быть может, не навсегда.

Как выглядела, какого телосложения была эта Софья Перова и сколько лет было ей от роду, когда неспешно, крестясь на остановках, поднималась она на гору, названную после этого первопаломничества Ивановой? Не было тогда проложено по ней ни удобной тропинки, ни ступенек, подбитых деревянными дощечками. Чувствовала ли она тяжесть, спрашивала ли себя: «Дойду ли?» Или несли ее ангелы на крыльях, как всех тех калек, кто поднимается сейчас с нами наравне со здоровыми?

В обратный путь

У стен Одитриевского кафедрального собора в г. Улан-Удэ

На вершине горы (каким Божиим провидением оказалась икона в этом месте над селенгинской долиной?) — часовня. Здесь служат Крестителю Господню молебны. Плотными кольцами взял ее под охрану платочно-юбочный десант — через оцепление не прорваться. Помогает только батюшкино облачение, его нужно доставить ему, и я предъявляю епитрахиль в качестве входного билета. Из часовни струится тихая радость, но доступна она не всем — это видно по лицам. Особенно хорошо заметно это батюшкам, стоящим в самом эпицентре. На мгновение задерживает кто-то из них взгляд на чьем-то лице, и оно отражается в светлых глазах священника.

Обратно все спускаются быстро, но быстрее всех — высокий отец Алексей. Подобрал длинную рясу, кубарем мчится он вниз. Ему принимать гостей: нужно проверить, готов ли пир на все мир. Он готов, и всех без исключения приглашают, потчевать чем Бог послал. С любопытством подсчитываем мы составленные длинными рядами столы, сопоставляя с трапезами Харлампиевского прихода. В этот день в Селенгинском монастыре насытились более 1200 человек.

***

Более всего поражает в православном Прибайкалье не удивительная судьба или име-

нитость этих далеких монастырей, не красота святых мест, не масштабность крестных ходов и праздников, а простота и доступность православных традиций — будто и не коснулся этих селений век безбожия. Много ли знаем мы в Иркутске об истории наших соборов и храмов — в Иркутске, бывшем некогда российской «столицей» на восточных рубежах? Много ли сохранили мы после революции святынь по своим домам? О большинстве не смогли мы уберечь даже и память. Но здесь каждый расскажет вам о судьбе любой церкви или монастыря, поведаст историю благочестивой вдовы или старинной иконы, которые десятилетиями после разорения церквей и монастырей

кую цену запросил за икону заглянувший в церковь мужчина, — ровно столько и оказалось в кармане у батюшки, получившего накануне от друзей деньги на покупку бочки омуля. Омuleвая бочка обернулась старинной иконой, которая в тот же день начала обильно мироточить. Долго находилась она в Ильинской церкви, а затем переехала вместе с настоятелем в восстановленный им Одигитриевский собор. Возведенное в стиле сибирского барокко, кипенно-белое здание похоже на Харлампиевский храм.

— Где? Где? Где мироточащая икона? — носимся мы по всему собору.

Но иконы нет, она на реставрации.

Снимок на память

надолго схоронились по теплым сибирским избам, а потом вдруг проглянули все, как подснежники. Ведь не боялись же люди пострадать за них! А может, и боялись, и страдали немало, и стали такими вот простыми безвестными мучниками — «несвятыми святыми», как говорит архимандрит Тихон (Шевкунов). Оттого столь просты и доступны каждому чудеса на этой земле.

В Верхнеудинске («старое новое» название Улан-Удэ) в кафедральном Одигитриевском соборе торопимся мы отыскать мироточащую (!) икону святых пророков Давида и Исаяи. Отец Евгений, будучи настоятелем Ильинской церкви, купил ее однажды за 600 рублей. Ровно та-

— Да не расстраивайтесь вы! У нас вон другие еще иконы мироточат, — утешает нас лампадница.

— Как? Вот так вот просто мироточат?

— Ну а что им? Хотят и мироточат, — улыбается она.

Как оголтелые несемся мы к той стене, куда махнули нам только что рукой. И действительно: на ссохшихся от старости досках выступили прозрачные капли. Святыня не ограждена ни лентами, ни стеклом, нет на ней даже массивной рамы. Так нехитро, буднично ожил на иконе праздник Пятидесятницы, оставив нас недоумевать о том, как щедро разливается благодать Божия там, где того пожелает.

- **ВАТИКАН,
ЭКУМЕНИЗМ,
ГЛОБАЛИЗМ...**
Ольга Четверикова

Папский жезл
(фото: hristiane.info)

ВАТИКАН, ЭКУМЕНИЗМ, ГЛОБАЛИЗМ

Площадь Св. Петра в Ватикане (фото: www.cdn.lapatilla.com)

Ольга Четверикова

От редакции: Мы публикуем интервью известного в России и за рубежом, выдающегося русского политолога Ольги Четвериковой, которое она дала редакции интернет-сайта «Око планеты». Ссылки на источники, которые использует наш автор в беседе, читатели «Иркутского Кремля» могут найти в книгах Ольги Николаевны Четвериковой.

— **Влияние религиозных центров на политику в современном мире? И можно ли говорить, что США управляют подобными структурами?**

— Смотря что мы называем религиозными центрами. Надо сказать, что с тех пор, как произошла перестройка и разрушение социалистического лагеря, с момента как начался мир, который мы называем постсоветским, США приняли на себя роль государства, которое пытается установить свою гегемонию в мире. С этого момента можно говорить о совершенно ярко выраженной тенденции — десекьюризации общественной жизни. Извиняюсь за такой сложный язык. Здесь речь идет о том, что при существовании в мире систем противостояний, мир был представлен как светско-атеистический, но с момента разрушения социалистического лагеря началось возрождение религиозного сознания. Это возрождение происходило не стихийно, оно происходило целенаправленно во

всех видах, во всех секторах и во всех формах. Зачем это делается и с какой целью? Начнем с того, что после разрушения социалистической идеологии, социалистического мировоззрения, которое по своей сути есть атеистическое, у наших людей началось возвращение к традиционным религиозным корням. Но это происходило не только у нас, но и в тех развивающихся странах, которые традиционно делились на два лагеря: лагерь стран капиталистической ориентации и лагерь стран социалистической ориентации.

— **Для народа возвращение к религиозному сознанию произошло «сверху»? Или это была потребность «низов»?**

— Это все управлялось «сверху», как любая другая идеология насаждается «сверху» элитами. В 70-е годы существовало две основных ориентации для развивающихся стран: социалистическая ориентация (многие ее называли некапиталистическим путем развития) и капиталистическая ориентация. Выбор в пользу той или другой ориентации делали элиты. Когда была дискредитирована элитами социалистическая идеология, то образовавшийся вакуум заполнился традиционной культурой. У нас началось возрождение православия, в других развивающихся странах началось возрождение ислама, если это были страны региона исламской культуры, или буддизма в соответствующих регионах. Таким образом, возрождение религиозных ценностей происходило повсеместно, но по мере их возрождения религия все более и более использовалась в политических целях теми элитами, которые этим процессом управляли.

— **Возможно, это будет звучать «избито», но надо заметить, что в последнее время религия стала превращаться в инструмент политического действия и в инструмент политики, как никогда ранее, и используется целенаправленно для контролирования народов и направления их по тому пути, который выгоден элитам.**

— Тут возникает самый главный вопрос: а что это за путь и куда ведут человечество элиты и какие цели они преследуют? Когда мы подходим к этому вопросу, то начинается самое интересное. Мы привыкли мыслить рациональными категориями, оценивать всё рационально, поэтому, когда мы начинаем говорить о целях элит, нужно сразу отметить, что если будем рассуждать в рамках рациональных терминов, то попадем в тупик.

Мы знаем, что ключевая цель этих элит — это тотальная власть, а что такое тотальная власть? Мы, как люди, приобщенные к православной культуре, знаем, что можно выделить три этапа установления власти над человечеством: первый этап — самый простой, это установление финансовой власти, то есть управление человеком с помощью финансов; второй этап — более сложный, это управление человеком с помощью законов, здесь речь идет о политической власти. Но, как вы понимаете, деньги не всегда срабатывают, политический момент тоже, требуется большой карательный аппарат, чтобы контролировать большие массы людей. Поэтому самый эффективный и наиболее верный способ контроля за человеком, это контроль за его сознанием и душой, то есть речь идет о духовной власти, что и является конечной целью элит.

Я всегда люблю приводить в пример гениальную сказку А.С. Пушкина о Золотой рыбке, где как раз показаны ступеньки восхождения, по мнению героини, а на самом деле, ступеньки ее нравственного падения. Как вы помните, старуха из сказки сначала захотела богатства, и ей его оказалось мало, потом она захотела власти, и власти ей было недостаточно, и заканчивается тем, что она просит магической власти, чтоб сама Золотая рыбка была у нее в подчинении...

Таким образом, мы имеем три ступеньки к падению человека. Они так же описаны в Новом Завете, где этими страстями искушали Христа.

Но если мы, например, спросим, ради чего старуха из сказки о Золотой рыбке ко всему этому стремилась, то рационального объяснения мы не найдем. Это просто стремление к власти как таковой, иррациональное стремление, которое заложено в грешном человеке изначально, и здесь человек не в силах бороться со своим главным грехом, грехом гордыни. Гордыня может проявляться во всем, даже в желании быть богатым и возвыситься над другими. За-

чем человеку много богатства? Нормальному человеку это рано или поздно надоест, человеку, имеющему желание возвыситься над другими, это никогда не надоест. Он будет стремиться к большему и большему.

Поэтому, когда мы говорим о нынешних мировых элитах, то мы должны понимать, что тут присутствует чисто иррациональное стремление к власти, которое мы можем назвать религией власти. Этот термин редко присутствует, чаще говорят о религии денег. Но религия денег — это религия, которая навязывается смертным, чтобы, купаясь в богатстве, не замечать ничего другого, так как в таком виде людьми проще управлять. В то же время высшие слои исповедуют религию власти, и это их конечная цель.

Если говорить о религии власти, то тут надо обратить внимание на разделение мирового сообщества на две группы: избранные и те, кто должен служить этим избранным.

Сама идеология избранности — иррациональна, поэтому ее сложно объяснить рациональными терминами, сложно навязать человеку. Любой научный подход не сможет обосновать право элит на избранность. Если мы

переходим на иррациональный уровень мышления, то здесь становится легко управлять сознанием человеком, и, погружая его в этот иррационализм, можно дать ему установку, что свыше так определено, что есть избранные и неизбранные.

Поэтому религия власти начиная с 90-х годов превратилась в мощный механизм управления человеком, группами людей, классами, обществами, и это мы видим повсеместно.

— **Мы говорим о всех религиях, не только о православии?**

— Да. Обо всех. Но дело в том, что православие, как истинное Христианство, совершенно не совместимо с религией денег. Если остальные религии сомкнулись с религией денег очень хорошо, то в православии ключевая

Поэтому самый эффективный и наиболее верный способ контроля за человеком, это контроль за его сознанием и душой, то есть речь идет о духовной власти, что и является конечной целью элит.

идея, которую доносит Христос до людей, это идея о том, что нельзя служить Богу и Мамоне. Либо служим Богу и исповедуем главную заповедь любви, когда любой ближний есть брат, и на любви, солидарности и братстве основывается вся цивилизация, либо служим Мамоне, и любой близкий человек — это объект, который используется для достижения цели. Кстати, на Руси было невозможно создать тип православного предпринимателя, так как предприниматель изначально работает для получения прибыли, а православный человек живет и работает ради любви к ближнему. Поэтому капитализм у нас воспринимался в крайне уродливых формах, и в итоге все начинания выливались в катастрофу, когда Россия пыталась идти по этому пути. Так же и здесь — православие несовместимо с религией власти. Пока человек находится в системе ценностей православной культуры, он не воспринимает религию власти, так как понимает, что в ее основе лежит грех гордыни. Поэтому человека, последовательно исповедующего христианство, в утопию религии власти вписать сложно.

Что касается других религий, то можно сказать, что они так или иначе интегрировались в новую систему мировоззрения, поэтому навязывание в данных религиях происходит очень легко.

Следующий важный момент, который хочется отметить, это форма оккультно-эзотерического верования, как наиболее легко вписывающаяся в мировоззрения в иррациональном мире. Идеи оккультно-эзотерических форм настолько нечетки, что для человека, который попадает под их влияние, легко потерять нравственные ориентиры. Оккультизм исходит из того, что человек должен получить некое тайное знание, чтобы добиться некоего совершенства. Это тайное знание выходит на первое место и становится ключевой задачей, а вопрос нравственности отпадает вообще. При этом тайное знание дается человеку только в определенных случаях, когда он входит в опреде-

ленные структуры, подчиняется определенной системе. Тут мы уже соприкасаемся со сферой тайных и оккультных обществ, которые в наше время размножаются как грибы, и это тоже не случайно.

Чем больше людей исповедует иррациональное оккультно-эзотерическое мировоззрение, которое они сами не могут хорошо осмыслить, тем больше они дезориентированы нравственно, тем проще ими управлять. В своих статьях я описывала эту тенденцию, которую можно назвать «Оккультизм в массы!», когда оккультизм оказывается во всех сферах жизни. Сейчас литература, кино, музыка — полны эзотерического представления о жизни, которое отрывает человека от реальной жизни, а дальше никаких идей не дает. При таких условиях происходит еще одно смещение ценностей, позволяющее управлять человеком.

Таким образом, можно сказать, что на данный момент западные элиты пытаются построить мировое сообщество по модели большой оккультной секты, практически воспроизводя на мировом уровне те принципы и методы, которые используются в оккультной секте. Здесь есть гуру (глава), далее идет средний уровень

(менеджмент-управленцы), и внизу адепты. Связь исключительно вертикальная. Сам гуру заменяет Бога. Сейчас банковские элиты пытаются поставить себя между человеком и Богом, выдав себя за этого Бога. Здесь мы опять сталкиваемся с идеей, которая была прописана в Новом Завете, что человеком становится легко управлять, когда он захочет стать как Бог. Далее происходит нравственное падение человека и создание антихристианской организации.

Сильные мира сего уже не скрывают своих целей и задач, сейчас уже наступил конец теории заговоров. Если раньше старались не озвучивать идеи, например, Бильдербергского клуба, Совета по международным отношениям, или говорить о множестве других «тайных» организаций, то теперь это не только у всех на

Чем больше людей исповедует иррациональное оккультно-эзотерическое мировоззрение, которое они сами не могут хорошо осмыслить, тем больше они дезориентированы нравственно, тем проще ими управлять.

виду, но пропагандируется и раскрывается на страницах ведущих печатных и других изданий.

— **Сейчас существует много литературы по теме Всемирного заговора. Большая часть этой литературы издается в Америке. Много книг написано о неких рептилоидных существах. Расходится такая литература миллионными тиражами, и Американское правительство не противодействует этому. Служит ли это доказательством того, что конспирология является определенным Американским проектом для внедрения в общество идеи, что они (элиты) являются некими внеземными существами?**

— Вы абсолютно правы. Это один из проектов. Так же озвучивание открыто их планов, например, таких как план по сокращению населения путем уменьшения количества детей в семье, это все спланированные объявления.

Существует две задачи этого проекта. Первая задача — это внушить человечеству, что власть элит настолько сильна, что сопротивление ей бесполезно, любое противостояние невозможно. Вторая задача — это дезориентировать человека в пространстве его ценностей. Если человек ни христианин, ни православный и он не имеет этой базовой духовной ценности, то для него сложно найти рациональное объяснение данным структурам, он начинает попадать под иррациональное мировоззрение.

Многие наши специалисты по теневым структурам воспринимаются как маргиналы, так как их объяснения трудно воспринимать с рациональной точки зрения. И Дэвид Аик отличный пример писателя, который на 90 % говорит правду, он реально рассказывает и показывает, как действуют эти общества, но остальные 10 % его информации — это эзотерика. Из них люди делают выводы, что они — экспериментальные объекты, которыми управляют, и теряют смысл жизни, так как в жизни уже и так все запрограммировано. Здесь идет

переход на иррациональный уровень мышления. Действительно, очень многих Дэвид Аик заинтересовывает, и даже ученые люди попадают под влияние его доводов и переходят на иррациональный уровень мышления.

— **Многие современные читатели, лишь прочитав в заголовке книги слова «теория заговора», сразу думают, что книга содержит очередные сказки, так как сейчас много безграмотной литературы на данную тему, и не воспринимают действительно адекватные труды на эту тему. Вы, как автор книги о теории заговора, о различных тайных обществах, как к этому относитесь?**

— Я стараюсь слово заговор не употреблять, так как заговор обозначает то, что не известно.

Темы, которые озвучиваю я, — это все на поверхности, они подкреплены документами, поступками или действиями в реальности. «Заговор против Папы» — это не мое название, это идея редакции. Мне оно показалось удачным названием, так как в книге описывается, как этот заговор, о котором известно, приводился в действие. Просто в тот момент, когда он осуществлялся, он был заговором.

На сегодня большинство католиков так и не поняли, какой переворот произошел

в мировоззрении руководства католической церкви вследствие того, что существует огромный разрыв между верхушкой католической церкви и обычным рядовым католиком. Когда я писала эту книгу, я имела в виду только руководство католической церкви, но ни в коей мере рядовых католиков-мирян, которые еще как-то пытаются сохранить остатки христианской веры в мире нравственного разложения.

Поэтому я всегда говорю, что речь не о заговоре, а о стратегии, так как мы, как ученые, можем говорить только о том, что реально существует. В книге представлено чисто научное исследование, основанное на существующих фактах, на показаниях свидетелей и на доку-

На сегодня большинство католиков так и не поняли, какой переворот произошел в мировоззрении руководства католической церкви, в следствие того, что существует огромный разрыв между верхушкой католической церкви и обычным рядовым католиком.

ментах, которые уже не скрываются, например, сайт, книги Бильдербергского клуба, с которыми можно ознакомиться.

— **Как объяснить связь США с экстремистскими исламистскими группировками в рамках доктрины управляемого хаоса и интересы Ватикана? Нет ли здесь естественных противоречий: экстремистский мир внешне направлен против института Папы. Или это всего лишь внешнее проявление, а на деле есть взаимосвязь?**

— Здесь тоже фактически та же проблема поднята о роли религии и использовании ее в политических целях. Дело в том, что если мы говорим об экстремистских исламистских группировках, мы говорим об экстремистском исламе, об исламизме, об исламском терроризме. А эта тема тоже у нас появилась когда? Когда произошло крушение двухполюсного мира и когда Штаты потеряли возможность демонизировать Советский Союз для того, чтобы оправдывать свою экспансионистскую политику, противоборство против другого лагеря. И фактически проблема исламского террора или исламистского терроризма стала заменяющей или замещающей те идеи, которые должна была поставить:

вместо тоталитарного страшного Советского Союза, такой же не менее страшный, а может быть, даже более страшный, исламистский терроризм. И, таким образом, никак не оправдать экспансионистскую политику США на Ближнем Востоке, проводимую против тех режимов, которые ни коим образом не вписывались вот в эту атлантистскую политику, в политику, которая позволяла сохранять контроль над энергоресурсами, над геополитически важными территориями и сферами. Таким образом, исламистский терроризм превратится в силу этого в такую же угрозу, которую нужно было рассматривать для того, чтобы оправдать необходимость проведения активной внешней

политики США. В этих условия понятно было, что и ислам как таковой стал использоваться исключительно в политических целях.

Но для того чтобы продать исламистский терроризм (почему исламистский, почему не других религий?), необходимо было дискредитировать сам ислам. И надо сказать, что, сколько мы помним, наиболее популярной концепцией, идеей, которая и начала фактически демонизировать ислам как таковой, это была концепция Хартингтона «столкновение цивилизаций». Но в реальности это не концепция, это не научное положение, это фактически геополитическая стратегия. Самое интересное

в другом, что Хартингтон не был первичным. Это была не его идея, это была идея, которую впервые высказал и обосновал Бернард Льюис, известный востоковед, который был выходцем из Англии и был связан изначально с английской разведкой еще в годы Второй мировой войны. Потом в семидесятые годы он переезжает в Штаты и начинает работать в Пристонском университете, дальше он сотрудничает с Бжезинским. И он необоснованно перевел это понятие «шок цивилизаций» как «столкновение цивилизаций» в своих работах, посвященных исламу.

Бернард Льюис <...> противопоставил этой цивилизации исламской — другую цивилизацию, которую он фактически называл иудео-христианством, слив таким образом воедино христианство и иудаизм, то есть рассматривая христианство как закономерное продолжение иудаизма.

Поскольку Льюис противостоял резко самой религии ислама, то фактически в своих оценках и в своих толкованиях этой религии он не оставлял места никакому позитивному моменту, то есть он описывал эту религию как абсолютно архаичную, не просто консервативную. Она архаична, раз противостоит модернизму, не подвержена какой-либо модернизации, и в силу этого у нее уже нет будущего.

Но самое главное — другое. Главное в том, что он противопоставил этой цивилизации исламской — другую цивилизацию, которую он фактически называл иудео-христианством, слив таким образом воедино христианство и иудаизм, то есть рассматривая христианство

как закономерное продолжение иудаизма. И получилось, что в этих условиях он фактически противопоставил два мира: мир ислама и мир, который объединяет Израиль и Запад. То есть получилось, что это одно целое: не христианство и ислам, а иудео-христианство и ислам. В этих условиях ислам изначально воспринимался как нечто совершенно чуждое западному миру, как нечто не интегрированное в него.

Это была, конечно, тоже никоим образом не научная концепция, а политическая стратегия. Она необходима была для того, чтобы обосновать уже тогда в восьмидесятые годы разрабатываемую стратегию этого исламского полумесяца. Соответственно, в дальнейшем используется это для того, чтобы контролировать ближневосточный и арабский мир со стороны американского руководства. Поэтому ислам изначально вошел как бы такой интегрированной частью в американскую геополитику, в американскую геополитическую стратегию и используется исключительно в политических целях. А дальше для того, чтобы уже обосновать, активно обосновать необходимость вмешательства американцев, американцы начали активно не просто воспитывать, а создавать, возвращать исламизм, исламский терроризм. Не буду я на этом останавливаться, потому что очень много исследований у нас есть, посвященных этой теме о том, как западная разведка, в частности английская и американская, создавали эти исламистские террористические организации. Фактически исламизм превратился в оружие, необходимое Западу для того, чтобы обосновывать свое вмешательство в те или иные структуры. Дальше начинается самое интересное.

— **А понимание было найдено на Востоке среди каких-то кругов этим устремлениям США? Например, верхушка Катара, Саудовской Аравии?**

— А там в общем-то так и получилось, что изначально американцы сотрудничали именно с теми режимами, которые как раз и можно определить как фундаменталистские режимы, которые извратили ислам в направлении его радикализации или архаизации: ваххабизм или Братья мусульмане, которые создавались с помощью английской разведки, да и тот же ваххабизм (это еще восемнадцатый век) — тоже при участии англичан. Поэтому они здесь нашли мощную опору, и это тоже было одним из важнейших условий сохранения контроля. Потому что архаичные консервативные режимы препятствуют, во-первых, модернизации этих государств, рационализации и, таким образом, созданию современной экономики, которая бы противостояла американской экономике, и позволяют использовать ресурсы этих государств в целях и интересах США. А там, где этого нет, там, соответственно, исламистские группировки, которые выполняли (и до сих пор выполняют) важную роль.

— **А цели у них разные? Они попутчики на этот период: Братья мусульмане, верхушки Катара, Саудовской Аравии и других? Они с США попутчики или это только на какой-то короткий период, а потом они каждый сам по себе хотел бы разойтись? Что, может быть, они не говорят, но это подразумевается?**

— Нет, дело в том, что самостоятельно они не могут. Потому что фактически эти режимы использовались против прогрессивных светских режимов типа иракского, типа сирийского (Асада) и ливийского. Особенно ярко это видно на примере Сирии — светском государстве, в котором сосуществуют различные религии. Всё то, что там было до того, как начались военные действия, всё это сохраняется и сейчас, пока это государство существует. И, дай Бог, чтобы оно существовало дальше. Так вот, те государства, которые исходят из своей системы цен-

...чтобы контролировать ближневосточный и арабский мир со стороны американского руководства <...> ислам изначально вошел как бы такой интегрированной частью в американскую геополитику, в американскую геополитическую стратегию и используется исключительно в политических целях.

ностей, совершенно четкой системы ценностей, которые имеют свою ясную геополитическую стратегию, живут по законам самодостаточной экономики, они никоим образом не будут вписываться в американский проект. В то время как исламистские режимы, режимы архаичные, радикальные — у них нет никакого творческого проекта, у них нет созидательного проекта. Единственное, что они могут, это жить за счет продажи тех ресурсов, которые существуют в государстве. Поэтому эти режимы очень выгодны Штатам, потому что они живут только за счет этого. Потом в силу того, что они содержатся за счет внешнего фактора, то, естественно, и вся их внутренняя политика и, соответственно, вся их экономическая политика будет определяться исключительно этим внешним фактором. В этом плане они — очень удобный инструмент, очень удобное орудие управления. Поэтому сейчас что происходит в арабском мире, в арабском Востоке, Северной Африке и Ближнем Востоке? Мы это видим — сейчас приходят к власти и приводят к власти именно те режимы, которые ориентированы на Соединенные Штаты Америки и на Запад, которые живут за счет исключительно продажи своих ресурсов. И те государства, которые еще пока что этому сопротивляются, те режимы, которые этому сопротивляются, они, конечно, не имеют права на существование. Ливия, Сирия оказались наиболее яркими проявлениями именно такой линии и такого поведения.

Теперь, как связан с этим Ватикан? Вот если вы обратили внимание, когда началась арабская весна (особенно это ярко проявилось в ливийских событиях), Ватикан никоим образом не высказал поддержку ливийскому законному режиму и никоим образом не протестовал и не высказал никакого осуждения в адрес тех бо-

евиков, тех бандитских формирований, которые свергли режим в Ливии. Это тоже очень характерно. Более того, было известно, что сначала Папа через своих посланников установил связи с этими бандитскими формированиями и уже был готов изначально признать тот режим, который придет на смену ливийскому. Чем это обусловлено и с чем это было связано? Кстати говоря, сейчас, когда происходят события в Сирии, Папа тоже очень слабо свой голос поднимает, а если мы посмотрим — он факти-

чески абсолютно нейтрален, абсолютно стерилен, так скажем. Потому что фактически, помимо таких рабочих уже приевшихся формулировок о необходимости борьбы против насилия, совершенно реально ничего не делается, и он не придерживается никакой четкой позиции. То есть дежурные фразы.

Так вот, объясняется это тем что, изначально Ватикан определил свою позицию в отношении иудаизма еще на Втором Ватиканском Соборе в шестьдесят втором – шестьдесят пятом годах двадцатого века. Мы не поймем позиции Ватикана и связи ее с иудаизмом, если не вспомним об этом, я считаю, ключевом событии в жизни Ватикана, поскольку тогда произошел фактически переворот в католическом мировоззрении, католическом богословии.

Дело в том, что тогда этот Второй Ватиканский Собор прославился тем, что это был Собор экуменический. То есть впервые за многие столетия своего существования Папа Римский признал, что истина существует не только в католицизме, но и в других религиях, и что эту истину нужно искать с помощью диалога. То есть истина не дана во Христе, Христос не есть истина, а истину нужно искать в процессе диалога. То есть Ватикан открылся другим религиям. Но при этом, открывшись религиям, он, как я

Поэтому сейчас что происходит в арабском мире, в арабском Востоке, Северной Африке и Ближнем Востоке? Мы это видим — сейчас приходят к власти и приводят к власти именно те режимы, которые ориентированы на Соединенные Штаты Америки и на Запад, которые живут за счет исключительно продажи своих ресурсов. И те государства, которые еще пока что этому сопротивляются, те режимы, которые этому сопротивляются, они, конечно, не имеют права на существование.

уже сказала, сохранил свое главное положение, свой главный пункт о том, что Папа Римский остается главой церкви, и, таким образом, этот диалог возможен только в случае признания другими религиями главенства Папы. И только была одна религия, в отношении которой Ватикан занял кардинально иную позицию, совершенно противоположную. Речь идет об иудаизме. Потому что на том же Ватиканском Соборе произошел вот этот второй коренной поворот наравне с экуменизмом и более важный, наверное, даже шаг, в соответствии с которым Папа Римский признал, и в документах Второго Ватиканского Собора это закреплено, что иудеи остаются избранным народом. И, таким образом, они веруют в одного Бога, а раз так, то ломается вообще всё учение о христианской церкви. Потому что если иудеи остаются избранным народом, если Израиль остается избранным, то зачем тогда христианская церковь и зачем тогда Христос?

— *Что автоматически выставляет и евреев против всего мира: раз вы избранные, значит, вас все должны и любить. Тут можно двояко же посмотреть на это.*

— Безусловно. То есть тут двойная цель: с одной стороны, со стороны иудейской верхушки подчинить Ватикан и папу Римского (в итоге так это и произошло), с другой стороны — естественно, подставить евреев, потому что понятно было, если эта идея дойдет до простых христиан, до простых католиков, то это вызовет страшное возмущение, как в итоге и произошло.

— *В таком случае можно говорить о том, что верхушка иудаизма, она отделена вообще от евреев. И нельзя говорить, что это одно и то же.*

— Конечно, нет. Напротив, вся история показывает, что евреи и были первыми жертвами талмудического иудаизма. Но самое интерес-

ное, самое главное в чем? Где зарыта собака? Дело в том, что когда на Втором Ватиканском Соборе это утверждалось, то фактически произошла подмена, потому что Второй Ватиканский Собор имел в виду талмудический иудаизм, а преподносил этот иудаизм как религию древнего Израиля. Но ведь закономерным развитием религии древнего Израиля и стало христианство. Это скрывается, и древняя религия Израиля выдается за талмудический иудаизм. И, наоборот, современный иудаизм представляется как древний. И на этом произошла подмена. Ее очень плохо поняли простые епископы, потому что все решения принимались с такой скоростью и с таким манипулированием епископами, что мало кто разобрался в этих документах. Фактически они прошли так, что даже никто в них не вчитывался. И получилось, что произошел реальный поворот в католическом мировоззрении.

Хорошо это понимала только определенная часть католического руководства, и, конечно, в первую очередь те, кто это делал. А делало это непосредственное окружение Папы, причем глава верных помощников тогдашнего Иоанна Павла II, а затем Павла VI — это кардинал Монтини, который был связан с иудейскими организациями

Соединенных Штатов Америки, с Всемирным американско-еврейским конгрессом, и под давлением и влиянием которых фактически он и осуществил подготовку этих документов. То есть фактически (в своей книге я специально главу подробно этому уделила, описанию того, как это всё происходило) иудейские организации США сыграли в этом решающую роль. Не просто некую роль важную, а решающую роль.

Таким образом, с тех пор мы можем говорить о том, что начался очень активно иудео-христианский диалог, который в итоге вылился в монолог. Потому что если от этого диалога

...в документах Второго Ватиканского Собора это закреплено, что иудеи остаются избранным народом. И, таким образом, они веруют в одного Бога, а раз так, то ломается вообще всё учение о христианской церкви. Потому что если иудеи остаются избранным народом, если Израиль остается избранным, то зачем тогда христианская церковь и зачем тогда Христос?

католическая церковь очень сильно пострадала именно потому, что произошло фактически изменение учения католицизма о церкви и о Христе, то, что касается иудаизма, — он никоим образом не пожертвовал ничем, он сохранил полностью все статьи. Более того, он начал развивать концепцию о необходимости очищения христианства, которая заключается в том, что христианство должно пройти определенные этапы исповеди, покаяния и искупления, то есть изменения своего поведения, осознания своих ошибок, далее необходимость изменения поведения и наконец полной перестройки — что означает фактически изменение самого католического богословия.

— *А вот сюда вписываются последние нападки на Православную церковь: «Пусси Райт» и другие?*

— Безусловно, конечно, всё это связано. Католицизм фактически уже отказался от христианских основ. При чем речь идет о фундаментальных вещах: меняется представление о церкви, соответственно, меняется мораль, соответственно, католическая церковь полностью вписывается в этот новый строящийся глобальный мировой порядок и выступает сегодня — это тоже в книге я подробно описываю — в качестве структуры, которая должна дать религиозное обоснование этого нового мирового порядка. И выстраивается такая схема, что Папа Римский, будучи экуменически открыт, должен объединить под своим началом все религии. А сам Папа, в свою очередь, находится под раввинатом, талмудическим раввинатом. Вот такая конструкция строится. И единственная религия, которая никоим образом в эту структуру не может интегрироваться, — это Православная Церковь. Поэтому чем опасны связи с Ватиканом и вот это сотрудничество с Ватиканом, которое принимает иногда крайне опасные формы? Тем, что фактически

католицизм и Католическая Церковь используются как инструменты для взлома православия, для деморализации и дезориентации, для уничтожения кода православного. Потому что, естественно, сами мы это сделать не можем, мы никогда не пойдем, понятно, на иудейско-православный диалог, потому что это вещи не совместимые, в то время как через католицизм это сделать можно. Поэтому конечная цель вот этого диалога — это есть фактически разложение Православной Церкви, вскрытие этого кода и проникновение в него этой страшной еврейской ереси. Фактически — удел христианства,

каковым уже является Католическая Церковь. Главный пафос моей книги, главная идея, которую мы пытаемся донести, что в данном случае Ватикан при всем своем величии, при всей своей мощи финансовой и прочей (хотя это тоже сейчас под большим вопросом) в реальности является всего лишь навсего инструментом в этой глобальной системе управления. И, что касается религии и мировоззрения, то он фактически является младшим братом талмудического иудаизма, и именно этой религией в реальности сейчас управляет верхушка Ватикана.

Еще раз хочу сделать отличие между верхушкой Ватикана Католической Церкви

и простыми католиками, которые в большинстве случаев даже и не знают, не понимают, не осознали, какой переворот произошел наверху. Поэтому это никоим образом не относится к простым верующим, к истинно верующим христианам, хотя, конечно, всегда остается эта идея папизма. Но это уже другой вопрос. А речь идет именно о церковном руководстве Католической Церкви, которое превращено фактически в институт финансовый, политический, разведывательный институт, который использует религиозные организации как ширму для того, чтобы проводить свою политику, которая

И выстраивается такая схема, что Папа Римский, будучи экуменически открыт, должен объединить под своим началом все религии. А сам Папа, в свою очередь, находится под раввинатом, талмудическим раввинатом. Вот такая конструкция строится. И единственная религия, которая никоим образом в эту структуру не может интегрироваться, — это православная церковь.

в реальности является выражением интересов финансовых и банковских кругов.

— *Ведь у них у одних есть разведка, насколько я знаю?*

— Дело в том, что в Ватикане одна из самых развитых, самых мощных разведок. И не случайно, когда происходила перестройка, когда разрушали социалистический лагерь — а началось это с Польши, — то тогдашнее руководство американское и центральное разведывательное управление использовали именно Католическую Церковь и, естественно, непосредственно Папу Римского Иоанна Павла II, который заключил в 1983 году союз с Рейганом, как вы назвали, священный союз для борьбы против социалистического лагеря, против социализма. И фактически вся Католическая Церковь в Польше работала на вот этот проект, на интересы этой правящей верхушки именно благодаря тому, что фактически религиозные католические организации имеют особое отношение, особые связи с Папой Римским через конечную структурную систему, поэтому представляют собой одну из лучших разведывательных структур. Тем более тут еще сыграл очень важную роль такой орден как Опус Дей, который является еще более закрытой структурой, еще более влиятельной структурой, и в настоящее время он используется исключительно в таких вот политическо-разведывательных целях.

<http://oko-planet.su>

Перед собором Св. Петра в Ватикане в день интронизации нового Папы Римского Франциска
(фото: www.panorama.nl)

- **МОСКОВСКИЙ ЗЛАТОУСТ**
Записки из жизни,
свершений и проповедей
святителя Филарета,
митрополита Московского

Александр Сегень

- **300-ЛЕТНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ
ДОМА РОМАНОВЫХ**

Протоиерей Иоанн Дроздов

К 400-летию Дома Романовых

- **ВЫБОРЫ РУССКОГО ЦАРЯ**

Дмитрий Володихин

- **ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
АЛЕКСЕЙ РОМАНОВ
В ИРКУТСКЕ**

Тамара Крючкова

А.П. Рябушкин. Едут! 1901 г. (фрагмент)

А. Рябушкин

Скрижали
ИСТОРИИ

МОСКОВСКИЙ ЗЛАТОУСТ

**Записки из жизни, свершений и проповедей
святителя Филарета, митрополита Московского ***

Портрет святителя Филарета. Неизвестный художник

Александр Сегень

Продолжение
Начало см. № 1(8), 2012; № 1(9), 2013

Господи, не знаю чего мне просить у Тебя. Ты один ведаешь, что мне нужно. Ты любишь меня паче, нежели я умею любить Тебя. Отче, даждь рабу Твоему, чего сам я просить не умею. Не дерзаю просить ни креста, ни утешения: только предстою пред Тобою. Сердце мое Тебе отверсто; Ты зришь нужды, которых я не знаю. Зри и сотвори по милости Твоей. Порази и исцели, низложи и подыми меня. Благоговею и безмолвствую пред Твоею святою волею и непостижимыми для меня Твоими судьбами. Приношу себя в жертву Тебе. Нету у меня другого желания, кроме желания исполнять волю Твою, научи меня молиться; Сам во мне молись! Аминь.

*Ежедневная молитва
святителя Филарета Московского*

«**О**тцу наместнику и братии мир духовный. Поздравляю и с миром внешним, который подписан в Париже в прошедшее воскресенье. Услышав о нем, я почувствовал некоторое успокоение от скорби, заботы и опасения, но не радость. Вчера узнав о нем, вчера же прочитал я, что английский министр почитает его не миром, а чем-то похожим на мир. Бог мира да дарует нам истинный и совершенный мир», — писал святитель Филарет преподобному Антонию 21 марта 1856 года.

Закончилась военная страда. В Париже был подписан мирный договор. Завершилась сорокалетняя эпоха трудного первенства России в Европе, продолжавшаяся после разгрома Наполеона и Венского конгресса с 1815 по 1856 год. Можно сказать, столица Европы из Петербурга вернулась в Париж.

* Журнальный вариант.

Принято считать, что Россия проиграла Крымскую войну. Однако внимательное изучение Парижского трактата никоим образом этого не подтверждает. Да, России запрещалось иметь флот в Черном море, но так же и никакое другое государство не могло его иметь здесь, включая Турцию, поскольку в статье XI сказано: «Черное море объявляется нейтральным: открытый для торгового мореплавания всех народов вход в порты и воды оно формально и навсегда воспрещается военным судам, как прибрежных, так и всех прочих держав». Стало быть, здесь мы ущемлялись наравне с другими. Статья II предусматривала: «Вследствие счастливого восстановления мира между их величествами, земли, во время войны завоеванные и занятые их войсками, будут ими очищены». Россия отдавала туркам Карс, а французы и англичане, согласно статье IV, возвращали «Императору Всероссийскому города и порты: Севастополь, Балаклаву, Камыш, Евпаторию, Керчь-Еникале, Кинбурн, а равно и все прочие места, занимаемые союзными войсками». Согласно статье IV, все военнопленные всех сторон возвращались. Мало того, в статье IX удовлетворялось русское требование относительно христианских подданных Оттоманской империи: «Е. и. в. султан, в постоянном попечении о благе своих подданных, даровав фирман, коим улучшается участь их без различия по вероисповеданиям или племенам, и утверждают великодушные намерения его касательно христианского народонаселения его империи, и желая, дать новое доказательство своих в сем отношении чувств, решился сообщить договаривающимся державам означенный, изданный по собственному его побуждению, фирман». Валашское и Молдавское княжества закреплялись за Турцией, но в статье XXIII оговаривалось: «Блистательная Порта обязуется оставить в сих княжествах независимое и национальное управление, а равно и полную свободу вероисповедания, законодательства, торговли и судоходства». То же касалось и Сербии. Расходы на исполнение всех статей Парижского трактата ложились поровну на все страны. Такого не бывает, если одна какая-то страна проиграла.

Утверждение о поражении России в Крымской войне выгодно было только антигосударственным силам внутри самой России и Герцену в Лондоне как удостоверение несостоятельности правящей монархии. На самом деле, никакого поражения не было, если не считать

взятия южной части Севастополя. Парижский мирный договор равноправен и не ущемляет ни чью сторону.

Мало того, более всех считал себя проигравшим народ Англии! Во время торжеств в Лондоне по случаю заключения мира люди шли с лозунгами о том, что война проиграна с позором. Англичане считали, что русская оборона

наследовал войну, упорную против нас и против мира; и даровал нам мир. Твоя правда и мужество не отказывались от войны; твое человеколюбие не отказалось от предложенного мира. Не победили России враги — ты победил вражду. Христианскою мыслию одушевлял ты войну; христианскою мыслию осуществляешь мир. Благодарно тебе Отечество, и чуждые от-

Н.П. Красовский. Возвращение в Севастополь эскадры Черноморского флота после Синопского боя. 1863 г.

уже трещала по всем швам.

В России первым о том, что Европа не добилась победы, заявил Московский Златоуст. Через десять дней после выхода высочайшего манифеста об окончании войны митрополит Филарет встречал Александра II в Успенском соборе Московского Кремля с такой речью:

— Благодетельнейший государь! К тебе очи наши и сердца, как прежде; тогда как не прежде видим в твоём втором царском лете. Ты

дают тебе справедливость и отдадут полнее, когда утихнут страсти. Крепко должны мы молить и молим Бога, чтобы благопоспешал тебе искусством и попечением ухаживать раны, без которых не могла быть война, чтобы, по слову пророка, правда и мир облобызались в державе твоей, и чтобы плодом их было совершенное благоденствие.

Но всюду продолжали твердить о поражении России в войне. Филарет яростно спорил.

«Неверно, — писал он своему другу Сергею Михайловичу Голицыну. — Англичане побеждены нами; и для французов невелико торжество, когда они от нескольких укреплений отбиты и только одно взяли... Они немало наказаны: их много погибло собственно от войны, много истреблено болезнями и бурями на море. Следовательно правосудия не только ожидать должно в будущем, но частию оно уже явилось».

Александр Иванович Карасевский по болезни просил освободить его от исполнения обязанностей, и 20 сентября Филарет узнал радостную новость — кто

стал новым обер-прокурором Синода. Прекрасный человек, тот самый, у которого в последнее время жизни имел приют и ласку Гоголь. Граф Александр Петрович Толстой.

Новый обер-прокурор первым делом решил взяться за такую важную тему, как переводы Священного Писания. Для того чтобы еще больше заручиться поддержкой, он отправил проект протокола Синодального собрания другому Филарету (Амфитеатрову) — митрополиту Киевскому. А тот вдруг ответил

резким отказом. И в октябре Филарет Московский писал наместнику Троице-Сергиевскому горестно: «А дело о переводе Священного Писания, кажется, подвергнется возражениям нового синодального обер-прокурора. Владыка Киевский объявил ему свое решительное мнение, что переводить не должно, дабы сие не повело к забвению славянского языка, который есть богослужебный. — Воля Господня да будет. — Господь да устроит полезное для Церкви Своей, Ему Единому непогрешительно ведомое».

Что тут скажешь? Конечно, можно понять опасения тех, кто выступал против перевода.

Но в конце концов перевод совершился, и мы уже скоро полтора века живем, имея Библию как на старославянском, так и на русском языке, и сие нисколько не привело к забвению старославянского языка!

* * *

Неверующему не понять, как можно с любовью думать о смерти. Да и веруя, всё равно поражаешься тому, как Филарет говорит о кончине. Как о рождении. Разумеется, не в том понимании, как у спиритов, не в смысле переселения души в другое тело.

А о рождении — в мир невидимый: «Вчера мы воспели погребальная над Александром Ивановичем Карасевским. Он благонамеренно напутствовал себя таинствами, кончался около суток и родился в невидимый мир в день, и близко к часу, в который Христос Спаситель родился в видимый мир».

Весь 1857 год шла борьба за разрешение перевода Библии. Столкнулись два Филарета. Столкнулись не враги, а искренние друзья и единомышленники во всем, кроме этого во-

Н.А. Лавров. Император Александр II. 1868 г.

проса. Филарет Киевский не без основания боялся, как бы не случилось то же, что в Европе, как бы перевод не послужил отправной точкой к появлению у нас некоего подобия лютеранства. Филарет Московский нигде не проявлял беспокойства на сей счет, а значит, был уверен — в России зарождение лютеранства невозможно. В необходимости перевода он не сомневался. Сия необходимость вытекала из миссионерских потребностей на просторах бескрайней империи. Обер-прокурор Толстой, любя обоих Филаретов, всё же склонился к мнению Киевского.

Митрополит Филарет Киевский, в миру Федор Григорьевич Амфитеатров, был на три с

половиной года старше Филарета Московского, и в то время по уважительности стоял наравне с ним. Когда Филарет (Дроздов) получил Московскую кафедру, Филарет (Амфитеатров) являлся еще только епископом Калужским и Боровским, затем стал епископом Рязанским, возведен в сан архиепископа, переведен в Казань, а 18 апреля 1837 года он был назначен митрополитом Киевским, решительно боролся с униатством и содействовал массовому переходу униатов в лоно Русской Православной Церкви. При нем пышно расцвела Киевская духовная академия. Поселившись в Киево-Печерской лавре, митрополит Филарет занялся устройством внутренней жизни лаврской обители по правилам монашеского жития, установленного основателями лавры — преподобными Антонием и Феодосием Печерским.

Филарет (Амфитеатров) весьма уважал своего московского тезку, но в деле перевода Библии изначально стоял против него, и свою позицию выдержал до конца дней. После 1855 года он сильно хворал и любил говорить, что число дней его сочтено. Действительно, жить ему оставалось мало, и его борьбу против перевода Священного Писания в 1857 году можно назвать предсмертной. Он выдвинул семь возражений. Первое: несмотря на то, что еврейский язык постоянно менялся, книжники оставили текст Ветхого Завета без изменений, ограничиваясь его истолкованием для народа, а стало быть, и нам следует поступать так же. Второе: ввиду возможных повреждений еврейского текста Господь сохранил его в образе греческого перевода, «Септуагинты», и сей перевод сделан «под несомненным руководством Духа Божия». Третье: Восточная Греческая Церковь, приняв Септуагинту, не переводила ее на

новогреческий язык, а толковала народу Библию по старому переводу. Четвертое: перевод Российского библейского общества «сделан не только не с благословения иерархов греческих, а решительно без их ведома и вопреки их воле». Пятое: славянский перевод, осуществленный святыми Кириллом и Мефодием, основан на Септуагинте. Шестое: другие славянские Церкви не делают переводов на языках своих народов. И седьмое: мысль о русском переводе родилась не в среде иерархии и не в народе, а пришла из Англии, «гнездилища всех ересей, сект и революций». Последнее было несправедливо,

получалось, что она пришла из Англии, но и Филарет (Амфитеатров) ее прогнал, и тогда она напрямик — к святителю Филарету (Дроздову), который либо не знал, какова Англия, либо, что еще хуже, знал и стал сторонником мысли, явившейся из «гнездилища всех ересей, сект и революций».

Итак, схлестнулись две правды — правда осторожная и правда смелая. И это хорошо. Не было бы первой, возможны были бы вольности. Не было бы второй, невозможным стало бы миссионерство на просторах

империи. Poleмика двух Филаретов подобна полемике в XV–XVI веках между Иосифом Волоцким и Нилом Сорским о монастырском стяжательстве и нестяжательстве и об отношении к еретикам — миловать или жечь, где правы оба, и в споре не уничтожают один другого, а этим спором с двух сторон мощными подпорками держат Истину.

«Будучи обязан дать по настоящему делу отзыв, призываю Бога, Творца Священного Писания, давшего в лице святых апостолов Церкви Своей дарование языков и наречий, дабы все народы сперва слышали проповедуемое, а

Филарет (Амфитеатров), митрополит Киевский и Галицкий. Литография П. Бореля. 2-я половина XIX в.

потом и читали написанное слово Его каждый на понятном языке и наречии; Бога призываю, чтобы Он не попустил моей мысли и слову уклониться от того, что Ему благополучно и полезно Церкви Его вообще и душам христианским по-рознь», — писал Филарет Московский, вступая в полемику с Филаретом Киевским по каждому из семи возражений. *Дать ответы на возражения Киевского владыки его попросил сам император, и ответы эти были очевидны: евреи не переводили древние тексты, но на греческий-то был сделан перевод; греки не переводили с древнегреческого, но на славянский-то был сделан перевод Кириллом и Мефодием, а теперь старославянский столь далек стал от русского, и особенно в последние полвека, что не только паства, но и духовенство далеко не всё понимает из того, что есть в Священном Писании. Есть языки, надолго замедляющиеся в своем развитии, а есть развивающиеся стремительно. Французский XVIII века мало чем отличается от нынешнего. Русский сильно переменялся. Прозу XIX столетия наш современник понимает без труда, а написанную в XVIII веке уже не так легко, не говоря уж*

о той, что отстоит от нас на пять-шесть веков. Язык Шекспира в целом понятен англичанину, а язык русских современников Шекспира нынешним русским кажется диковинным.

На возражение, основанное на том, что другие восточные православные Церкви не стремятся к новым переводам, Филарет Московский справедливо отвечал, что, *находясь под игом мусульман, они не имеют переводчиков, оттого-то и не переводят.*

Теперь оставалось терпеливо ждать, на чью же точку зрения встанет царь, а следом за ним и обер-прокурор. А государь тем временем

уже был поглощен мыслями о крестьянской реформе, и с 3 января 1857 года приступил к работе особый тайный комитет под личным председательством Александра II.

Решения относительно перевода Библии так и не было. Святитель печалился, сердился... 31 мая ему была объявлена благодарность Святейшего Синода за особенное, постоянное попечение о благоустройстве Московской духовной академии, но лучше бы вместо благодарности — давно ожидаемое разрешение!

* * *

Когда Филарет узнал о решении ставить в Новгороде памятник тысячелетия России, не очень одобрил, написав Антонию, что сие «предприятие не от высокого мудрствования произошло», выделил от епархии весьма скромное пожертвование на этот монумент. По-своему он был прав. Сейчас мы уже призываем, что в Новгороде стоит микешинский шедевр, а тогда идея создания памятника с огромным множеством фигур из десяти столетий русской истории вполне могла отпугивать, ведь ко многим

Б.П. Виллевалде. Открытие памятника Тысячелетию России в Новгороде в 1862 г. (фрагмент)

персонажам не было и нет единодушного мнения. Взять, к примеру, образ Ивана Грозного. Общество русское до сих пор расколото на два полярных лагеря. Одни проклинают первого русского царя, продолжают снимать о нем чудовищные фильмы, сочиняют новые его злодеяния. Другие готовы хоть сейчас провозгласить Ивана Васильевича святым. И во время создания памятника в Новгороде сколько было споров и ссор из-за того, включать или не включать в русский пантеон ту или иную фигуру! Так что и впрямь, идея хорошая, но не безупречная.

Зато не переставало радовать продолже-

ние строительства храма Христа Спасителя, которое святитель мог наблюдать и из окон дома Сергея Михайловича, и лично посещая стройку. Константин Андреевич Тон во всем советовался с Филаретом, вносил изменения в проект по ходу работ, окружил окна барабана большой главы купола аркадой, сами купола и малые и большой сделал ребристыми, появились раковины, подобные тем, что на закомарах Архангельского собора Кремля. По поводу формы алтарных окон Филарет лично давал письмен-

крестом в среднем окне тоже будет соответственно месту и благолепию олтаря».

В 1851 году храм Христа Спасителя был окончен вчерне, но еще несколько лет стоял в лесах — продолжалась отделка его с внешней стороны, устанавливались знаменитые горельефы, которые первоначально предполагалось делать из бронзы способом гальванопластики, поскольку каррарский мрамор в московском климате подвергался бы разрушению, однако, до этого в цоколе, базах, пилястрах,

Прп. Сергий Радонежский благословляет св. Димитрия Донского Донской иконой Пресвятой Богородицы перед Куликовской битвой. Оригинальный горельеф с храма Христа Спасителя в Москве на стене Донского монастыря. Скульптор А.В. Логановский (фото: www.fotki.yandex.ru)

ное пояснение генерал-губернатору: «В древних соборных храмах, например, в Успенском соборе, на восточной стене три окна, конечно, с мыслью о троичном свете пресвятой Троицы, и в новозданном храме Христа Спасителя на восточной стороне три окна. Следовательно, сие согласно с древним церковным обычаем и заделывать сии окна не нужно. Да и для света в алтаре они полезны. Вставить в них цветные стекла с изображениями святых или святым

колоннах, карнизах и фасадных арках попробовали использовать протопоповский мрамор, он оправдал надежды, так что решили остановиться на нем и при изготовлении горельефов.

Храм, снаружи уже почти готовый, оставался в лесах. И «в лесах» оставалось дело о переводе Библии, хотя чаша уже склонялась в пользу Филарета. Мнение государя склоняло чашу сию. А следом за царем готов был примириться и обер-прокурор.

* * *

В доме у Сергея Михайловича не раз заходили разговоры о готовящейся крестьянской реформе. Ни сам Голицын, ни его высокопреосвященнейший гость не разделяли восторгов по поводу замыслов царя отменить крепостное право. Оба были в этом вопросе заядлыми ретроgrадами.

— Одно меня утешает в моей близкой кончине, — говаривал Сергей Михайлович, — это то, что я не увижу готовящейся эмансипации крестьян, сего переворота, который, по моему убеждению, не пройдет спокойно.

«Приезжающие из Петербурга сказывают, что там сильный говор об изменении положения крестьян, — писал Филарет в лавру. — И дважды мне сказывали, но не знаю, из какого источника почерпнули сведения, что преподобный Сергей явился к государю императору и дал наставление не делать сего. Господь да сохранит сердце царево в руце Своей и да устроит благое и полезное».

Перед тем как начать реформу, царское правительство провело очередную, десятую по счету ревизию. Первые девять ревизий проходили в отрезке времени с 1747 по 1837 год, и все они показывали устойчивую цифру — сорок пять процентов населения России составляли крепостные. Ревизия 1857–1858 годов показала новую цифру — тридцать семь процентов, то есть крепостных уже было меньше, нежели свободных.

К этому времени остатки крепостного права уже были истреблены и в Германии, и в Польше, и в Австро-Венгрии. Рабовладельческой страной являлись Соединенные Штаты, где в пятнадцати штатах, не отказавшихся от рабства, на двенадцать миллионов населения приходилось четыре миллиона негров-рабов, то есть, из трех человек один был — раб. При этом надо помнить, что положение негров в Америке было значительно хуже, чем положение крепостных в России середины XIX века.

В 1857–1859 годах в России прошла перепись населения. Оказалось, что подданными Александра II являются семьдесят четыре миллиона человек, из которых двадцать миллионов — крепостные крестьяне, два миллиона — удельные, то есть проживающие на землях, принадлежащих императорской семье,

и восемнадцать миллионов государственных крестьян, то есть прикрепленных к земле, но имеющих личную свободу. В Эстляндии, Курляндии, Лифляндии, в Земле Черноморского войска, в Приморье, в Семипалатинской области, в области Сибирских киргизов, в Дербентской области и Прикаспийском крае, в Эриванской, Архангельской и Шемахинской губерниях, в Забайкалье и Якутии крепостных крестьян не было вообще. В остальных местах наименьший процент был в Бессарабии — один, а наибольший — шестьдесят девять — на Смоленщине.

Как бы то ни было, проблема оставалась. Среди тех, кто выступал против, в основном были не противники реформы как таковой, а противники предлагаемых мер решения вопроса. За три года до манифеста об отмене крепостного права Филарет писал: «В Австрии новое устройство крестьян, которому наше хочет быть подобным, не оказалось удачным. Некоторые земли, которые по власти помещиков обрабатывались, по свободе крестьян остаются необработанными. Усвоенные крестьянам усадьбы продаются с аукциона за неуплату податей; следственно, умножается нищенство. Но у нас, кажется, могло бы быть лучше, если бы добрые помещики хорошо растолковали дело крестьянам и постановили с ними обдуманное соглашение. Один помещик призвал старшин своих крестьян, дал им прочитать, что предложено от правительства; и хотя первое слово их было: лучше по-старому, но, видя необходимость, они стали рассуждать о соглашении. Помещик предложил им усадьбы не с выкупом, а в дар; потом назначил, сколько им дает земли для обрабатывания, с какою платою за десятину, а находившуюся у него помещичью запашку вызвался обрабатывать наймом, и они, соглашаясь на прочем, о последней статье сказали: нет, барин, разоришься; наем вольных тебе будет дорог; и скажи, чтобы мы сию долю обрабатывали тебе как прежде; это нам не тяжело. Так, продолжая соглашение, они составили правила, в которых взяли предосторожности и против расстройства от своеволия. Если бы так вошли в дело лучшие, и у худших оно могло бы устроиться с меньшим опасением вреда. Но многие ли поймут и постараются?»

Откуда-то взялись слухи, что Филарет тоже

призван участвовать в разработке реформы. Он решительно отрекся: «Дела крестьян касаться я и не думал. И не мое дело, и трудно представить, что можно было бы благонадежно сделать, когда дело получило ход, возвратиться неудобно, призванные действители не видят, что делать, и между ними нет единства. Надобно молиться, чтобы Господь наставил их на истинное и полезное».

Да, в это время Филарет пока еще никоим образом не участвовал в делах о реформе. Он был занят множеством иных своих привычных дел — храмом Христа Спасителя, хлопотами о переводе Библии, борьбой за обращение раскольников и многим, очень многим другим. Не забывал он время от времени выступать со своими проникновенными проповедями, учил паству прежде всего думать о божественном и небесном, а уж потом о земном, временном.

* * *

1858-й стал годом освобождения от лесов. На Москве засиял во всем своем внешнем величии храм Христа Спасителя, окончился первый важнейший этап его строительства, и с него сняли леса. Предстояла внутренняя отделка, и до дня освящения собора оставалось еще много лет, но величественный храм отныне уже стал неотъемлемой частью общего вида Москвы, на него можно было свободно взирать отовсюду, и отовсюду он поражал своей державной красотой.

А в Петербурге «сняли леса» с решения о переводе Библии. 20 марта Святейший Синод окончательно определил издать русскую Библию. Радости по поводу этого события не

найти в письмах и высказываниях Филарета, и причиной тому, думается, то, что он не верил в окончательность, опасался, что кто-то вновь решительно выскажется против, и Синод пересмотрит решение. Сколько уж раз такое бывало! Но, тем не менее, работа по переводу Священного Писания получила ход, и теперь нужно было «не спеша, поспешая» эту работу сделать.

Если в Москве главный храм еще предстояло достраивать изнутри, то в северной столице Исаакиевский собор был готов к освящению. После митрополита Никанора, скончавшегося в

1856 году, в Петербурге архиереем стал любимый ученик Филарета во время учебы в духовной академии Григорий (Постников). Он и по сию пору глубоко почитал своего учителя, во всем с ним советовался и горячо поддерживал стремление к переводу Библии на русский и другие языки империи. Будучи архиепископом Казанским и Свяжским, являлся деятельным миссионером, лично переводил Священное Писание на татарский язык. Между Московским и Петербургским митрополитами велась постоянная переписка. В частности, большую известность имеет письмо от 30 июля 1857 года, в котором, отвечая на

Митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский Григорий (Постников)

вопрос Григория, Филарет пишет, что поименное поминание всех членов царской семьи на литургии вполне можно было бы и сократить: «При благословении Божиим, императорская фамилия возросла до 23 лиц. Сей ряд имен в царский день, при служении архиерея, на одной литургии с молебном (кроме вечерни и утрени или всенощной) возглашается 12 раз и еще 2 раза воспоминается в молитвах тайно.

Уже прежде нынешнего времени некоторыми особами самой высочайшей фамилии замечательно было, что частое повторение одних и тех же имен без существенной нужды длит богослужение и не благоприятствует вниманию молитвы. Настойт нужда помыслить о некотором сокращении, и для сего требуется не нововведение в богослужении, а возвращение к более простому порядку древних богослужбных книг». В связи с этим нельзя не упомянуть анекдот про то, как император, по всей видимости, это был еще Александр Благословенный, спросил Филарета:

— Нельзя ли сократить утомительно длинное богослужение?

— Можно, — ответил святитель. — Можно сократить на пятнадцать минут, если уменьшить поминовение всей императорской фамилии.

* * *

Конец пятидесятых годов XIX века — время подготовки в России отмены крепостного права, и в этой подготовке были задействованы все лучшие умы государства. Включая митрополита Филарета Московского. Он — один из тех, с кем важно посоветоваться, и к нему обращаются за советом при каждом новом изменении проекта реформы.

Учрежденный 3 января 1857 года десятый по счету Секретный комитет по крестьянскому делу через полгода представил первый официальный проект реформы. 20 ноября 1857 года император издал и разослал всем губернаторам рескрипт, в котором изложил правительственную программу. Предусматривалось уничтожение личной зависимости крестьян при сохранении всей земли в собственности помещиков, предоставление крестьянам определенного количества земли, за которую они обязаны будут платить оброк или отбывать барщину, и со временем — права выкупа крестьянских усадеб, состоящих из жилого дома и хозяйственных построек. Юридическая зависимость уничтожалась не сразу, а только по истечении переходного двенадцатилетнего периода. В 1858 году для подготовки крестьянских реформ были образованы губернские комитеты, в них развернулась борьба за

меры и формы уступок между либеральными и реакционными помещиками. Вместо Секретного комитета создан был Главный комитет по крестьянскому делу. Он выработал новую программу, утвержденную императором 21 апреля 1858 года и предусматривавшую не упразднение крепостной зависимости, а лишь ее смягчение. Но 4 декабря 1858 года была принята другая программа крестьянской реформы, выработанная генерал-адъютантом Яковом Ивановичем Ростовцевым и предполагавшая получение крестьянами личной свободы, обеспечение крестьян наделами земли в постоянное пользование с правом выкупа по предоставленным правительством кредитам, утверждение переходного «срочнообязанного» состояния. После смерти Ростовцева в 1860 году бразды правления при подготовке реформы взял в свои руки граф Виктор Никитич Панин. Образованнейший человек своего времени, он слыл консерватором и крепостником, и действительно, возглавив Редакционные комиссии по проведению реформы, добился уменьшения наделов и увеличения повинностей будущих освобожденных крестьян.

Окончательная разработка манифеста об отмене крепостного права была возложена на Самарина и Милютину. Юрий Федорович Самарин, один из талантливейших представителей славянофильства, ученик Хомякова, доказывавший, что в православии сливаются отсутствующее в католицизме единство свободы и отсутствующее в протестантизме единство общности, при этом высоко ценил достижения западной цивилизации и мог найти золотую середину, в частности, и в крестьянском вопросе. Его сверстник Николай Алексеевич Милютин являлся также и его единомышленником. Так что выбор этих двух деятелей реформы в качестве создателей манифеста был сделан царем правильно.

Новый 1861 год владыка Филарет снова встречал на одре болезни. «Простуженная рука мешает писать, тогда как это всего нужнее». А на него тем временем свалилась работа высочайшей государственной важности — прислали написанный Самариним и Милютиним манифест с требованием отредактировать его по своему усмотрению. Император оказывал

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССИЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯДСКІЙ,
И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ **НАШИМЪ** вѣрнопопдающимъ.

Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій Всероссійскій Престоль, въ соотвѣтствіе сему призванію **МЫ** положили въ сердце **СВОЕМЪ** обѣтъ обнять **НАШЕЮ** Царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ **НАШИХЪ** вѣрнопопдающихъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно владѣющаго мечемъ на зашитѣ Отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго на поль борозду Государственную до проводящаго на поль плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ ставѣ Государства, **МЫ** усмотрѣли, что Государственное законодательство, дѣятельно благоустроая высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они, частью старыми законами, частью обычаемъ, потомственно укрѣплены подъ властію помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежить обязанность устроить ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были донныѣ обширны и не опредѣлены съ точностію закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего происходили добрыя патриархальныя отношенія искренней правдивой пощительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но при уменьшеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ, и неблагоприятному

сельскому обществу въ которой будетъ исчислено, на основаніи мѣстнаго положенія, количество земли, предоставляемой крестьянамъ въ постоянное пользованіе, и размѣръ повинностей, причитающихся съ нихъ въ пользу помѣщика, какъ за землю, такъ и за другія отъ него выгоды.

5) Сія уставныя грамоты приводить въ исполненіе по мѣрѣ утвержденія ихъ для каждаго имѣнія, а окончательно по всѣмъ имѣніямъ ввести въ дѣйствіе въ теченіе двухъ лѣтъ, со дня изданія настоящаго Манифеста.

6) До истеченія сего срока, крестьянамъ и вѣрнымъ людямъ, и преждемъ повиновенія помѣщикамъ, и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности.

7) Помѣщикамъ сохранить наблюденіе

Осыни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призова съ **НАМИ** Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ девятнадцатый день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ шестьдесятъ первое, Царствования **НАШЕГО** въ седьмое.

Собственною рукою подписано:
АЛЕКСАНДРЪ.

В 1861 году Манифест об отмене крепостного права» был опубликован во всех российских изданиях

владыке полное доверие и намеревался опубликовать сей документ только после его редактуры. Панин сопроводил текст манифеста собственным письмом, в коем с благоговением обращался к святителю Филарету: «Государь полагается совершенно на высокий дар красноречия вашего высокопреосвященства и на ревностное усердие ваше к делу, столь важному для Отечества, столь близкому к сердцу первого пастыря нашей Церкви. Руководимый сими чувствами и сим доверием, государь представляет вашему высокопреосвященству сделать все те изменения или прибавления, кои бы вы признали соответствующими чувствам его величества и собственно вашим, для лучшего успеха в достижении положенной цели».

Весь конец января в Троицком подворье Московский Златоуст работал над окончательным вариантом манифеста. Перечитывал, обдумывал. Разделил на три части и в течение трех суток полностью всё переписал. Наконец, закончил и 5 февраля отправил манифест государю в Петербург, приписав, что «в исполнение поручения его ввело верноподданническое повинование, а не сознание удовлетворить требованию». Грядущая реформа пугала его. Не случайно среди прочих исправлений им были вычеркнуты слова «в сей радостный для нас и для всех верноподданных наших день». Он говорил, что ожидаемому новшеству «радуются люди теоретического прогресса, но многие благонамеренные люди ожидают оно с недоумением, предусматривая затруднения». А за три дня до подписания манифеста, Филарет с волнением произнес:

— Господи, спаси царя и пощади всех нас.

Антонию он написал: «Теперь из Петербурга пишут об опасениях и, между прочим, что первый удар падет на высшее духовенство, монастыри, церкви».

19 февраля 1861 года в Петербурге император Александр II подписал отредактированный Филаретом манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» и Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, состоявшее из семнадцати законодательных актов. Наступило 5 марта 1861 года, Прощеное воскресенье. После совершения ли-

тургии в Успенском соборе Кремля манифест был объявлен народу. В тот же день — в других городах Российской империи.

Реформа 1861 года, как известно, вызвала ряд крестьянских выступлений по всей России. Хочется верить в то, что участие лучших умов государства, включая митрополита Филарета, в выработке документов реформы содействовало более мягкому прохождению вводимых государством изменений.

Новшеств при Александре II было много. Какие-то огорчали Филарета, другие — радовали. Не могла не тревожить идея передачи сельских школ из ведомства духовной власти в ведомство власти светской, проводимая новым министром просвещения Александром Васильевичем Головниным, сыном знаменитого флотоводца. А вот сокращение церковной службы за счет перечисления всего царствующего дома он одобрил. Это, собственно говоря, была и его идея, ее он высказывал предыдущим государям. «В древних изданиях греческих в великой ектении сказано только: о *благочестивейших и богохранимых царях наших*. Не предписано даже имя царя произносить. А о царском семействе и намека нет».

* * *

Он не был равнодушен ко всему устройению мира, не только в его основных составляющих, но и в разного рода вещах, кажущихся иному мелочами. К примеру, терпеть не мог не только сам театр, но и рукоплескания — свойственный театру способ выражения удовольствия, одобрения или восторга. Аплодисменты, известные еще в Древнем Риме, вошли в моду в России лишь в конце XVIII века. Во времена Филарета рукоплескали исключительно в театрах, и очень редко в аудиториях — часто выступающий ученый или политик мог оскорбиться: «Я вам не актер!» Однажды Филарет разрешил лучшим певчим участвовать в светских концертах, исполняя духовное пение, но узнав, что им при этом рукоплещут, в дальнейшем запретил подобное участие певчих в концертах.

Внимательнейшим образом до конца жизни святитель Филарет следил за всеми историческими событиями, современником коих ему довелось быть. В январе 1863 года снова

вспыхнуло восстание в Польше. Филарет в Москве жадно изучал все поступавшие новости: «Горьки, если верны, польские вести». Поводов к возмущению не было. Начало очередного рекрутского набора и массовое уклонение от него поляков стало не поводом, а сигналом к восстанию, которое подготавливалось уже давно, и на протяжении нескольких лет русские получали письма с угрозами, срывались вывески на русском языке, чудовищно осквернялись православные кладбища, а главное, тайно готовилась программа вооруженных действий. Причина оставалась всё та же — нежелание большинства поляков жить в составе Россий-

окажется некоторая необходимость продолжить идти по нем, и могут даже повлечь, куда неудобно следовать. В войну 1806 или 1807 годов Св. Синод, думая сильно поддержать правительство, назвал Наполеона антихристом; а потом с антихристом заключили мир. Адрес Св. Синода был бы выступ из ряда, потому что и Государственный Совет и Сенат не пишут адресов». Однако в личной переписке Филарет полностью поддержал императора в польском вопросе. А 8 августа 1863 года, встречая Александра II у входа в Успенский собор Кремля, Филарет обратился к нему с речью, которую любой либерал и сторонник Польши имеет

Пленные поляки, конвоируемые в сибирскую ссылку, на картине А. Сохачевского «Прощание с Европой» (фрагмент. 1894 г.)

ской империи при нежелании русского правительства дать независимость стране, где продолжали мечтать о возврате русских земель, некогда принадлежавших Речи Посполитой.

Встал вопрос о поддержке политики России в Польше со стороны духовенства. Неожиданно Филарет выступил против официальных заявлений, ссылаясь на то, что даже в тех странах, где Церковь более сближена с государством, и то не делается ничего подобного. «Трудно слову церковному вступить в политическую сферу, не соступая с поприща духовного, — писал Филарет Антонию в самый разгар польского восстания. — Но, вступивши на сей путь однажды,

полное право назвать самодержавно-реакционной, а то и милитаристской:

— Благочестивейший государь! Мир твоего народа нарушен нестроениями, происходящими на одном из пределов твоего великого царства, в малом народе, который уже не однажды был осужден за его нестроения, который существует в качестве царства только по милости твоих предшественников, и который за твои умноженные к нему милости воздаёт неблагодарностью, мятежом, крамолами. И, что всего неожиданнее, из некоторых стран, даже неопредельных нам, слышится голос, будто для их спокойствия это гнездо беспокойств надобно

укрепить и расширить. Оскорблена твоя правда и благость! Оскорблено достоинство России! Любовь к Отечеству, верность престолу могут ли при сем быть равнодушны? И потому дух сынов России воздвигается и отовсюду взывает к тебе, представляя готовность всего народа на защиту правды. Дух сынов веры воздвигается и взывает к Богу православной России, к Богу правды, да изведет, яко свет, правду твою и России, и судьбу твою с нею...

Польское восстание продолжалось более года, к маю 1864 года оно было подавлено. Вопреки ожиданиям руководителей мятежа, ни одно европейское государство не поддержало их. В итоге Польша лишилась главных атрибутов автономии, строгости были наведены такие, каких не было и при Николае I. Началась русификация, в людных местах запрещалось говорить по-польски, шляхта не имела права устраивать сборища даже по поводу семейных праздников. Тысячи причастных к восстанию поляков были сосланы в Сибирь, где появились целые польские поселения. Из таких семей переселенцев выйдут Дмитрий Шостакович и Александр Грин.

Зато польское крестьянство, которое в своей основной массе не поддержало мятежников, получило гораздо больше прав в соответствии с продолжавшейся реформой, нежели крестьянство на всей остальной территории Российской империи.

Известия о польских событиях Филарет получал, можно сказать, из первых рук — от своего старого друга Андрея Николаевича Муравьева, ведь тот был родным братом генерала Михаила Николаевича Муравьева-Виленского,

непосредственно руководившего подавлением мятежа в Польше. Европейская печать прозвала его людоедом. Удивительно, но к мнению европейцев присоединился внук великого Суворова, тогдашний петербургский военный генерал-губернатор светлейший князь! Он не только назвал Муравьева-Виленского людоедом, но и приказал не устраивать никаких почестей Михаилу Николаевичу при его приезде в Петербург. Даже около дома «душителя польских свобод» были выставлены полицейские, чтобы те не пускали кого-либо с подарками и приветствиями.

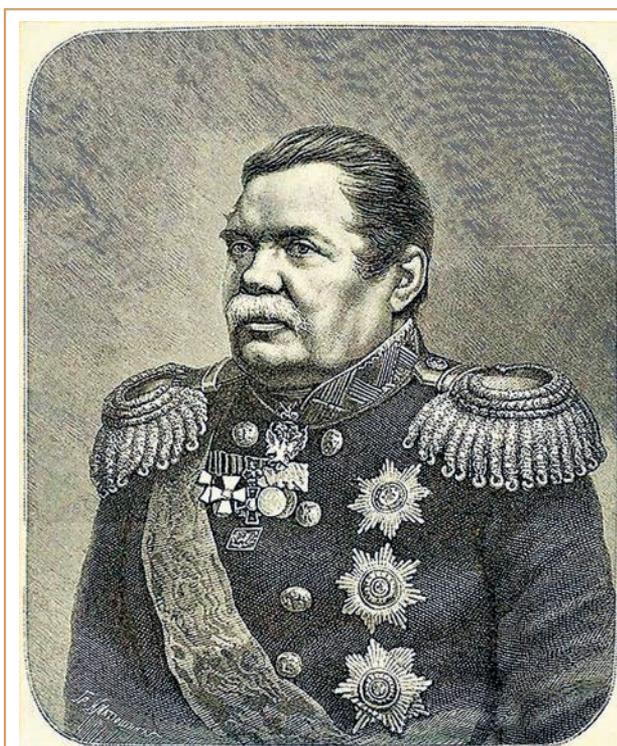
Тем не менее, как отметил в одном из своих писем Филарет, «Михаил Николаевич приехал в Петербург больной, и гвардейскими офицерами, с восклицаниями «Ура!» вынесен из вагона на стуле, вопреки запрещению петербургского генерал-губернатора, который также запретил купцам поднести хлеб-соль и к дому Михаила Николаевича послал городских служителей, чтобы не собрался народ встретить его. Не скажете ли: невероятно?»

Таким же жгучим реакционером, как возмущенный сим фактом Филарет, оставался

и Федор Иванович Тютчев, написавший внуку Суворова стихотворный памфлет:

Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спросяся!

Как извинить пред вами эту смелость?
Как оправдать сочувствие к тому,
Кто отстоял и спас России целость,
Всем жертвуя призванью своему, —

Усмиритель Польши генерал М.Н. Муравьев
(гравюра И.И. Матюшина)

Кто всю ответственность, весь труд и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе,
И бедное, замученное племя,
Воздвигнув к жизни, вынес на себе?..

Кто, избранный для всех крамол мишенью,
Стал и стоит, спокоен, невредим,
Назло врагам, их лжи и озлобленье,
Назло, увы, и пошlostям родным.

Так будь и нам позорною уликой
Письмо к нему от нас, его друзей!
Но нам сдается, князь, ваш дед великий
Его скрепил бы подписью своей.

* * *

Осенью 1867 года святитель вернулся из Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры в Москву, причем впервые не ругал железную дорогу, а весьма хвалил, восторгался спокойствием движения поезда и признал правильным, что «не решился на путешествие по земляной дороге»: «Я не мог бы так долго переносить тягостного ощущения в котором начал путь, и не имел бы средств облегчить оное. Напротив того, в подвижном доме железной дороги я отложил теплую одежду, встал и в сем положении оставался почти во всю дорогу, постепенно чувствуя облегчение».

Наступили последние годы, солнце земной жизни святителя Филарета уже коснулось горизонта и стало тихо погружаться за оком, даруя миру последние прекрасные лучи, теплые и ласковые.

И в этих живительных лучах появились на свет два младенца, коим в грядущем XX столетии суждено будет стать двумя первыми патриархами возрожденного русского патриаршества — 19 января 1865 года в окрестностях Торопца родился Василий Иванович Белавин, а в самый год кончины Филарета 11 января 1867 года в Арзамасе родился Иван Николаевич Страгородский. Первый в 1917 году станет патриархом Тихоном, а второй в 1943 году — патриархом Сергием.

Чувствуя близкий уход, Московский Златоуст вновь обратился к поэзии и совершил стихотворный перевод «Увещательной песни» святителя Григория Богослова:

Близок последний труд жизни,
плаванье злое кончаю.
И уже вижу вдали казни горького зла:
Тартар ярящийся, пламень огня,
глубину вечной ночи,
Скрытое ныне во тьме, явное там в срамоте.
Но, Блаженнее, помилуй, и, хотя поздно, мне даруй
Жизни остаток моей добрый по воле Твоей.
Много страдал я, о Боже Царю, и дух мой страшился
Тяжких судных весов, не низвели бы меня.
Жребий мой понесу на себе, переселяясь отсюда.
Жертвой себя предал скорбям, снедающим дух.
Вам же, грядущие, вам заветное слово: нет пользы
Жизнь земную любить. Жизнь разрешается в прах.

17 сентября архимандрит Антоний явился с ежедневным докладом о состоянии обители, Филарет внимательно выслушал его, а затем сказал:

— Я ныне видел сон, и мне сказано было: «Береги девятнадцатое число».

Антоний ответил:

— Владыко святой! Разве можно верить сновидениям и искать в них какого-нибудь значения? Как же можно притом обращать внимание на такое неопределенное указание? Девятнадцатых чисел в каждом году бывает двенадцать.

Помолчав, Филарет возразил:

— Не сон я видел. Мне являлся родитель мой и сказал мне те слова. Я думаю с этого времени каждое девятнадцатое число причащаться Святых Таин.

— Это желание доброе, — ответил Антоний.

Через два дня было девятнадцатое сентября, и святитель Филарет причастился, как перед кончиной. Но наступил новый прилив сил, и он отправился в Москву. «Путешествие мое совершилось безбедно, хотя и небеструдно. Две версты или около я ехал по железной дороге сидя; потом почувствовал необходимость встать и достиг до Москвы по железной дороге пешком, то есть, ходя и стоя в вагоне. Усталость была велика, но, казалось, безвредна. В понедельник был я в Кремле и посетил князя генерал-губернатора, который встретил меня на железной дороге в субботу».

5 октября Филарет написал Антонию: «Да

сохранится безмолвие Гефсиманского скита, и да не будет от меня причины к нарушению оно-го. Преподобный отец наш Сергей да призрит милостиво и да благословит мой последний покой в обители его, под кровом молитв его и других по нем здесь богоугодно подвизавшихся. Прошу о сем и завещаю сие». Это значило, что он полностью согласился с предложением Антония относительно будущего погребения.

* * *

19 октября святитель вновь причащался, уже в своей домово́й церкви. Чувствовал он себя лучше, чем во все последнее время, вновь бросился в бездонную пучину дел. Жить на земле ему оставалось один месяц...

...Приближалось очередное девятнадцатое число, выпадавшее на воскресенье. Наступила суббота 18 ноября. В тот день владыка сказал своему келейному иеродиакону Парфению:

— Завтра я буду служить литургию в своей домово́й церкви, приготовь всё к служению.

Старый келейник решил возразить:

— В таком случае, владыко, вы утомитесь и не сможете, пожалуй, служить во вторник, а ведь будет праздник, Введение Богородицы.

— Это не твое дело, — сердито ответил Филарет. — А иди и скажи всем, что я завтра служу...

Опасения келейника были не напрасны. Филарет уже давно, более двух месяцев по немощи не служил литургию. Но утром 19 ноября все тревоги развеялись. Владыка явился в домовый храм бодрый, словно в него вдохнули свежие силы. Еще недавно у него не было голоса, чтобы читать приветствие на своем юбилее, а тут откуда-то вернулся голос, причем, довольно громогласный! Все смотрели на него и с удивлением видели в нем человека, для которого всё только начинается в жизни! Литургия прошла радостно и легко, словно птичий полет в поднебесье. По совершении таинства преосуществления святитель в последний раз приобщился Святых Таин. И это была его самая последняя служба Господу на земле. На ней присутствовал московский гражданский губернатор генерал-майор Александр Иванович Баранов — последний из высокопоставленных чиновников, кто видел живым Московского

Златоуста. Выпив две чашки чая с миндальным молоком, владыка побеседовал с Александром Ивановичем, тот откланялся, получил архиерейское благословение и удалился, а Филарет отправился в свой кабинет и стал разбирать бумаги. Как ни в чем не бывало.

Повар сообщил келейнику Парфению, что обед готов, тот сообщил Филарету. Владыка сказал, что еще немного, и он придет. Но так и не пришел. Иеродиакон Парфений снова отправился звать его. Он увидел митрополита стоящим на коленях в узком проходном помещении без окон рядом со спальней. Но это уже было тело, разлученное с душой...

* * *

19 ноября 1867 года Московский Златоуст святитель митрополит Филарет, совершив Божественную литургию и приобщившись Святых Таин, в половине второго часа пополудни ушел в жизнь вечную — родился в мир невидимый. Он преставился так, как подобает христианским праведникам, и принял кончину, о которой каждый православный человек молится ежедневно — безболезненную, непостыдную и мирную. Из путешествия по миру, длившегося почти восемьдесят пять лет, душа его отправилась в свое Отечество, завещанное Богом.

Узнав о кончине святителя, в Кремле ударили в большой колокол колокольни Ивана Великого. Следом за первым ударом печально прозвучали еще одиннадцать. Услышав этот звон, раздавшийся в неподобающее время, москвичи спрашивали друг друга, что случилось, какая беда, какое событие. Тревожились. Затем стала распространяться и печальная весть о смерти их любимого архиерея. К Троицкому подворью потекли толпы народа, желающего отдать ему последний поклон.

В эти дни Иван Сергеевич Аксаков написал: «Упразднилась сила, великая, нравственная, общественная сила, в которой весь русский мир слышал и ощущал свою собственную силу, — сила, созданная не извне, порожденная мощью личного духа, возросшая на церковной народной почве... Угас светильник, столетия светивший на всю Россию не оскудевая, не померкая, но как бы питаясь приумножением

лет и выступая ярче по мере продвижения вечера сумрака».

* * *

Со времен Екатерины русские стали осваивать восточное побережье Американского континента. Великий русский путешественник Григорий Иванович Шелихов основал Русскую Америку на Аляске. В 1799 году была создана Российско-Американская компания. Аляска в ту пору называлась Американским уездом Иркутской губернии. В Николаевскую эпоху освоение Аляски обрело новый размах. Естественным образом встал вопрос о распространении на американских землях православной веры. И возшла апостольская звезда отца Иоанна Вениаминова, будущего святителя, митрополита Московского Иннокентия, апостола Сибири и Аляски. И здесь не обошлось без влияния Филарета!

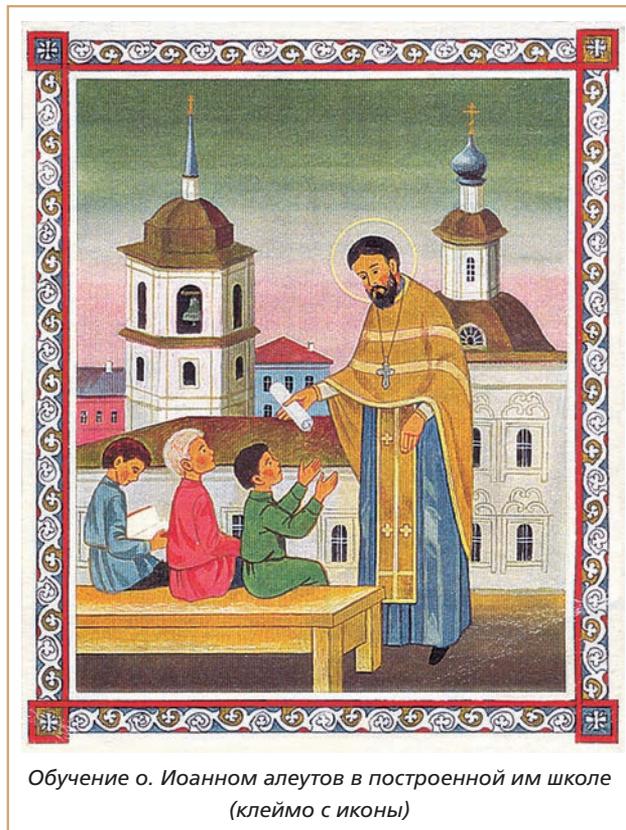
Отец Иоанн родился 26 августа 1797 года в сибирском селе Ангинском Иркутской епархии, в небогатой семье Евсевия Попова, пономаря местной Ильинской церкви. В 1806 году он поступил в Иркутскую духовную семинарию. Поповых там оказалось в избытке, и ректор многим из них дал другие фамилии, вот почему Иван Попов тогда стал Вениаминовым, в память о недавно скончавшемся Иркутском епископе Вениамине. Женившись на дочери священника Благовещенской церкви, Екатерине Ивановне, сразу затем был посвящен в диаконы к той же церкви. Закончил он семинарию одним из лучших, а через четыре года был рукоположен во священника.

В конце 1822 года в Благовещенской церкви появился новый прихожанин Иван Крюков,

сорок лет проживший в колониях Российско-Американской компании. Своими рассказами он вдохновил молодого батюшку искать апостольского служения на Аляске. А когда Иркутский епископ Михаил получил указание Святейшего Синода о том, что на Алеутские острова нужно послать священника, отец Иоанн решил отправиться туда и 7 мая 1823 года выехал из Иркутска вместе с семьей. Он изучал язык островитян, обучал алеутов столярному, плотницкому, слесарному и кузнечному делу, изготовлению кирпича и каменной кладке.

Построив храм, он стал постепенно приучать своих новых друзей к христианству. Он переводил православные молитвы на алеутский язык, а потом начал переводить Евангелие от Матфея.

Проведя десять лет на алеутском острове Уналашка, отец Иоанн в 1834 году был переведен на Аляску — в Михайловский собор Новоархангельского порта, расположенного на западном берегу острова Ситка. Здесь продолжилось его апостольское служение. На Ситке отец Иоанн устроил школу для новообращенных и их детей, где обучал их За-

Обучение о. Иоанном алеутов в построенной им школе
(клеймо с иконы)

кону Божию, грамоте и разным ремеслам, сам составлял учебники. На островах он написал «Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка», а теперь так же рьяно взялся за изучение колошенского и кадьякского языков обитателей Аляски.

В 1839 году батюшка Иоанн приехал в Петербург, где ему необходимо было провести беседы с высшим церковным начальством о необходимости материальной поддержки его апостольским делам. Его тепло встретили и в Санкт-Петербурге, и в Москве, его работы

готовились к публикации, успешно шел сбор средств...

25 ноября 1839 года отца Иоанна постигло страшное горе — в Иркутске внезапно скончалась его супруга. Кто мог лучше утешить горестного священника, чем святитель Филарет Московский, находившийся тогда в Петербурге на очередной сессии Святейшего Синода! Встретившись с отцом Иоанном, владыка стал горячо убеждать его в том, что смерть Екатерины Ивановны есть несомненный знак Божий.

— Пришло время, отец Иоанн, принять монашество. Такой просветитель, как вы, должен быть архиереем.

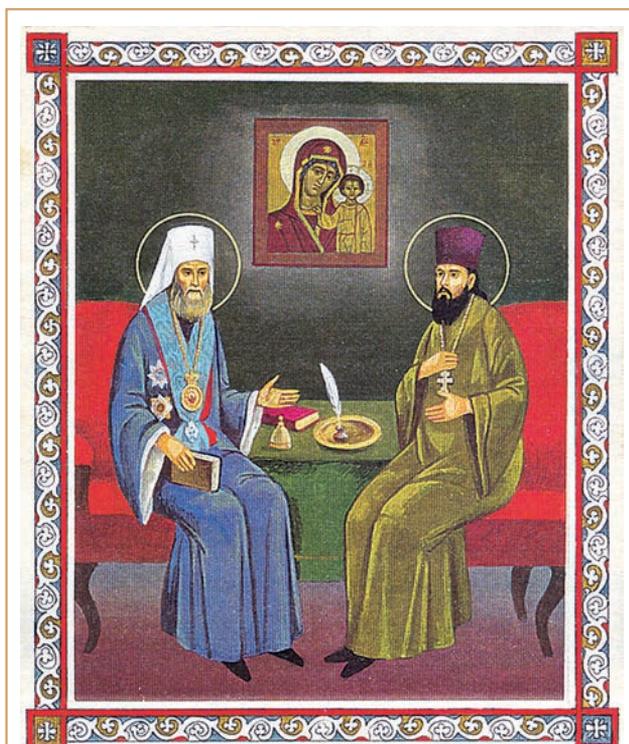
Беседы с Филаретом благотворно повлияли на батюшку. Покуда он готовился к принятию монашеского пострига, ездил молиться в Троице-Сергиеву и в Киево-Печерскую лавры, Филарет хлопотал об устройстве его детей. В итоге дочери отца Иоанна поступили в Патриотический институт, а сыновья в Санкт-Петербургскую духовную семинарию.

Все это время отец Иоанн постоянно молился святителю Иннокентию Иркутскому, и когда 29 ноября 1840 года в Петербурге митрополит Филарет совершал постриг, он назвал новоявленного монаха Иннокентием. На другой день инок Иннокентий был возведен Филаретом в сан архимандрита. Вскоре с архимандритом Иннокентием по совету Московского Златоуста встретился государь император. Николай сообщил ему о новом назначении — епископом вновь созданной по решению Святейшего Синода епархии. 15 декабря 1840 года Филарет совершил архиерейскую хиротонию, и Иннокентий стал епископом Камчатским, Курильским и Алеутским.

10 января 1841 года Филарет благословил Иннокентия, и тот отправился из Петербурга на другой конец бескрайней Российской империи. По пути он заехал в Москву, потом в Троице-Сергиеву лавру, передал от Филарета письмо архимандриту Антонию: «Примите, отец наместник, подобающим образом преосвященного Иннокентия Камчатско-Алеутского и образом от обители благословите. Он уполномочен брать с собою потребных ему людей и желающих служить при нем. Если у нас найдется желающий и ему угодный, не будем скупы. И

не останавливайтесь за перепискою со мною. На многое не отвечаю еще Вам, потому что простуда не позволяет долго держать на земле ноги, а лежащий писать еще не выучился. Мир Вам и братии».

11 марта епископ Иннокентий приехал в Иркутск, а 27 сентября сошел на берег своей епархии. В 1842 году епископ Иннокентий начал на Ситке сооружение Миссионерского дома с Благовещенской часовней. Сейчас это здание — старейшая постройка на Аляске. Так, по слову Филарета начался новый этап апостольского служения замечательного

Свт. Филарет, митрополит Московский и Коломенский, беседует с о. Иоанном Вениаминовым (клеймо с иконы)

светильника православной веры, коему суждено будет после смерти Московского Златоуста занять его место на Московской кафедре! Но до этого события впереди было еще четверть века. Разделенные друг с другом немислимыми расстояниями, Филарет и Иннокентий продолжали дружить, постоянно переписываясь. В трудные минуты жизни Иннокентий всегда искал у Филарета духовной поддержки и получал ее.

В год кончины Филарета архиепископу Иннокентию исполнилось семьдесят лет, он плохо видел, слабел и просился на покой в монастырь,

но Московский митрополит ответил ему отказом: «Господь да скажет Вам, что Ему благоугодно, и Вам и Церкви Его полезно». 5 января 1868 года владыка Иннокентий был назначен вместо скончавшегося владыки Филарета митрополитом Московским и Коломенским, известие об этом прибыло через две недели в Благовещенск, где он находился. 25 мая 1868 года своего нового святителя встречала Первопрестольная Москва.

Во всем подражая своему предшественнику, митрополит Иннокентий оставался московским архиереем до самой своей кончины 31 марта 1879 года, и похоронили его в Духовском храме Троице-Сергиевой лавры, рядом с могилой его друга и наставника митрополита Филарета. Там же рядом был похоронен и преподобный Антоний, родившийся в мир невидимый 12 мая 1877 года, прожив ровно столько же, сколько его друг и духовный сын Филарет.

* * *

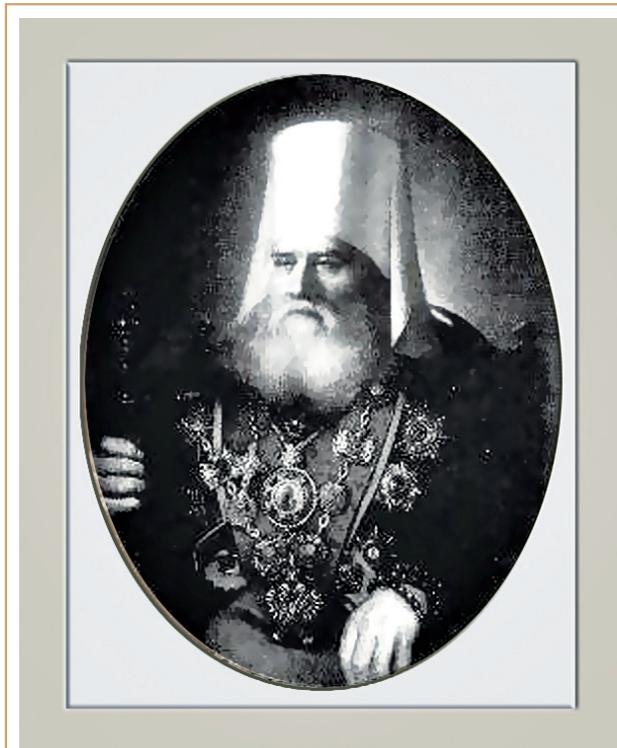
Дело святителя Филарета продолжилось, полный перевод Библии на русский язык был осуществлен. С каждым годом издавались его сочинения. В январе 1883 года прошло празднование столетнего юбилея Московского Златоуста. Основные торжества проходили в Чудовом монастыре в Кремле. Вскоре после этого Синод под редакцией архиепископа Тверского Саввы выпустил в свет многотомное «Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета по учебным и церковно-государственным вопросам».

Филарет, Антоний, Иннокентий мирно покоились в своих гробах, к которым ежегодно притекало множество верующих. И многие по-

лучали исцеление или душевное утешение, побывав рядом с их святыми останками. Но наступило безбожное время, и произошло то, о чем в кондаке святителю Филарету сказано: «От безбожных поругание и поношения приял еси». В годы кампании по вскрытию святых мощей безбожники прошли мимо захоронения Филарета, Антония и Иннокентия, но перед самой войной их нечестивые руки добрались и до этих могил. В 1938–1940 годах все пристройки вокруг Духовской церкви были разобраны. Все три погребения были вскрыты и разорены. Остались

воспоминания свидетелей о том, что глава митрополита Филарета оказалась нетленной, а человек, совершавший святотатство, спустя всего несколько дней трагически погиб.

В XX столетии человеком и пастырем, равновеликим святителю Филарету, безусловно, стал святейший патриарх Алексей II. Он и начинал свое епископское служение, как Филарет, с Ревельской кафедры. Именно по его благословию начались поиски останков и подготовка к канонизации митрополита Филарета. Проведение работ патриарх поручил своему научному

Святитель Иннокентий,
митрополит Московский и Коломенский (снимок)

эксперту по вопросам истории и археологии Сергею Алексеевичу Беляеву. В своем отчете о проделанной работе он писал: «Перед началом раскопок наместник лавры архимандрит Феогност обратился с вопросом о судьбе могил к одному из участников реставрационных работ в Духовской церкви В.В. Балдину. 10 марта 1994 года от него был получен официальный ответ, в котором говорилось: «При устройстве выстилки вокруг Духовской церкви захоронения митрополита Филарета специально не искали и не вскрывали — это я свидетельствую

как участник проводившихся здесь до августа 1941 года работ...»

Помимо патриаршего эксперта и наместника лавры в раскопках принимал участие архимандрит Кирилл (Павлов) — тот самый знаменитый сержант Павлов, герой Сталинградской битвы, в честь которого назван «Дом Павлова». Кроме них при раскопках присутствовали архимандриты Георгий (Тертышников), Матфей (Мормыль), Наум (Байбородин), экононом игумен Георгий (Данилов), иеромонах Викентий (Мазур), иеромонах Иоасаф (Подгоров), представители Московской Духовной академии и семинарии. Все они поставили свои подписи под составленным актом вскрытия.

«Мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем, что 10–14 октября 1994 года были произведены раскопки к югу от церкви Сошествия Святого Духа на месте церкви Филарета Милостивого, снесенной в 1938–1940 годах. На тех местах, с которыми письменные свидетельства и церковное предание связывают погребение святителя Иннокентия (Вениаминова) и наместника Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандрита Антония (Медведева), действительно были обнаружены могильные сооружения (склепы). Но они были полуразрушены и опустошены. На месте, где, по свидетельству разного рода источников, должна была находиться могила митрополита Филарета (Дроздова), была обнаружена яма неправильной формы, суживающаяся книзу. Примерные размеры: глубина около 2,7 м от уровня современной поверхности, по линии В-3 — около 2,5 м, по линии С-3 — около 1,5 м. Яма была заполнена строительным мусором и землей, среди которых находились человеческие останки, святительское облачение и гробовые доски с ручками трех типов. 12 октября из нее были извлечены останки трех человек: черепа, большие кости, ребра и ряд других фрагментов. 13 октября обнаруженные костные останки были омыты по чину омовения мощей и разложены по порядку. После анализа останков и сопоставления их с портретами митрополита Филарета (Дроздова), митрополита Иннокентия (Вениаминова) и архимандрита Антония (Медведева), находящимися в Патриарших покоех, была признана принадлежность останков

святителю Иннокентию, митрополиту Филарету и архимандриту Антонию. В дальнейшем справедливость этого утверждения, равно как и правомерность отнесения определенных останков конкретным лицам, была подтверждена специалистами-антропологами. Большинство из найденных фрагментов облачения принадлежит митрополиту Филарету (Дроздову). Принадлежность деревянной панагии пока не определена. Черная мантия принадлежала, по видимому, архимандриту Антонию».

Мощи располагались в правильном анатомическом порядке по лицам: слева — архимандрита Антония, в центре — митрополита Филарета, справа — святителя Иннокентия. Потом мощи святителя Иннокентия и митрополита Филарета были покрыты архиерейскими мантиями, мощи архимандрита Антония — архимандричьей, а главы — белыми воздушками. Затем были возжены лампы, свечи на поставленных в изголовье подсвечниках и кадилницы с благовониями.

Поздно вечером, около 22 часов, Духовскую церковь посетил Священноархимандрит лавры Святейший Патриарх Алексий. Святейший Патриарх сначала осмотрел раскопанные гробницы и яму, из которой были извлечены честные мощи. Потом он вошел в храм и выслушал подробный рассказ о проделанной работе. После этого была пропета «Вечная память» митрополиту Филарету и архимандриту Антонию и «Величание» святителю Иннокентию. Так первый раз после многих десятилетий глумления были прославлены святые мощи святителя Иннокентия и мощи митрополита Филарета и архимандрита Антония.

Еще три святыни возвращены Русской Православной Церкви. Это воистину милость Божия. Слава Богу!

Воскрес и вновь засиял над Москвой величественный храм Христа Спасителя, созданный архитекторами и художниками, вдохновленными идеями святителя Филарета. Храм сей — одно из его главных детищ, и Богом внушена была мысль патриарху Алексию II о том, чтобы мощи святителя Филарета покоились именно здесь, чтобы они стали главной святыней храма.

300-ЛЕТНИЕ
ЦАРСТВОВАНИЯ
ДОМА
РОМАНОВЫХ

Иркутские епархиальные ведомости. 1913 г.

Протоиерей Иоанн Дроздов

Россия в настоящее время празднует в высшей степени счастливое и знаменательное время. Исполнилось 300 лет царствования Дома Романовых.

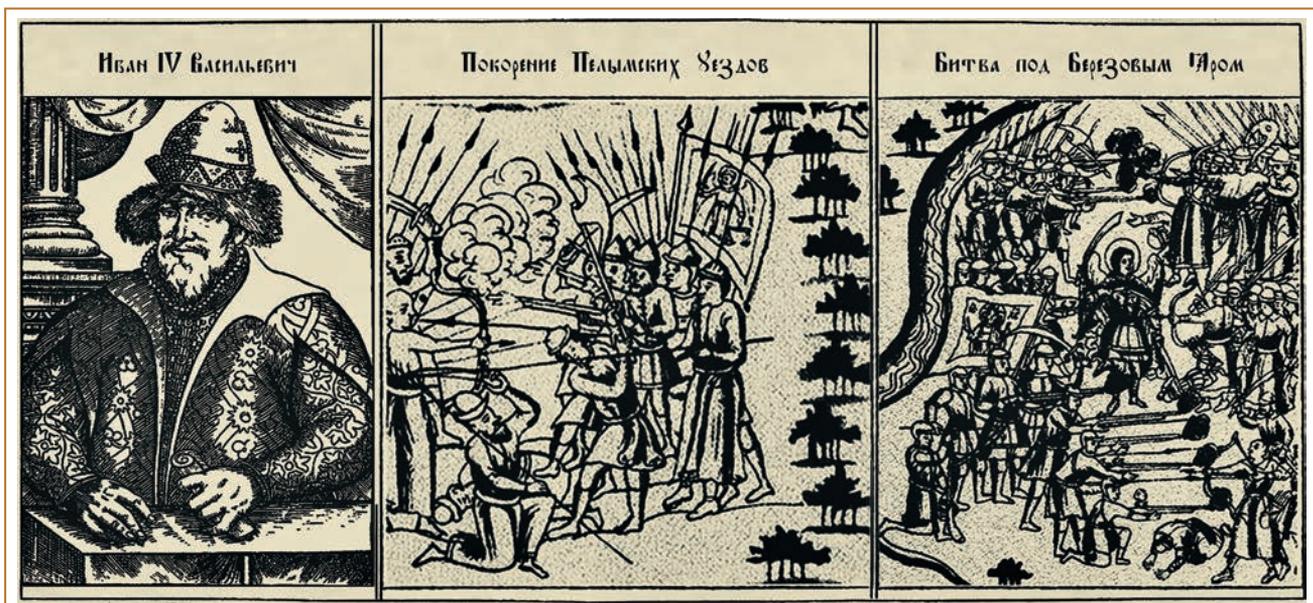
300 лет — период большой и для великого исторического народа. Но царствование Дома Романовых важно для русского народа и его истории не столько протекшим значительным периодом времени, сколько важностью и грандиозностью событий, имевших в это время место; многие из этих событий были вызваны самими государями этого дома, и во всех их они принимали главное участие, занимали самое выдающееся положение.

Говорить о всём, что произошло в этот период, о всех событиях, в которых представители Дома Романовых были главными деятелями, это значило бы писать историю России истекших 300 лет. Как жители Сибири, мы ограничим свою задачу изложением того, что сделано в этот период времени для этого края.

Русские впервые утвердились в Сибири еще при Иоанне Грозном. После падения Казани власть русского царя признали и князья, находившиеся до того времени под властью Казани. Из числа таких князей был незначительный сибирский князь Едигер. Но он был убит Кучумом, завладевшим его царством. Кучум отказался подчиняться Московскому царю. Но в это время явился в Сибирь Ермак, который победил Кучума, и русские опять утвердились в Сибири. Владения Едигера и Кучума находились приблизительно в настоящей Тобольской губернии. Остальная Сибирь русским даже не была известна. Ее нужно было еще узнать и затем только завоевать.

После побед Ермака началось знакомство русских с Сибирью. Одним из первых русских царей, обративших на нее внимание, был Борис Годунов. Он сделал первые шаги к укреплению за Россией того, что было завоевано. Но он же стал впервые пользоваться Сибирью как местом ссылки. Любопытно, между прочим, то, что первыми знатными ссыльными в Сибири, — в Пелыме, были два родных дяди первого царя из Дома Романовых Михаила Федоровича: Иван и Василий Никитичи, родные братья его отца, патриарха Филарета Никитича.

Смерть царя Бориса и последовавший за

тем период смуты на время остановили, хотя не вполне поступательное, движение русских вперед. К концу смутного времени русские достигли Енисея: в 1609 году им подчинились инородцы, жившие по Енисею: модоры, тубанцы, джесары.

Итак, в 1613 году, ко времени вступления на престол первого царя из Дома Романовых русские владели только половиной настоящей Сибири; но и в этой половине власть их была еще не вполне твердо упрочена. Страна была населена совершенно некультурными дикими инородцами.

Эти недавно покоренные племена не были мирными. Смутное время оказало действие и

ки-звероловы в одиночку или по 3–4 человека то по рекам на лодках, то на лыжах, то прямо пешком сквозь вековую, нерубленную чашу, с луком или самопалом за плечами, стали пробираться в глубину этого дикого лесного царства. «До тех мест одним летом не дойти, до коих мест ходят промышленные люди, — доносили Царю сибирские воеводы: — а там соболи ловятся добрые, и государевой казне от тех промыслов прибыль не малая».

Туземцы — тунгусы, якуты и другие такие же дикари язычники, как татары, остяки и вогулы Западной Сибири, не всегда мирно встречали пришельцев. Гнали их прочь, грозили побить до последнего человека, иногда и впрямь

на них. Они делали попытки свергнуть с себя власть Московского царя. Особенно много зла русским сделал сын Кучума — Ишим. Пользуясь замешательством, он бежал из Москвы, где его держали в плену, в Сибирь и поднял здесь весьма серьезное восстание. Воеводам молодого царя Михаила Федоровича пришлось употребить много усилий, чтобы усмирить восстание. Только много лет спустя последние отряды Ишима и его сподвижников были разбиты и власть русских была полностью восстановлена.

Но, ведя непрестанную борьбу с постоянно бушевавшими инородцами, русские, тем не менее, постоянно продолжали свое движение далее к Великому океану. Смелые промышленни-

побивали. Тогда, если место, по рассказам бывалых промышленников, того стоило, воевода из ближайшего города, иногда за несколько сот верст, высылал на защиту русских охотников «государевых ратных людей с огненным боем». А государевы ратные люди, встретив на «новых землях» людей, не плативших ясаку, тотчас начинали говорить, «чтобы им быть под царскою высокою рукою, и ясак бы Государю дали». Иногда доходило до драки, но царские люди почти всегда побивали на голову «тех государевых непослушников», брали заложников — «лучших людей», а остальных переписывали в книги и облагали ясаком.

Если новые подданные жили слишком да-

леко от Русского города, и трудно было ходить к ним за ясаком, выбирали удобное место, где можно бы пахать пашню, где были хорошие покосы, вода и рыбная ловля, и рубили на «новой земле» город, или острожек. А из нового острожка опять шли вольные промышленники или сборщики ясаку в глубину неведомых лесов, которым конца никто не знал: их манили слухи о неведомой еще им «великой реке Лене, что река та угодна и пространна, и соболей, и иного всякого зверя там много, и лисиц, и бобров, и горностаев».

В 1621 году построен был первый городок на правом берегу Енисея. А в 1631 году по обоим берегам Лены разъезжали посланные

За 32 года царствования Михаила Федоровича русские владения в Сибири, словно в возмещение уступок, сделанных на западе шведам и полякам, выросли почти втрое, охватив собою площадь свыше 4 000 000 кв. верст — целое государство¹.

При царе Алексее Михайловиче русские продолжали свое движение вперед. Казацкий старшина Василий Поярков, а затем после него казацкий атаман Ерофей Хабаров совершили весьма значительные экспедиции по реке Амур. Экспедиции эти, правда, кончились не вполне удачно. Русским не удалось сразу прочно утвердиться на Амуре. Пришлось вести за обладание им весьма упорную борьбу с ман-

из ближних острожков государевы служилые люди, смотрели, «каковы у той реки берега, и есть ли какие угодные места и лес, который бы к судовому и ко всякому делу пригодился, или горы, или степные места, и откуда та река выпала, и куда устьем впала, и рыбная ль река». Уже в 1640 году в Москву посланы были подробные чертежи и описание Лены и всех ее притоков и дороги к ним от старых сибирских городов. Берега «великой реки» и Байкала заставились русскими острожками: в 1632 году построен Якутск, в 1635 году — Олекминск, в 1638 году — Верхоянск, уже далеко восточнее Лены, в 1644 году — Нижнеколымск, почти у самой Камчатки...

джурами и другими народами. Но русские неуклонно подвигались вперед и, в конце концов, утвердились и на Амуре. В это же время казак Семен Дежнев по Северному Ледовитому океану добрался до реки Анадырь и открыл пролив, который впоследствии получил название Беренгова, по имени Беринга, открывшего его вторично после Дежнева. К началу царствования императора Петра I русские укрепились по всей Восточной Сибири вплоть до Великого океана. В XIX веке при императоре Николае I был занят Уссурийский край, при Александре III Туркестан.

Итак, в царствование Дома Романовых русскими была занята огромная и богатейшая

ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙЪ СЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ.

территория. Занятие ее имеет огромное значение для Русского государства. Оно занимает одну огромную территорию; оно не разделено океанами, подобно, например, Англии; всё это обусловило большую сплоченность частей государства, делая его более могучим и сильным.

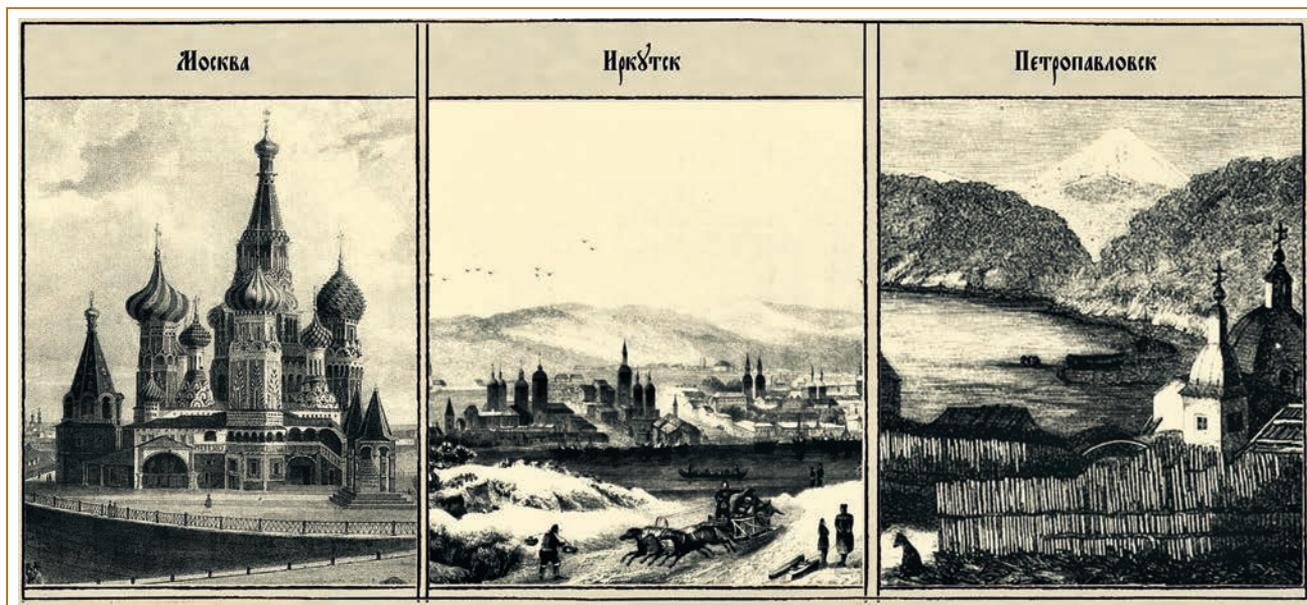
Заняв огромную территорию, государи Дома Романовых положили много труда и усилий для ее благоустройства.

Огромность пространства, дикость его обитателей, трудность, граничащая с невозможностью контроля над правителями края, много препятствовали благим намерениям государей и правительства. Иногда приходилось применять суровые меры. Но усилия государей

Но особенно успешно пошло дело просвещения светом Христовым инородцев-язычников со времени учреждения в 1863 году Православного миссионерского общества, которое было взято под высочайшее покровительство Государыни Императрицы. В настоящее время вся Сибирь покрыта миссионерскими станами, церквями и школами. Явились совершенно благоустроенные миссии: Алтайская, Иркутская, Забайкальская.

Да будет вечная память почившим Государям, положившим столько труда на приобретение и устройство Сибири!

Да здравствует наш великий Государь Император Николай Александрович! Чтобы знать

не остались напрасными. В настоящее время Сибирь немногим отличается от своей метрополии — Европейской России в отношении государственного устройства. Вся страна теперь покрыта учебными заведениями, явились цветущие города, неустанно вперед идет промышленность, вся Сибирь прорезана железной дорогой. Из дикой, совершенно не населенной страны она превратилась в страну в значительной степени населенную и культурную.

Много было сделано и для религиозно-нравственного просвещения края, особенно язычников и инородцев. Сибирские иерархи всегда заботились о приведении язычников ко Христу. Усилия их не оставались без успеха.

нужды Сибири, он проехал ее всю, чтобы своими глазами видеть ее нужды. Он положил первый камень при закладке великого Сибирского железнодорожного пути. Он дал Сибири новый суд.

Многая лета Государю Императору Николаю Александровичу!

Примечания

1. Россия под скипетром Романовых. СПб., 1912. С. 47–48.

Источник

Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1913. № 5. С. 121–127.

К 400-летию
Дома
Романовых

ВЫБОРЫ РУССКОГО ЦАРЯ

Г.И. Угрюмов. Призвание Михаила Федоровича Романова на царство 14 марта 1613 года (1799–1800)

Дмитрий Володихин

Великая смута уничтожила Русское государство. Об этом никогда не пишут в учебниках и редко, с большой неохотой — в популярной литературе. В конце 1610 года Россия как самостоятельная политическая реальность перестала существовать. В Кремле сидело бессильное боярское «правительство». Рядом с ним действовала могучая пропольская администрация. Но ее могущество распространялось лишь на одну столицу: в ее пределах оно поддерживалось большим польско-литовским отрядом, расположившимся на территории Кремля и Китай-города.

За пределами Москвы русская земля представляла собой множество самостоятельных областей. Где-то господствовали бойцы Лжедмитрия II — его убили в декабре 1610-го, но армия «царика» отнюдь не распалась; где-то стояли шведские гарнизоны; где-то устроилась польская армия; где-то большие городские общины решали и спорили — за кого «задаться»? За поляков? За шведов? Или выдвинуть кого-то из своих? Кое-кто присягнул чужеземному отроку — королевичу Владиславу. Но он не шел к Москве и не желал переходить в православие, а ведь только выполнение этих условий гарантировало ему русский трон. Владислав не выполнил их, и присяга, данная на его имя, рухнула.

Воцарилось безвластие.

То, что было Россией, имело все шансы распаться на три, пять, десять маленьких независимых державочек.

Около двух лет единого Русского государства не существовало.

Оно вновь возникло лишь по одной причине: русский народ и Русская церковь пожелали его восстановить и претворили свой план в жизнь. Ненависть к захватчикам — иноземцам и католикам — оказалась столь сильной, а желание жить своей головой столь неотступным, что под Москвой собралось первое земское ополчение. Оно отбило часть города и осадило польский гарнизон, занимавший центр Москвы. Сил для решительной победы не хватало, но, во всяком случае, ополченцы упрямо держались у стен своей столицы до лета 1612 года. В августе 1612-го к Москве явилось Второе земское ополчение. Объединив усилия, земцы отбили натиск отборного польско-литовского корпуса Ходкевича, взяли Китай-город штурмом, принудили к капитуляции вражеский гарнизон Кремля и разбили в предместьях Москвы авангардный отряд польской армии Сигизмунда III.

Осенью 1612 года в Москве образовалось единое земское правительство, представлявшее оба ополчения. К тому моменту под контролем у земцев оказалась значительная часть Московского государства, но далеко не всё оно. Многие города и области земскому правительству не подчинялись.

Более того, сама власть этого правительства выглядела эфемерно. Она опиралась на небольшую армию, выбившую врагов из столицы. К поздней осени 1612 года в ней не набиралось даже 8 000 бойцов. Притом большей частью земское воинство состояло из казаков — неистового, буйного, пестрого скопления, готового в любой момент свалиться в бунт или даже прямой разбой.

Еще того хуже: *подавляющее большинство высокородных аристократов русских не поддержали земское освободительное движение.* Кто-то оказался на стороне поляков, кто-то симпатизировал шведам, а многие просто проявили крайнюю пассивность, не желая рисковать головой ради общего русского дела. Страшно и омерзительно! Служилая аристократия играла роль военно-политической элиты в России. Она обязана была бороться с чужеземными захватчиками, отстаивать, а потом восстанавливать единство страны... Что ж в реальности? В реальности всё выглядело прямо противоположным образом: лишь очень небольшой процент русской знати вышел под знамена двух земских

ополчений. Самые родовитые люди царства, самые большие богачи, самые опытные воеводы и управленцы не вошли в число земских лидеров. Пожарский — хоть и князь, но человек невысокой знатности, аристократ третьего сорта. Один лишь молодой князь Дмитрий Трубецкой из великородной ветви Гедиминовичей полтора года тянул на себе воз руководства ополченцами...

Для того чтобы привести разрозненные силы России к новому единству, земское правительство должно было выдвинуть нового государя, Русская церковь должна была

себе ничего святого, одну лишь силу. Сила же — преходяща.

Нужен был новый царь. Все понимали это. Знатнейшая часть нашей аристократии мечтала о польских порядках, о правлении боярской магнатории, об игрушечном царишке или даже о замене его собранием «эпархов»-сенаторов, но она оказалась в трудном положении. Предыдущие годы страшно дискредитировали высшую знать России. Сотрудничество многих ее представителей с поляками вызывало у победителей-земцев ярость и презрение.

Оставался один выход: созвать со всех кон-

Битва за Москву в 1612 году. Эскиз к музею-панораме

дать ему высшую санкцию на царствование, а земское воинство послужить ему щитом и мечом.

Никакая «земская демократия», никакое «возрождение вечевых порядков», никакой «русский парламент» не могли тогда заменить царя. Смута четко показала: отсутствие законного монарха приводило к анархии и междоусобной борьбе, никаких иных результатов. Царю всегда подчинялись как слуге Божьему и проводнику Высшей воли. А любому «многомятежному» людскому собранию подчинялись до поры до времени, ведь оно не содержало в

цехов России Земский собор и дать ему право на избрание нового царя.

* * *

В ноябре 1612 года земское ополчение последний раз отбросило поляков от Москвы. Начало зимы 1612–1613 годов прошло в хлопотах, связанных с созывом. Люди съезжались медленно, люди съезжались трудно. Земский собор открылся лишь в начале января 1613 года. Его заседания проходили в Успенском соборе Кремля.

К Москве съехались многие сотни «делега-

тов», представлявших города и области России. По некоторым сведениям, их число превышало тысячу, но большинство историков придерживается мнения, что в Москве собралось 500–700 человек. Точных данных на сей счет нет. В итоговой грамоте Собора стоят подписи и упомянуты имена лишь части делегатов. По этому документу устанавливаются личности менее 300 участников Собора¹. По нему же ясно, что их было намного больше, но, сколько именно — установить невозможно².

Собрали тех, кто сумел прибыть: иные опустевшие земли и послать-то никого не могли.

К тому же страна была переполнена шайками «воровских» казаков и бандами авантюристов всякого рода. А тех, кто смог приехать, ждали голод, холод и разруха послевоенной Москвы. Осенью 1612 года там даже ратники земского ополчения порой умирали от голода. Так что само появление на Соборе означало акт гражданского мужества.

Те «выборные», кто добрался до столицы, представляли огромную территорию и могли совокупным своим голосом говорить за всю державу. Среди них присутствовали выходцы из разных социальных групп — аристократии, дворянства, стрельцов, казаков, купцов, ремесленников, духовенства. Затесалось даже небольшое количество крестьян. В документах Собора их именovali «уездными людьми».

Монархический выбор, совершенный в 1613 году, отражает настроения если не всех «выборных», то, во всяком случае, абсолютного большинства: «А без государя Московское государство ничем не строится и воровскими заводами на многие части разделяется и воровство многое множится, — справедливо счита-

ли участники Собора. — А без государя никакими делами строить и промышлять и людьми Божиими всеми православными христианами печется некому»³.

Но определение наилучшего претендента на трон проходило в спорах и озлоблении. Участники собора не быстро решили эту задачу и не единодушно. «Пришли же из всех городов и из монастырей к Москве митрополиты и архиепископы и всяких чинов всякие люди и начали избирать государя. И многое было волнение людям: каждый хотел по своему замыслу делать, каждый про кого-то [своего] говорил,

забыв Писание: «Бог не только царство, но и власть кому хочет, тому дает; и кого Бог призывает, того и прославит». Было же волнение великое»⁴. Иначе говоря, борьба мнений, агитация сильных «партий», посулы и тому подобные прелести избирательного процесса не обошли стороной и Собор 1613 года.

* * *

Земские представители выдвинули больше дюжины кандидатур нового монарха.

Легче всего оказалось «отвести» предложения, относившиеся к польскому правящему

дому. Весьма скоро ушел из поля зрения собравшихся королевич Владислав — хватит, нахлебались от поляков!

Позднее пропал из обсуждения герцог Карл-Филипп, сын шведского короля. По Новгороду, захваченному шведами, знали: их правление тоже не мёд. Древняя московская аристократия с презрением относилась к относительно «молодому» шведскому королевскому семейству. Иван Грозный вообще назвал его «мужичьим». Как подчиниться нашим князьям и боярам человеку, уступавшему значитель-

Портрет молодого Владислава.
Неизвестный художник. Начало XVII в.

ной их части в родовитости? С другой стороны, одиннадцатилетний шведский отрок не смог бы удержаться на русском престоле без поддержки высшей знати, а следовательно, зависел бы от нее. Относительная слабость и оскорбительная незнатность шведского претендента, как ни парадоксально, для многих «выборных» являлись доводами в его пользу. «Слабак» на троне — это возможность большой политической игры для сильных людей царства... Поэтому кандидатура его держалась довольно долго, и даже велись переговоры на сей счет с его старшим братом, королем Густавом-Адольфом. Сам Пожарский одно время склонялся к «шведскому варианту», предвидя тяготы войны на два фронта — с Речью Посполитой и Швецией, — а также прикидывая возможности получить от шведов поддержку против более опасного врага»⁵.

Но в людях оставалось сильным воодушевление, рожденное недавней победой над чужеземными войсками. К чему, недавно освободившись от власти иностранцев, опять сажать их себе на шею? Карл-Филипп сгинул из списка претендентов вслед за Владиславом. Дмитрий Михайлович не стал настаивать на его кандидатуре.

Идея самозванчества потускнела в глазах всей земли. Насмотрелись на «государей Дмитриев Ивановичей!» Сколько крови из-за них пролилось! Муча, сводившая судорогой всё тело России, научила наш народ: нельзя заигрывать с ложными «цариками» ради собственной корысти... кончится плохо. Царь должен быть истинный. По крови и по Божественному изволению. Все прочие варианты несут неминуемое зло. Поэтому быстро отка-

зались от Марины Мнишек и ее сына «ворёнка», а значит, и от мира с атаманом Заруцким, поддерживавшим их силою казачьих сабель. Марина Мнишек в 1605 году была возведена Лжедмитрием I на высоту русской царицы, но раз «государя», приведенного самозванческой интригой на трон, признали ложным, то и царица его — ложная.

Отказ от этих кандидатур был единодушно высказан на Соборе и прозвучал в грамотах, рассылавшихся от имени его участников по го-

родам и землям: «И мы, со всего собору и всяких чинов выборные люди, о государском обирании многое время говорили и мыслили, чтобы литовсково и свейсково короля и их детей и иных немецких вер и некоторых государств иноязычных не християнской веры греческого закона на Владимирское и на Московское государство не обирати и Маринки и сына ее на государство не хотети, потому что польсково и немецково короля видели к себе неправду и крестное преступление и мирное нарушение, как литовской король Московское государство разорил, а

свейской король Великий Новгород взял обманом за крестным же целованьем. А обирати на Владимирское и на Московское государство и на все великие государства Росийсково царствия государя из московских родов, ково Бог даст»⁶.

Заруцкий обладал сильной армией, активно действовавшей на юге России. Лишь после долгих военных действий он сам, Марина Мнишек и «ворёнок» окажутся в плену. За упорные претензии на русский престол им придется расплатиться жизнью.

Портрет Марины Мнишек
(автор неизвестен. Начало XVII в.)

* * *

Собор склонился к тому, чтобы выбрать кого-то из высшей русской аристократии.

По разным источникам известны лица, предложенные участниками Собора для избрания на царство.

Наиболее длинный список претендентов содержит «Повесть о Земском соборе». Вот как в ней изложено всё дело избрания: «Князи ж и бояра московские мысляще на Россию царя из вельмож боярских и избравше семь вельмож боярских: первый князь Феодор Иванович Мстиславской, второй князь Иван Михайлович Воротынской, третьей князь Дмитрий Тимофиевич Трубецкой, четвертой Иван Никитин Романов, пятый князь Иван Борисович Черкасской, шестый Феодор Иванович Шереметев, седьмой князь Дмитрий Михайлович Пожарской, осмый причитается князь Петр Иванович Пронской, но да ис тех по Божии воли да хто будет царь и да жеребуют...⁷ А с казаки совету бояра не имеючи, но особь от них. А ожидаючи бояра, чтобы казаки из Москвы вон отъехали, втаи мысляще. Казаки же о том к бояром никакже не глаголете, в молчании пребывая, но токмо ждуще у бояря, кто от них прославится царь быти»⁸. Позднее казаки все же назовут своего кандидата или, вернее, кандидата, подсказанного им частью московского боярства: «Атаман же казачий глагола на соборе: «Князи и бояра и все московские вельможи, но не по Божии воли, но по самовластию и по своей воли вы избираете самодержавнаго. Но по Божии воли и по благословению благовернаго и благочестиваго, и христоролюбиваго царя государя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси при блаженной его памяти, кому он, государь, благословил посох свой царской и державствовать на России... Феодору Никитичю Романову»⁹. И тот ныне в Литве полонен, и от благообраго корене и отрасль добрая и честь, сын его князь Михайло Федорович. Да подобает по Божии воли на царствующим граде Москве и всея Руси да будет царь государь и великий князь Михайло Федорович и всея Руси». И многолетствовали ему, государю»¹⁰.

«Повесть о Земском соборе» в общих чертах передает обстановку, сложившуюся при избрании нового государя. Правда, в ней названы

далеко не все претенденты. Другие источники сообщают, что среди кандидатов, предлагавшихся на русский престол, звучали также имена князя Д.М. Черкасского, популярного у казаков и, к тому же, весьма знатного аристократа; князя Ивана Васильевича Голицына — не менее родовитого вельможи, брата Василия Васильевича, которого столь уважал князь Пожарский; князя Ивана Ивановича Шуйского, томившегося в польском плену. Возможно, участники собора называли и других кандидатов, но они не пользовались популярностью, а потому имена их не дошли до нашего времени.

* * *

Претендентом номер один являлся князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. Ему принадлежало формальное первенство в земской освободительной армии.

Но он проиграл. Проиграл с треском, обидно, безнадежно. Был совсем рядом с великим успехом и упал на уровень второстепенной политической фигуры...

Чего не хватило Дмитрию Тимофеевичу для избрания на царство?

Желания у него хватало. Одна из повестей о Смутном времени рассказывает: «Князь же Дмитрий Тимофиевич Трубецкой учрежаше столы честныя и пиры многая на казаков и в полтора месяца всех казаков, сорок тысяч, зазывая к себе на двор по вся дни, чествуя, кормя и поя честно и моля их, чтоб быти ему на Росии царем и от них бы казаков похвален же был. Казаки же честь от него приимающе, ядяще и пиюще и хваляще его лестию, а прочь от него отходяще в свои полки и браняще его и смеющися его безумию такову. Князь же Дмитрий Трубецкой не ведаше лести их казачьей». А когда монарший венец окончательно ушел от Дмитрия Тимофеевича, он тяжело переживал свое поражение: «Лицо у него ту с кручины по черне, и [он] паде в недуг, и лежа три месяца, не выходя из двора своего»¹¹. Он даже не поставил свою подпись под грамотами, извещавшими города и земли об избрании Михаила Федоровича Романова на царство.

Хватало Трубецкому и знатности. Он приходился отдаленным потомком великому князю литовскому Ольгерду — по линии, восходящей

к старшему сыну Ольгерда, Дмитрию. А Дмитрий Ольгердович княжил в богатом Брянске, управляя колоссальной областью. В Московском государстве по давней традиции очень высоко ставили князей, связанных с литовским монаршим родом, — Голицыных, Мстиславских, Бельских, Трубецких и т. п. Со второй половины XVI века Трубецкие ставились в первых строках боярских списков, возглавляли армии, воеводствовали и наместничали в крупнейших городах. Очень немногие семейства могли тягаться с ними в родовитости: князья Мстиславские, Шуйские, Голицыны, Воротынские, Одоевские, Пронские, Глинские да три-четыре рода старомосковских бояр — самые сливки русской аристократии того времени. Отец Дмитрия Тимофеевича имел боярский чин.

Сам он появился на царской службе в 1604 году — в чине стольника ходил против Лжедмитрия I. Тот же чин сохранил Трубецкой и при Василии Шуйском. Перебежав от Василия Шуйского к Лжедмитрию II (июнь 1608), он сразу получил от «царика» боярский чин: «тушинцам» пришлось по вкусу, что в их лагере оказался столь знатный человек...

Роль князя Д.Т. Трубецкого в земском движении огромна. В 1611 году он вместе с Иваном Заруцким составлял полки Первого ополчения, пришел с ними под Москву, участвовал в битвах с интервентами. Военские заслуги его перед Россией очевидны.

У Первого ополчения было несколько вождей — Прокофий Ляпунов, Иван Заруцкий, князь Дмитрий Трубецкой и Андрей Просовецкий. Порой трудно определить, кто из них был инициатором того или иного действия земцев.

Формально, Дмитрий Тимофеевич признавался старшим из них — его имя писали на грамотах ополчения первым. Да и обращаясь к руководству ополчения, в грамотах из городов его тоже называли на первом месте¹². В то же время источники гораздо чаще упоминают самостоятельную роль иных руководителей — Заруцкого и особенно Ляпунова. Дмитрий Тимофеевич как будто оказывается в тени.

Но это иллюзия.

Известно, что именно он собирал войска Калужской земли. Весной 1611 года самой круп-

ной фигурой в стане русских сил, концентрирующихся вокруг Калуги, был его двоюродный брат — князь Юрий Никитич Трубецкой (с ним ведут переговоры внешние силы)¹³. Дмитрий Тимофеевич появляется рядом с ним как значимая личность в марте-апреле 1611 года¹⁴. Юрий Никитич, известный своими пропольскими симпатиями, колебался, но к земскому делу в итоге не примкнул. И тогда его родич оказался во главе калужан. Летом 1611 года князь Д.Т. Трубецкой, именно как старший человек калужского воинства, оказался и первым из воевод всего ополче-

Г.А. Афанасьев. Портрет боярина Дмитрия Тимофеевича Трубецкого (гравюра)

ния в целом.

Иностранцы видели в нем действительного вождя земцев. Шведы, в частности, считали его «осторожным и бдительным командиром», не допустившим распада ополчения после гибели Ляпунова. Русские считали, что меж двух истинных лидеров ополчения — Ляпунова и Заруцкого — Трубецкой «никакой чести не имел»¹⁵. Но, во всяком случае, Дмитрий Тимофеевич никогда не был просто «живым знаменем», не был игрушкой в руках прочих вождей ополче-

ния. Случалось, он расходился во мнениях с иными воеводами. Так, летом 1612 года он не поддержал Заруцкого, пожелавшего возвести на престол малолетнего сына Марины Мнишек от Лжедмитрия I. Заруцкий злоумышлял против Пожарского, даже пытался его убить, а Трубецкой — никогда. Заруцкий ушел из-под Москвы, заслышав о приближении земцев Минина и Пожарского, а Трубецкой остался. Ясно видно: этот человек имел самостоятельное значение. И, без сомнений, он самостоятельно принимал политические решения.

Историк В.Н. Козляков высказался на этот счет веско и точно: «Несмотря на то, что князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой... получил свое боярство от Лжедмитрия II, этот воевода ополчения стал восприниматься как глава его «дворянской» части. К ноябрю 1611 года в полках ополчения оказались представители московских дворянских родов Змеевых, Измайловых, Исленьевых, Колтовских, Коробьиных, Одадуриных, Охотиных-Плещеевых, князей Приимковых-Ростовских, Пушкиных, Самариных». Знатные дворяне легко подчинялись аристократу Трубецкому — в том не было никакой «поруки» для их родовой чести. А вот не столь знатный Ляпунов, и, тем более, безродный Заруцкий, не очень-то годились на роль их начальника. Без Трубецкого дворянская часть ополчения могла просто разойтись по домам.

Трубецкой достоин почтительного отношения, ведь он единственный — единственный из нескольких десятков знатнейших людей Царства! — не отказался от святой роли вождя в земском ополчении. А приняв ее, шел с земцами до победы. Этот молодой человек — не особенно удачливый полководец и не великий администратор. Но всё же он проявил достаточно ума и отваги, чтобы встать выше прочих людей своего общественного слоя.

После ухода Заруцкого Дмитрий Тимофеевич единолично руководил Первым земским ополчением. Князь лично участвовал в отражении Ходкевича. В октябре 1612 года именно его подчиненные взяли штурмом Китай-город. Когда к Москве подошли отряды короля Сигизмунда, Трубецкой вместе с Пожарским отбросил их¹⁶. Наконец, именно он формально яв-

лялся старшим из земских управителей России вплоть до Земского собора 1613 года.

И вот ему отказали в возведении на царство. А высшая власть была так близка! Полшажочка оставалось до нее. Трубецкой фактически обладал ею на протяжении нескольких месяцев — на исходе 1612 года и в начале 1613-го...

Почему же так вышло?

Видимо, Дмитрий Тимофеевич оказался в странном положении: *он никому не был до конца своим, хотя и до конца чужим его тоже никто не мыслил.*

Свой для казаков? Не вполне. Ведь князь возвысился прежде всего как глава дворянской части Первого ополчения. Дворянской, а не казачьей. В общественном смысле князь был гораздо ближе дворянам, чем казакам...

Свой для дворян? Но их он не сумел защитить от казачьего буйства, и, наверное, в их глазах выглядел как предатель своего круга, заигрывающий с социально-чуждой стихией. Дворяне разбежались из его ополчения, страшась обид, то и дело наносимых казачеством. Обстоятельства битвы с Ходкевичем за Москву прямо и однозначно свидетельствуют: казачьи отряды Трубецким контролировались очень слабо.

Свой для аристократии? Да, верно! Однако... молодой вельможа в аристократической среде был всего лишь одним из «игроков» — не самым знатным, не самым опытным по части интриг, не самым авторитетным из царедворцев. У каждого аристократического клана имелся свой интерес и свои козыри. Трубецкой играл в свою пользу и достаточно для победы числа союзников не нашел.

Отчасти предводителя земцев подвело одно неприятное обстоятельство. Шуйские, Мстиславские, Романовы, Черкасские, Глинские, Сабуровы и некоторые другие рода знатнейших людей царства соединены были с династией московских Рюриковичей-Калитичей брачными узами. А Трубецкие — нет! Ни одного брака, прямо связывающего Трубецких с Московским монаршим домом, заключено не было.

Итак, поражение Трубецкого как претендента на русский престол объяснить не столь уж трудно.

* * *

Из прочих претендентов особого внимания заслуживает князь Федор Иванович Мстиславский.

Этот происходил из Гедиминовичей, притом знатность его абсолютно превосходила всех прочих князей-Гедиминовичей, выставившихся на выборах: Голицыных и Трубецких. Мстиславские брачно были связаны и с московскими Рюриковичами. Один из предков Федора Ивановича женился на родной внучке Ивана Великого! А сам Федор Иванович в начале XVII столетия вообще считался самым знатным аристократом во всей России. С ним могли бы потягаться разве только Шуйские, да их свергли, и ныне Шуйские находились в узилище у поляков.

Если бы при выборах на русский трон главную роль играла кровь, т. е. высота происхождения, Федор Иванович, безусловно, победил бы. Но знатность имела значение всего лишь *одного из* факторов, которые брали в расчет участники Собора. Не единственного. Ее, разумеется, учитывали. Недостаток знатности отвел от престола нескольких кандидатов, в частности, князя Пожарского, Ф.И. Шереметева а также И.Н. Романа¹⁷. Однако *позиция и действия претендентов на протяжении Смуты имели не меньшее значение.*

И что же?

Князь Пронский, высокородный Рюрикович, — не заметен ни в большом добре, ни в большом зле. Смута как будто прошла мимо него, взрослого человека. Он вел себя пассивно.

Князь Черкасский показал себя скверным полководцем.

Но всё это маленькие грехи.

А вот князь Мстиславский открыл полякам ворота Кремля. Он возглавлял «Семибоярщину», и именно он привел Россию к униженному положению. Дать ему царское звание после всех этих «художеств» означало ни во что поставить святой подвиг земского ополчения. Первое время после изгнания поляков из Кремля князя Мстиславского могли просто прибить под горячую руку, а не на трон возвести...

Нет, этот аристократ, пусть и знатнейший, пусть и достойнейший по крови, явно не годился.

* * *

Нет смысла в подробностях рассказывать о «борьбе партий» на Соборе. Основные его события многое множество раз описаны в научной и популярной литературе. Для русского патриота важны два обстоятельства: почему царем избрали не Дмитрия Михайловича Пожарского? Какую позицию занимал он по отношению к юному избраннику, Михаилу Федоровичу Романову?

Ответ на первый вопрос ясен: у Пожарского имелось меньше всего шансов на избрание среди всех канди-

датов. Он всем им заметно уступал в знатности. Его стали бы терпеть в государях менее, чем терпели Бориса Годунова и Василия Шуйского. И какой из этого выход? Бросить дворян-ополченцев на уничтожение всех более знатных персон Московского царства? Порубить несколько десятков Рюриковичей, Гедиминовичей, а также выходцев из старомосковских боярских родов? Даже если бы у Дмитрия Михайловича возникла столь безумная мысль, войско бы не послушалось его приказа. А если бы нашелся отряд, готовый послужить своему воеводе, его

Князь Федор Иванович Мстиславский
(гравюра. Автор не известен)

скоро уничтожили бы казаки. По свидетельствам многочисленных источников, сила казачья в 1613 году абсолютно превосходила силу дворянства¹⁸, собравшегося в Москве, а боярство раскололось на «партии».

Конечно, Пожарский располагал войском. Конечно, имя его пользовалось доброй славой из конца в конец России. Конечно, из соображений почтительности его имя включили в список претендентов. И в 1634 году враждебный ему дворянин Ларион Сумин в запальчивости обвинил Дмитрия Михайловича, что он домогался царства и даже потратил на подкуп 20 000 рублей¹⁹. Как тут не заподозрить властолюбивых мечтаний у Дмитрия Михайловича?

Но твердого намерения «воцариться» у Пожарского явно не было. Тому же Сумину и тогда не поверили, и сейчас в его заявление верится с трудом. Сумма — фантастическая. Серебряная копеечка того времени весила приблизительно 0,5–0,6 грамма²⁰. Следовательно, 20 000 рублей представляли собой груды серебра общим весом в 1,0–1,2 тонны. На такие деньги можно было купить город с окрестными селами! Не особенно богатый Пожарский в условиях полного разорения страны, думается, не имел источников, из которых мог бы добыть даже вдесятеро меньшую сумму. Что ж, добрый друг Минин снабжал его серебром из земской казны? Еще менее правдоподобно. Во-первых, состояние земских финансов было в той же степени, что и Минину с Пожарским, открыто другому кандидату — князю Д.Т. Трубецкому. Во-вторых, армия всё это время получала жалование и «корм». Будь тогда израсходована такая сумма, служилые люди просто разбежались бы от Москвы: земским лидерам нечем стало бы им платить. Исчерпывающе точно высказался о Минине как о казначее Второго ополчения историк И.Е. Забелин: «Он ее (казну. — Д.В.) раздавал щедро, но разумно, ибо на ней держался весь... достолавный народный подвиг. Ни одного намека в летописях и в других актах о том, чтобы Минин обращался с этою казною нечестно. Ни одного летописного замечания о том, чтобы нижегородская рать была когда-либо оскорблена со стороны расходования казны, чтобы происходили в казне самовольные захваты со стороны начальников. Между тем,

летописцы никогда не молчат о таких делах, у кого бы они ни случились»²¹.

Наконец, есть и более весомое соображение. Биография Пожарского до 1613 года неплохо отражена источниками. Летописи, исторические «повести», а также разного рода документы позволяют составить подробный его портрет. Основные черты нравственного облика Дмитрия Михайловича, его психология, его интеллектуальные способности не позволяют допустить мысли о том, что он сознательно пробивал себе путь к трону.

Пожарский честолюбив — к тому толкает его родовая честь, столь сильная в знатных людях того времени. Но он ни в коей мере не авантюрист и не революционер. И, подавно, не глупец. Знал, что с его воцарением Смута продлится: не признают великие роды захудалого Рюриковича на престоле, когда вокруг полным-полно Рюриковичей нимало не захудалых. Знал, что может, восхотев трона, погубить страну, хотя недавно сделался ее спасителем. Знал, что борясь за старый порядок, немедленно пострадает после его возвращения. Так вот, старый порядок начал возвращаться, и этот общественный уклад не допускал восхождения на царство мелкого представителя Стародубских князей.

Наверное, если бы вся земля поклонилась Пожарскому и в едином порыве преподнесла ему царский венец, князь бы принял его. Но никакого «единого порыва» на Земском соборе не наблюдалось. Нет, вместо него — полное «раздрасие». И как бы ни одолевали Дмитрия Михайловича вспышки честолюбия, он всё же не захотел сделаться главой одной из партий, бешено, зубами грызущихся за власть, сыплющих деньгами направо и налево, интригующих за «голоса». Его уважили: назвали среди кандидатов. Странно было бы не уважить! Он, может быть, искал всеобщего одобрения и даже предпринимал какие-то попытки добиться его... Но весьма быстро понял, к каким губительным последствиям могут привести подобные действия.

Надо с радостью и почтением принять решение Дмитрия Михайловича — *смириться*. Ему не стать государем. Но этого ли ради он бил сумбуловцев под Пронском в 1610 году,

дрался на московских баррикадах в 1611-м, пил смертную чашу с Ходкевичем? По-божески, совершив положенное, князь должен был отойти. И он отошел. Не одолел его дух Смуты. Не победил его соблазн. Вот верное поведение для доброго христианина! И в будущем Пожарский никогда, ни единым словом или поступком не покажет своего сожаления об утраченных возможностях.

Он поступил правильно. Ради Христа и ради России так и нужно было поступить.

Как относился князь Пожарский к избранию Михаила Федоровича? Трудно сказать со всей определенностью, но, вероятнее всего, неодобрительно.

Для того он имел несколько серьезных причин.

Михаил Федорович связан с прежними царями-Рюриковичами, но не кровно. Сестра его деда, Анастасия Романовна, стала первой женой Ивана IV. Правда, сам дед, Никита Романович, женился на Евдокии Александровне Горбатой-Шуйской. Князья Горбатые-Шуйские являлись высокородными Рюриковичами, потомками великих князей из Суздальско-Нижегородского дома. Но всё же к истинным

Рюриковичам Романовы оказались в лучшем случае... прислонены. А для титулованных потомков Рюрика и Гедимины естественнее было бы покоряться монарху, теснее связанному с одним из великих царственных домов.

Михаила Федоровича выдвигала на престол партия со скверной репутацией. Среди московского боярства его сторонниками были И.Н. Романов — открытый пособник поляков, Б.М. Салтыков — племянник явного предателя Михаила Салтыкова, Федор Иванович Шереме-

тев — член «Семибоярщины», сдавшей полякам Москву, и князь Б.М. Лыков — давний враг Пожарского. Видимо, отчаявшись в собственном успехе, поддержали его и князья Черкасские. Между тем, один из них, И.Б. Черкасский, когда-то сражался с земскими ополченцами...

Они наладили связи с властями Троице-Сергиева монастыря, богатейшими купцами и казачеством. Троицкие власти предоставили сторонникам Михаила Федоровича свое московское подворье обители для совещаний. Купцы дали средства на ведение «предвыборной

кампании». Казачьи атаманы обеспечили военную силу, поддержавшую эту «партию». Казаки устраивали буйные выступления на подворье митрополита Крутицкого и в самом Кремле. Дошло даже до осады Трубецкого и Пожарского на их дворах! Именно казачье давление склонило чашу весов в пользу Михаила Федоровича. А что доброго видел князь Пожарский от казаков? Их буйство? Их корысть? Это была сила, много зла сделавшая России того времени, сила, социально чуждая Пожарскому с его дворянами-ополченцами, и, одновременно, сила, ловко использованная

Г.А. Афанасьев. Портрет боярина Дмитрия Михайловича Пожарского

старинным московским боярством при возведении на трон своего кандидата.

Наконец, Михаил Федорович не годился по малолетству. На соборных заседаниях вокруг имени его идут жестокие баталии — те «за», те «против» — а ему еще не исполнилось шестнадцати лет. Он не обладает никаким опытом управленческой или военной деятельности. К тому же более двух лет он не виделся с отцом — энергичным политиком, следовательно, не мог у него учиться. Пожарский отчетливо

понимал: пока царь не повзрослеет, державой будут вертеть либо казаки, либо монаршие родичи. А эти, последние, как уже говорилось, выглядели людьми сомнительных достоинств. На Соборе не раз поднимались разговоры о малолетстве претендента. Более того, ушлые интриганы откровенно говорили: «Молод и разумом еще не дошел и нам будет поваден».

Вероятнее всего, князь Пожарский видел мало доброго в перспективе отдать Россию такому государю. Он бы, не взойдя на престол сам, наверное, вручил бы его Голицыну или Воротыньскому, честно сопротивлявшемуся полякам и пострадавшему от них. Однако за ними не стояло столь мощной партии сторонников... До наших дней дошли косвенные свидетельства источников, согласно которым Дмитрий Михайлович стоял в оппозиции к группировке Романовых.

Но Пожарский, стоит повторить, *смирился*. Надо полагать, не только уступив насилию казачьему, коего никогда не боялся, и не только по соображениям православной нравственности.

Для него, по всей видимости, значимой была позиция Троице-Сергиевой обители, вставшей за юного претендента. К тому же Дмитрий Михайлович понимал: влиятельные Романовы, их многочисленная родня и сторонники (хотя бы из корыстных побуждений!) окажутся прочной опорой трону. Русский престол получит в их лице тьму защитников, прочим же аристократическим «партиям» будет рискованно пробовать царя Михаила Федоровича на прочность — так, как пробовали царя Василия Ивановича.

К этому обстоятельству следует присмотреться со вниманием.

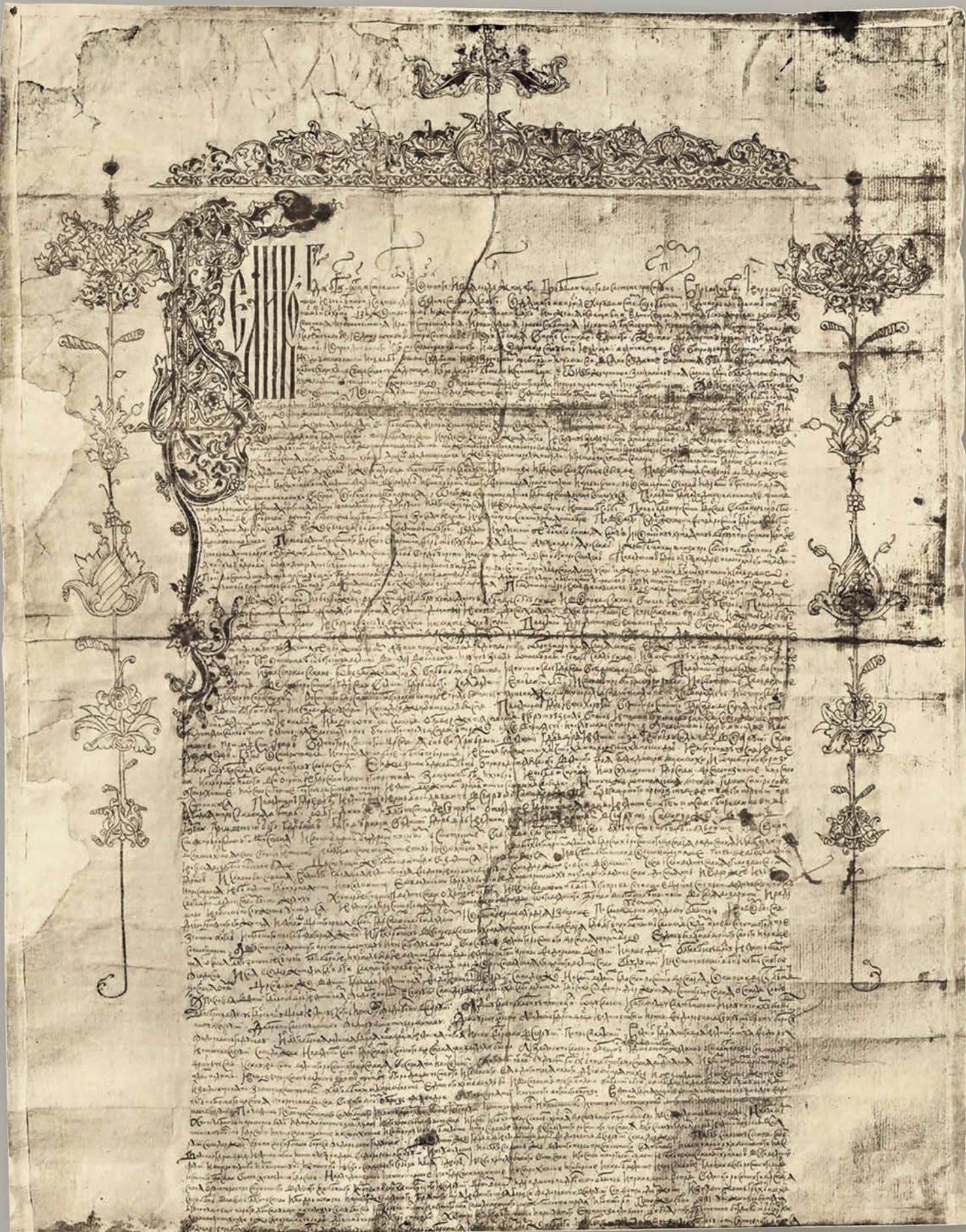
Что такое Романовы? Ветвь древнего боярского семейства Захарьиных-Юрьевых. В их жилах вовсе не текло царской крови. Они имели очень опосредованное отношение к роду Рюрика, совершенно никакого — к родам Гедимины и Чингисхана, пользовавшихся тогда в России большим авторитетом. Романовы всегда являлись слугами московских государей. Именно слугами, а не правителями. И вместе с ними роль таких же слуг, не имеющих царской крови в артериях и венах, играли многочисленные старинные рода московского боярства — Салты-

ковы, Сабуровы, Годуновы, Пушкины, Шереметевы, Шеины, Морозовы, Колычевы, Плещеевы, Вельяминовы, Бутурлины, Глебовы... Кто-то из них утратил прежнее величие — как, например, Колычевы, сильно пострадавшие от опричнины, или Сабуровы с Годуновыми, потерявшие державное значение с гибелью царя Федора II Годунова. Кто-то сохранял большое влияние при дворе и большое богатство. В данном случае важно другое: все эти рода и множество других, не столь именитых, составляли социально близкую Романовым среду. Все они могли бы сказать о Романовых: «Эти — *из наших*». Они-то, как видно, в нужный час собрали деньги для казаков, мобилизовали собственных бойцов, проявили дипломатические способности, договариваясь с Церковью, и нажали на недовольных, где надо... Князья боролись разрозненно, всяк за себя. Нетитулованная же знать выставила всего два рода на выборы, а когда Шереметевы решили поддержать Романовых, вся ее мощь сконцентрировалась в единой точке. Казаки стали орудием этой коалиции.

Наконец, Михаил Федорович, чистый от всех грехов Смуты, стоял намного выше столпов «Семибоярщины», «тушинских бояр» и откровенных слуг польской власти. А они составляли большинство среди выдвинутых кандидатур. К несчастью, большая часть аристократии русской вышла из Смуты замаранной... Михаил Федорович — нет.

Не мог Дмитрий Михайлович не чувствовать ответственности за страну, недавно избавленную им от власти захватчиков. Отказавшись от мысли о собственном восхождении на престол, князь должен был отдаться расчетам: кто на вершине власти будет наименее вреден для России? Оптимисты в подобном случае сказали бы: «наиболее полезен», но ведь из Смуты выросло невиданное количество людей-чудовищ, и некоторые из них с тяжелой страстью тянулись к царскому венцу...

Если объективно оценивать «обойму» претендентов, то Михаил Федорович — среди лучших. Не самый удачный, но, во всяком случае, хороший вариант. И Пожарский, очевидно, не стал откровенно сопротивляться его избранию, поскольку увидел: лучшие не «пройдут», а из тех, кто реально может взойти на престол, Ми-

1613 год, май. Утвержденная грамота Земского собора об избрании на царский престол Михаила Федоровича Романова (1-й лист. Фототипия с подлинника (РГАДА): www.rusarchives.ru)

хаил Федорович выглядит предпочтительнее других.

Отсутствие явного противодействия со стороны Пожарского, признание им, авторитетнейшим из земских воевод, соборного решения, делает его одним из создателей династии. Добрая уступка, сделанная Дмитрием Михайловичем, значила тогда исключительно много. Он держал в руках серьезную воинскую силу. Допустим, весьма затруднительно было бы использовать ее к личному воцарению. Но остановить неугодного претендента, персону, явно не подходящую для роли монарха, Пожарский, думается, мог. И не стал. Князь просто подписал соборную грамоту об избрании Михаила Федоровича на царство²².

Иногда бездействие — очень серьезный шаг.

Иногда отсутствие поступка — решительный, хорошо обдуманный поступок.

Имя Михаила Федоровича окончательно восторжествовало на соборных заседаниях 21 февраля 1613 года. Под сводами Успенского собора, главного для всей Русской земли, его нарекли государем.

Дальнейшее изложено в «Новом летописце»: «Он же [Михаил Федорович], благочестивый государь, того и в мыслях не имел и не хотел: был он в то время у себя в вотчине, того и не ведая, да Богу он угоден был... Власти же и бояре и все люди начали избирать из всех чинов [кого] послать бить челом к его матери, к великой государыне старице иноке Марфе Ивановне, чтобы всех православных христиан пожаловала, благословила бы сына своего, царя государя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси, на Московское государство и на все Российские царства, и у него, государя, милости просить, чтобы не презрел горьких слез православных христиан. И послали на Кострому из всех чинов рязанского архиепископа Феодорита и с ним многих властей черных, а из бояр Федора Ивановича Шереметева, и из всех чинов всяких людей многих. Они же пошли и пришли на Кострому, он же, государь, был в то время в Ипатцком монастыре»²³.

Надо заметить: Пожарский не поехал с посольством в Ипатьевский монастырь, но в его

поведении нельзя разглядеть признаков враждебности. Князь Д.Т. Трубецкой, другой вожь земцев, сильно переживал и даже на время слег. Но Дмитрий Михайлович просто не мог выехать из Москвы, откуда на нем висели многочисленные административные обязанности. Он продолжал свою работу, и никто из летописцев и духовных писателей того времени не отмечает в его действиях признаков огорчения или злобы.

Между выездом «посольских людей» к Михаилу Федоровичу и обрядом венчания на царство пройдет без малого четыре месяца. Кому-то полагалось всё это время заведовать колоссальным государственным хозяйством. Трудно сказать, в какой момент произошло формирование нового правительства, и Трубецкой с Пожарским передали новым людям бразды правления. 21 февраля монарх уже известен, но всё же от имени князей Д.Т. Трубецкого и Д.М. Пожарского на Белоозеро отправляется грамота об «испомещении» на землях тамошнего уезда дворян, пострадавших в годы Смуты²⁴. А 27 февраля по грамоте этих двух вождей земского движения решаются земельные вопросы в Угличском уезде²⁵. Даже в марте еще видно (по документам) особенное их управленческое положение при земском правительстве²⁶. Известна мартовская «отписка» (отчет) о получении из Шуи пушечных припасов, обращенная к Трубецкому с Пожарским²⁷. Значит, они еще продолжают работать как ведущие администраторы.

Когда «дуумвират» окончательно отошел от дел, определить трудно. Скорее всего, в марте. Апрельские 1613 года грамоты, уходящие из Москвы, составляются уже от имени боярской администрации — «Федорца Мстиславского с товарищи»²⁸. Но даже если Пожарский с Трубецким сложили полномочия в самом начале марта, им предстояла долгая сложная процедура передачи дел. Какое там посольство...

Сам молодой монарх и его мать инокиня Марфа долгое время сомневались, стоит ли принимать соборное решение. Работа государя после смерти Федора Годунова и предательской передачи Василия Шуйского полякам выглядела одной из опаснейших. Сумеют ли

земцы защитить Михаила Федоровича? Нет ли обмана и вероломства в их предложении? Но посольство уговорило обоих. Не напрасно светским его главой назначили боярина Федора Ивановича Шереметева: он происходил из той же общественной среды, что и Романовы, и принадлежал к такому же старомосковскому боярскому роду, как и они. Шереметевы приходились Романовым отдаленной родней: у обоих родов был один предок — московский боярин начала XV века Федор Андреевич Кошка. Инокня Марфа и ее сын могли рассчитывать:

Как показала русская история, выбор, сделанный в 1613 году «выборными» людьми, и уступка, совершенная лидерами земского ополчения, оказались правильными. Михаил Федорович оказался именно тем царем, фигура которого сплотила страну.

Во-первых, за ним стояла самая сильная аристократическая коалиция.

Во-вторых, его поддержала Церковь.

В-третьих, и главное, страна возрождалась из руин, из грязи, из пепелищ. Она начинала жить с чистого листа. И в такой ситуации луч-

А.В. Морозов. Въезд царя Михаила Федоровича в Москву. Хромолитография (фрагмент)

кровь-то одна, чай, не выдадут...

Романовы отправились в Москву. «Люди же Московского государства встретили его с хлебами, а власти и бояре встретили за городом с крестами. И пришел государь к Москве на свой царский престол в лето 7121 (1613) году после Великого дня в первое воскресенье на день Святых жен Мироносиц. На Москве же была радость великая, и пели молебны»²⁹.

11 июля состоялось венчание на царство, а вслед за ним начались большие торжества.

шим оказался тот царь, которого никто не имел оснований упрекнуть в неблагоприятных деяниях смутных лет. Михаил Федорович был чист. Чистота его внушала добрую надежду.

А сочетание политической силы и святой надежды — весьма прочное.

Примечания

1. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / предисл. С.А. Белокурова. М., 1906. С. 75–92. Всего названо

приблизительно 260–270 имен «выборных», т. е. участников Собора.

2. В целом ряде случаев один человек подписывался за целую группу «выборных» от какого-то города или области. В таких случаях численность всей группы выборных не указывается.

3. Акты земского собора 1612–1613 гг. // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 19. М., 1957. С. 189.

4. Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 129.

5. Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 214.

6. Акты земского собора 1612–1613 гг. // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 19. М., 1957. С. 189–190.

7. «Жеребеют» — определяют будущего царя с помощью жребия.

8. Повесть о земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 95.

9. Трудно судить, сколь достоверна казачья легенда о передаче скипетра государем Федором Ивановичем боярину Федору Никитичу Романову. Скорее всего, правды в ней мало. При Борисе Годунове Федор Никитич был пострижен в монахи с именем Филарет, позднее сделался архиереем, ездил с послами от «Семибоярщины» к Сигизмунду под Смоленск и остался у поляков в плену. Его сын, Михаил Федорович, родился до пострижения.

10. Повесть о земском соборе 1613 г. С. 96.

11. Станиславский А.Л., Морозов Б.Н. Повесть о земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5.

12. Акты Археографической экспедиции. Т. II. СПб., 1836. № 191, 192.

13. Там же. № 182.

14. Письмо князей Юрия и Дмитрия Трубецких к Яну Петру Сапеге // Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871. Приложения. № 41. Письмо представляет собой ответ на послание Сапеге.

15. Геркман Э. Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 255–256; Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000. С. 197; Новый летописец. С. 112.

16. Повесть о победах московского государства. М.: Наука, 1982. С. 73.

17. Иван Никитич Романов приходился дядей Михаилу Федоровичу Романову. Но Михаил Федорович был сыном старшего из братьев Никитичей — Федора, во иночестве Филарета, а Иван Никитич — пятым из сыновей Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, прародителя Романовых. И это по местническим счетам резко снижало уровень его знатности.

18. Многие дворяне всё же разъехались по домам, а казаков прибыло.

19. Забелин И.Е. Сыскное дело о ссоре межевых судей стольника князя Василия Большого Ромодановского и дворянина Лариона Сумина // Чтения в Обществе истории

и древностей Российских при Московском университете. Вып. 7. 1848. С. 85.

20. Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989. С. 131.

21. Забелин И.Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1999. С. 66.

22. Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Т. I. С. 637.

23. Новый летописец. С. 129.

24. «И мы осадных сидельцов за службы велели испоместить»: Жалованная грамота «Совета вся земли». 1613 г. // Исторический архив. № 6. 1993. С. 193–195.

25. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 1998. Т. 2, № 399.

26. Дворцовые Разряды. 1612–1628. Т. 1. СПб., 1850. С. 1083.

27. Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Приложение № 5.

28. Дворцовые Разряды. 1612–1628. Т. 1. С. 1103.

29. Новый летописец. С. 131.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСЕЙ РОМАНОВ В ИРКУТСКЕ

Великий князь Алексей Александрович Романов

Тамара Крючкова

21 февраля 1613 года Великий Земский собор единодушно избрал на российский престол боярина Михаила Федоровича Романова, близкого по крови к угасшему царственному роду Рюриковичей. С того времени прошло 400 лет. Для нас, сибиряков, период царствования династии Романовых, которая управляла Россией 304 года, имеет особое значение. Именно в это время активно осваивалась огромная территория Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки, позволившая стать России могущественной империей.

Неоднократно иркутяне принимали у себя высокопоставленных гостей — августейших особ из Дома Романовых. Первым, ровно 140 лет назад, посетил столицу Восточной Сибири Великий князь Алексей Александрович Романов (1850–1908) — четвертый сын императора Александра II и императрицы Марии

Александровны. В 1871 году он был назначен старшим офицером на фрегат «Светлана», на котором совершил плавание в Северную Америку. На обратном пути посетил Китай, Японию и 5 декабря 1872 года прибыл во Владивосток. Отсюда сухим путем через всю территорию Сибири Великий князь возвращался в Санкт-Петербург.

Для встречи высокопоставленного гостя генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Петрович Синельников (1805–1894) выехал в Посольск. Великий князь со своей свитой, в которую входили вице-адмирал Константин Николаевич Посьет, флигель-адъютант Великого князя капитан I ранга барон Н.Г. Шиллинг, флаг-офицер лейтенант К.И. Тудер, член Совета Главного управления по делам печати Ф.Ф. Веселаго, преподаватель английского языка и переводчик Е. Мечин, гвардии конной артиллерии поручик граф А. Олсуфьев и состоявший при Великом князе лейб-гвардии гусарского Его Величества полка корнет граф П. Шувалов¹, в дорожных экипажах вечером 11 июня прибыли в Посольский монастырь. Братия монастыря, окропив приехавших святой водой, в Спасо-Преображенском храме отслужила молебен о благополучном путешествии. Совершался молебен в сопровождении певчих Архиерейского хора под руководством священника Иоанна Громова, специально прибывших из Иркутска. Переночевав в монастырской гостинице, на следующий день в 7 часов утра царственный гость и все сопровождающие его лица погрузились на пароход «Генерал Кар-

Вид на допожарный Иркутск со стороны Глазковского предместья

саков» и по зеркальной глади Байкала поплыли к истоку Ангары. А в монастыре в это время при колокольном звоне служили Божественную литургию и молебен о здравии Его Императорского Величества².

В Иркутск гости прибыли 12 июня 1873 г. в 19 1/2 часов. При звоне всех церквей города Великий князь, сопровождаемый генерал-губернатором, подъехал в коляске к Богоявленскому кафедральному собору. Здесь его встречало иркутское духовенство, облаченное в блестящие белые ризы, во главе с преосвященным Марти-

фамильцем августейшего гостя. Так как «Иркутская летопись 1857–1880 г.», написанная им и опубликованная в 1914 г., в настоящее время является библиографической редкостью, т. е. труднодоступна современному читателю, приводим это описание почти полностью:

«13 июня, в 10 ч. утра, Его Высочеству представлялись депутаты городского общества, чиновники всех частей, управлений и почетное духовенство. Преосвященный Мартиниан поднес Великому князю отчеты о духовных миссиях, а протоиерей Прокопий Громов книгу

Резиденция генерал-губернатора Восточной Сибири (Белый дом)

нианом (Муратовским)³, который поднес гостю икону святителя Иннокентия. Далее кортеж направился к резиденции генерал-губернатора на набережной Ангары, известному в Иркутске Белому дому, где Алексею Александровичу и членам свиты были отведены квартиры.

Все события, происходящие в Иркутске в связи с приездом высокопоставленного представителя Дома Романовых, довольно обстоятельно описаны иркутским летописцем Нитом Степановичем Романовым (1871–1942), одно-

своего труда «Начало христианства в Иркутске и св. Иннокентий 1-й еписк. Иркутский»⁴. От городского общества были поднесены хлеб-соль на блюде, сделанном в Иркутске из сибирского золота.

В 12 1/2 дня Его Высочество посетил золотоплавочную лабораторию, при нем было раскупорено, взвешено, засыпано и поставлено в плавильную печь посредством вновь устроенных механических приспособлений, — золото, доставленное с приисков Бутина⁵. Потом была

произведена операция испытания золота. Е[го] В[ысочество] со вниманием слушал объяснения. Осмотрел весы Эртлюга, на которых производится навеска золота из проб, а также осмотрел искрогасительный снаряд, трубы золото-сплавочной печи. Присутствовал на операции промывки шлаков, полученных от сплава шлихового золота. Причем Е.В. были показаны новые графитовые тигли, сделанные в Иркутске из графита, добытого на Боготольском гольце Иркутского округа.

В 2 1/2 часа посетил Общественную реаль-

ную модель Якутского острога из мамонтовой кости инородческой работы, мозаичные изделия г. Сецинского, модели ленских паузков и барок и типографские работы г. Синицына¹¹, который поднес Е.В. план г. Иркутска своей работы.

Председатель Сиб. Отд. Русск. Технич. О-ва Б.Л. Милютин при передаче адреса и трудов отделения объяснил причины столь ничтожного развития технического дела в В[осточной] С[ибирь], указывая как на главные из них на отсутствие гарантии капитала и на неимение местного технического училища, и просил Е.В.

Институт благородных девиц

ную прогимназию, инспектор которой г. Нейман⁶ прочел отчет семилетней деятельности вверенного ему заведения.

После чего Его Высочество осмотрел богатую коллекцию местных птиц и музей прогимназии, образцы местных произведений сукна, стекла и кожаных изделий Тельминской фабрики, фарфоровую посуду г. Перевалова⁷ и фаянсовую Тальцинской фабрики, образцы глауберовой соли, соды и серы г. Понтович, керосин, добываемый г. Уяздовским, графитовые тигли г. Шамарина⁸, картины г. Вронского⁹, фотографические работы г. Мальмберга¹⁰,

принять на себя звание почетного покровителя отдела и попечителя технического училища. После Милютина ген.-губ. присоединил свои просьбы на счет скорейшего утверждения технического училища, столь необходимого для края¹².

Е.В. посетил институт благородных девиц, женскую гимназию, детский сад, классическую гимназию. Вечером народный спектакль в городском театре.

14 июня Е.В. посетил некоторые учебные заведения и между прочим Духовную семинарию, где осматривал в библиотеке древние кни-

Собор Вознесенского монастыря

ги и рукописи, принадлежащие св. Иннокентию, и присутствовал на уроке монгольского языка. Принял от ректора¹³ его исследование о проповедничестве св. Иннокентия и от наставника монгольского языка преп. Орлова¹⁴ — рукопись молитвы на маньчжурском языке. Посетил Сиропитательный дом, военную прогимназию, Александринский приют, Музей геогр. Общества.

Вечером бал в зале благородного собрания, открытый Е.В. полонезом с г-жею Смирновой, супругой окружного интенданта, Е.В. принял участие в пяти кадрилих. После танцев был сервирован ужин. В иллюминированном саду

Посетил все квартирующие в Иркутске войска и осмотрел их помещения.

Вечером гуляние в прекрасном, новоустроенном саду. В театре сада, устроенном в этом году, Его В. присутствовал на первом представлении. Посетил вокзал сада и принимал участие в танцах.

16 июня Е.В. снимался в фотографии Мальмберга, в 12 ч. д. еще раз посетил институт девиц В.С., где гулял с воспитанницами в саду, присутствовал при их завтраке. Слушал игру на рояле одной воспитанницы и русские песни, петье хором. Обещал послать всем свои карточки, что и исполнил.

Знаменский женский монастырь

собрания происходило народное гуляние. Особый эффект производил самолет Ангары, огни которого отражались на поверхности воды. Публика все время окружала террасу собрания, желая увидеть дорогого гостя.

15-го Е.В. посетил учительскую семинарию, училище девиц духовного звания и женский Знаменский монастырь. В женском училище одна из воспитанниц, внучка митрополита Иннокентия, поднесла Е.В. подушку, изящно вышитую разноцветными шерстями. Посетил острог, где находилось 945 человек, осмотрел почти все камеры, больницу, женское отделение.

Вечер провел у губернатора К.Н. Шелашникова¹⁵.

17-го, в 10 ч. утра, выехал из Иркутска, в Вознесенском монастыре отстоял литургию и молебен о благополучном путешествии. Посетил в Тихвинской церкви склеп, где первоначально покоились мощи угодника Божия, осмотрел гроб, в котором 23 года находились св. мощи, а также осмотрел и его ризы, клобук, панагию и митру. При поклонении мощам поднесена была Е.В. икона Св. Иннокентия. В покоях настоятеля городское общество устроило отъезжающему завтрак, после которого в

монастырском саду Е. В. пил кофе и простился со всеми. При звоне монастырских колоколов Е. В. сел в экипаж с ген.-губ. и уехал. Народ во множестве провожал Августейшего гостя единомудушным и продолжительным «ура».

Со времени покорения В. С. под Русское владычество это первое посещение края Августейшим гостем»¹⁶.

Обратим ваше внимание, дорогой читатель, что Великий князь, проведенный в Иркутске 7 дней, дважды посетил Институт благородных девиц. Мы предполагаем, что это связано с поручением его матери, императрицы Марии Александровны (1824–1880). Она родилась в семье великого герцога Гессенского Людовика II и звалась в девичестве Максимилианой-Вильгельминой-Августой-Софией-Марией. Великий князь Александр Николаевич — будущий император Александр II, путешествуя по Западной Европе в 1838–1839 годах, влюбился в четырнадцатилетнюю принцессу и сделал ей предложение. Летом 1840 года она прибыла в Россию, приняв в сентябре того же года православие и новое имя — Мария Александровна. 16 апреля 1841 года состоялось их венчание, принцесса получила титул Великой княгини, а после восшествия супруга на российский престол (2 марта 1855) стала императрицей. В 1857 году император Александр II в честь супруги переименовал село Кийское в город Мариинск (ныне Кемеровская область).

Мария Александровна активно занималась благотворительностью и заботилась о женском образовании. По ее инициативе было учреждено большое число женских епархиальных училищ, произошли изменения в постановке воспитания в институтах. В области благотвори-

тельности важнейшей ее заслугой является организация Красного Креста, на расширение деятельности которого во время Русско-турецкой войны она положила много труда и расходов. Ее покровительству обязано своим развитием Российское миссионерское общество. Она также курировала деятельность Общества заботы о слепых и другие благотворительные учреждения.

Императрица Мария Александровна была знакома с Анной Петровной Быковой, начальницей Девичьего института Восточной Сибири. Анна Петровна была выпускницей Смольного Института в Санкт-Петербурге, затем долгое время работала там классной дамой и была направлена в Иркутск, чтобы занять освободившуюся должность начальницы Девичьего института. Время управления ею институтом (1858–1877) называют золотым периодом в истории учебного заведения, о чем свидетельствует тот факт, что вышедшие при ней по окончании курса воспитанницы стали начальницами и руководительницами

почти всех местных женских учебных заведений¹⁷. Дело об увольнении А. П. Быковой по состоянию здоровья от должности решалось с участием императрицы. Она прислала в Иркутск «Высочайший рескрипт» по этому поводу, опубликованный в «Иркутских епархиальных ведомостях»:

«Анна Петровна! С полным самоотвержением вы посвятили многотрудному делу воспитания детей лучшие годы вашей жизни и из них девятнадцать лет исключительно Иркутскому девичьему институту. Благодаря вашей неутомимой деятельности и педагогической опытности, этот рассадник женского образо-

Портрет императрицы Марии Александровны

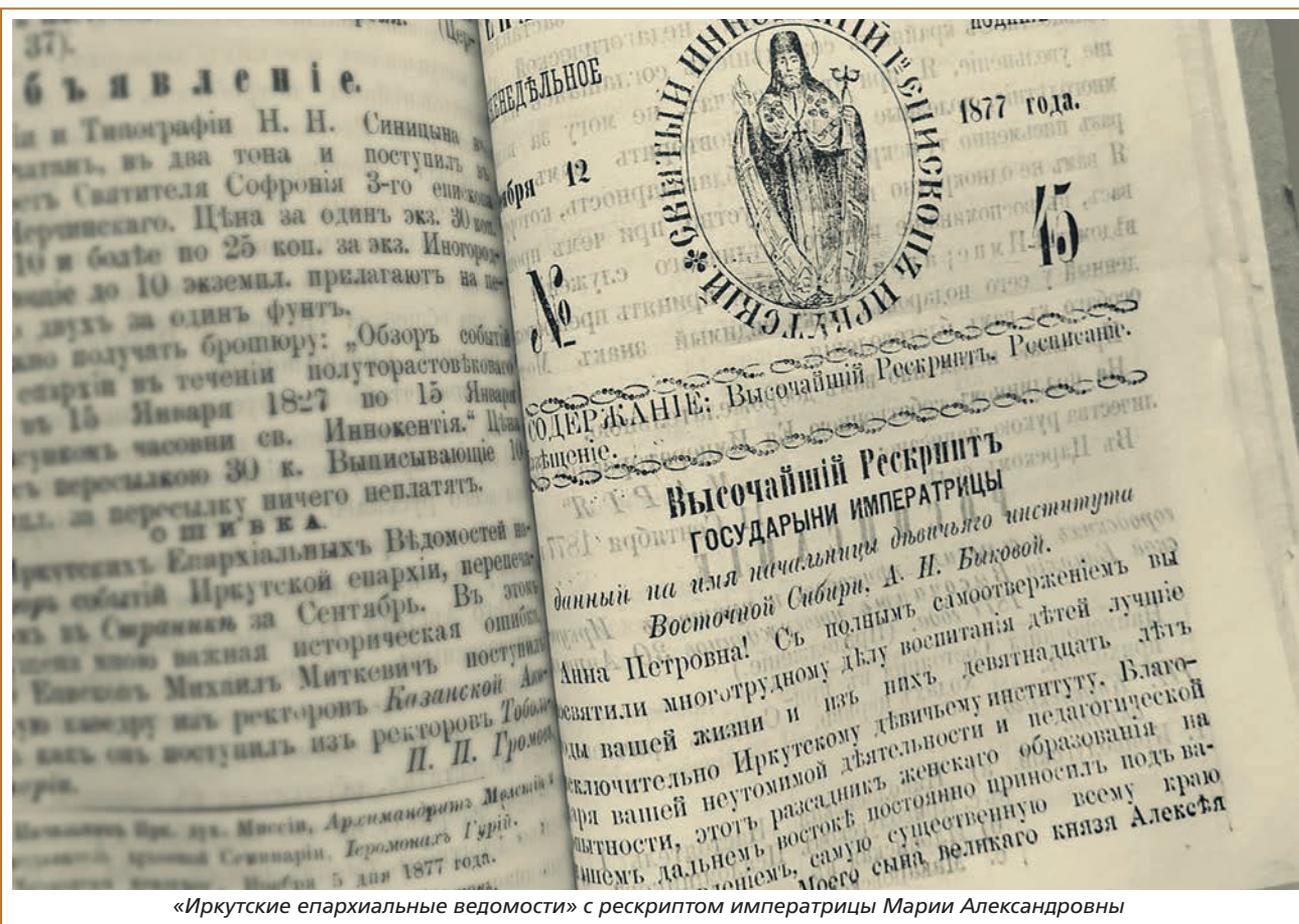
вания на нашем Дальнем Востоке постоянно приносил под вашим управлением самую существенную всему краю пользу. По отзыву моего сына, Великого князя Алексея Александровича, посетившего в 1873 г. Восточную Сибирь, большая часть образованных женщин, которых ему приходилось там встречать, почти все обязаны своим воспитанием Иркутскому институту и вашим материнским о них заботам и попечениям. Ныне расстроенное ваше здоровье

Пребываю неизменно вам доброжелательною.

На подлинном собственноручною Ея Императорского Величества рукою написано: «Мария»

В Царском селе 11 сентября 1877 г.»¹⁸

Из данного рескрипта видно, что Великий князь Алексей Александрович, вернувшись в С-Петербург, рассказал матери о пребывании в Иркутске. Прием в столице Восточной Сибири

«Иркутские епархиальные ведомости» с рескриптом императрицы Марии Александровны

заставляет вас отказаться от дальнейшей педагогической деятельности. С крайним сожалением соглашаясь на ваше увольнение, я, при этом случае, не могу за ваши многолетние, полезные труды не повторить вам еще раз письменно ту искреннюю благодарность, которую я вам неоднократно выражала устно, при чем прошу вас, в воспоминание вашего отличного служения в ведомстве Императрицы Марии, принять препровожденный у сего подарок, как видимый знак моего особого к вам благоволения.

оставил у него хорошие впечатления. 16 сентября 1873 года генерал-губернатор Н.П. Синельников получил через вице-адмирала Посьета от Его Высочества благодарность за живейшее радушие, за всевозможные удобства и заботливость о спокойствии, каковыми он был встречен в Восточной Сибири, с приложением фотографического портрета в бронзовой раме с собственноручной надписью Великого князя¹⁹.

Иркутяне долго помнили приезд Великого князя. Иркутский купец, потомственный

почетный гражданин Иван Степанович Хаминнов (1817–1884), в ознаменование пребывания Алексея Александровича в Иркутске, учредил семь стипендий в местных учебных заведениях, за что 20 октября 1873 года получил от Его Высочества бриллиантовый перстень с именным вензелем²⁰.

12 июня 1874 года в воспоминание годовщины посещения Великим князем Алексеем Александровичем Иркутска, в городском саду было бесплатное народное гуляние, с 6 часов дня играла музыка и пел хор песенников. Жители города иллюминировали свои дома и украсили их флагами и вензелями. 13 июня в Техническом училище в честь этого события был отслужен благодарственный молебен. Попечитель училища Ф.К. Трапезников пригласил всех присутствующих к себе на завтрак. Великому князю была послана приветственная телеграмма. Училище было великолепно украшено флагами, а вечером блестяще иллюминировано²¹.

В следующем номере «Иркутского Кремля» мы продолжим повествование о посещении г. Иркутска представителями Дома Романовых. Наш рассказ будет посвящен приезду в Иркутск в 1891 году Цесаревича и Великого князя, будущего императора Николая II.

Примечания

1. Иркутская летопись. 1661–1940 гг. / сост., авт. предисл. и примеч. Ю.П. Колмаков. Иркутск, 2003. С. 73.
2. И.М. [Иеромонах Мелетий]. Встреча Его Императорского Высочества, Великого князя Алексея Александровича на Анинской станции в Посольском монастыре // Иркутские епархиальные ведомости. 1873. № 31. С. 292–296.
3. За полгода до приезда Великого князя Алексея Александровича, 21 января 1873 года, скончался архиепископ Иркутский и Нерчинский Парфений (Попов), и в это время временно возглавлял Иркутскую епархию викарный епископ Мартиниан (в миру Михаил Семенович Муратовский, 1820–1898).
4. Громов Прокопий Васильевич (1801–1880), протоиерей Иркутского кафедрального Богоявленского собора, церковный историк, автор множества публикаций по истории Иркутской епархии.
5. Бутин Михаил Дмитриевич (1836–1907), купец-золотопромышленник, общественный деятель, меценат.
6. Нейман Карл Карлович (?–1887), доктор естественных наук, член Сибирского отдела ВСОИРГО, инспектор Общественной реальной прогимназии.

7. Имеются в виду изделия «Фарфоро-фаянсовой фабрики торгового дома Переваловых», основанной в 1869 году крестьянами села Узкий Луг, братьями Филиппом и Даниилом Переваловыми. В 1878 году дело возглавил Иван Данилович Перевалов (?–1907).

8. Шамарин А.А., член Сибирского отдела ВСОИРГО, специалист по минералогии и геологии.

9. Вронский Станислав Евгеньевич (1840–1898), польский живописец, ссыльный, живший на поселении в Иркутске. Его картины хранятся в Иркутском областном художественном музее.

10. Мальберг И.Д., купец 2-й гильдии, имел в 1870-е годы фотоателье в Иркутске.

11. Синицын Никифор Никифорович (1827–1897), иркутский мещанин, владелец первой частной типографии в Иркутске, церковный староста Иркутской Михаило-Архангельской (Харлампиевской) церкви.

12. 19 августа. Согласно утвержденному уставу Иркутского технического училища, реальная прогимназия реорганизована в училище с шестилетним сроком обучения плюс один год приготовительного класса (Иркутская летопись. 1661–1940 гг. С. 73).

13. Архимандрит Модест (в миру Даниил Константинович Стрельбицкий, 1823–1902), настоятель Иркутского Вознесенского монастыря, ректор Иркутской духовной семинарии, церковный историк, автор книги «О проповедничестве Св. Иннокентия, первого иркутского епископа и чудотворца». Иркутск, 1873.

14. Орлов Александр Матвеевич (1815–1889), протоиерей домовою Александровской церкви при Девичьем институте Восточной Сибири, преподаватель монголо-бурятского языка в Иркутской духовной семинарии.

15. Шелашников Константин Николаевич, иркутский губернатор с 1864 по 1880 год, генерал-лейтенант.

16. Романов Н.С. Иркутская летопись 1857–1880 г. (Продолжение «Летописи» П.И. Пежемского и В.А. Кротова). Иркутск, 1914. С. 294–297.

17. Пихтина Л.С. Педагоги Иркутского Девичьего Института: судьбы, вклад в образование города и формирование женской интеллигенции // История и археология: материалы междунар. заоч. науч. конф. (Санкт-Петербург, ноябрь 2012). СПб., 2012. С. 48–52.

18. Высочайший рескрипт Государыни Императрицы, данный на имя начальницы Девичьего института Восточной Сибири А.П. Быковой // ИЕВ. 1877. № 45. С. 211–212.

19. Романов Н.С. Иркутская летопись 1857–1880 г. (Продолжение «Летописи» П.И. Пежемского и В.А. Кротова). С.302.

20. Там же. С. 306.

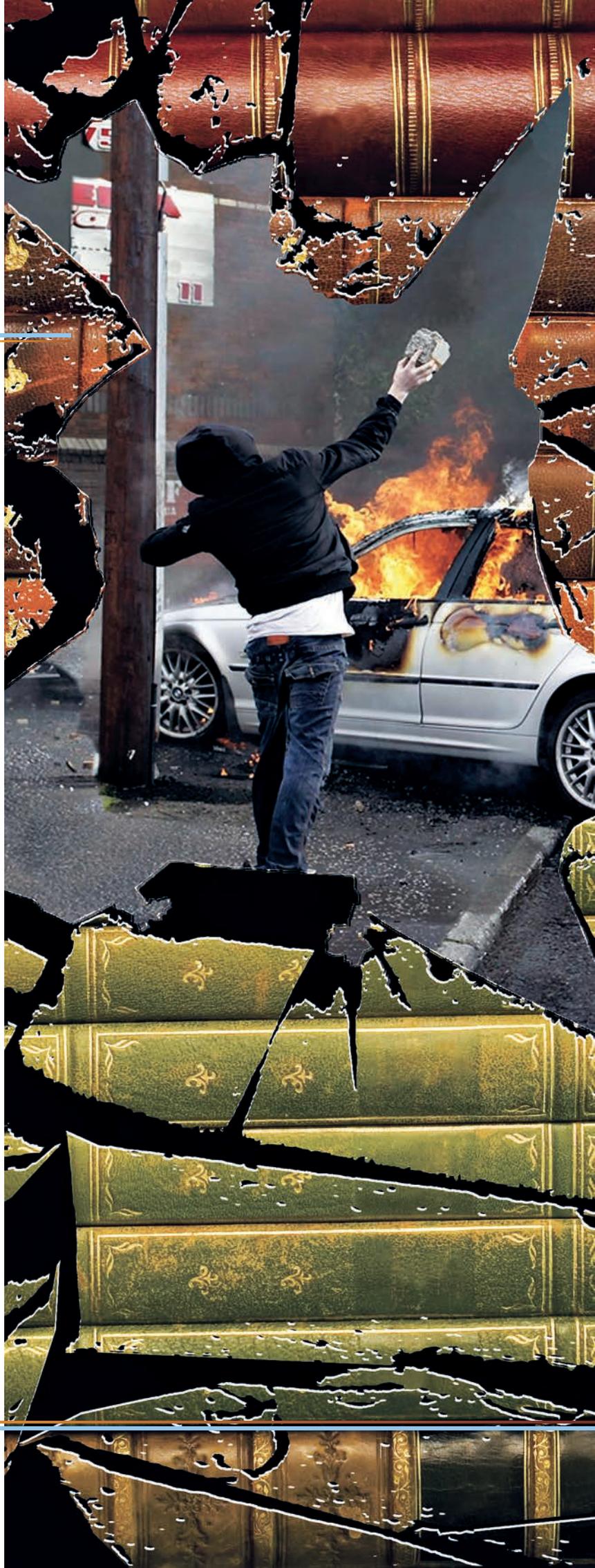
21. Там же. С. 314.

- **ДУХОВНЫЙ ГЕНОЦИД**
О современных школьных
программах по русской
литературе

Всеволод Троицкий

Народное
Вече

ДУХОВНЫЙ ГЕНОЦИД

О современных школьных программах по русской литературе

Фото из архива издательства. 2008 г.

Всеволод Троицкий

Новые программы общего (полного) среднего образования по русскому языку и литературе, утвержденные печально известной РАО, опубликованы [1]. Они убедительно отражают реальный смысл этого спущенного с вредоносных министерских высот официального издания, которое молва нарекла «стандартом совмещенного филузла» [2]. **Из программы изъяты некогда достойно представленные в подобных документах И.А. Крылов, А.Н. Радищев, В.А. Жуковский, А.С. Грибоедов, Н.В. Гоголь, поэты пушкинской поры, в том числе Е.А. Боратынский, К.Ф. Рылеев, А.В. Кольцов, И.С. Никитин, кроме того, А.К. Толстой, А.Н. Майков, Н.С. Лесков, а также И.С. Шмелёв, В.И. Белов, К.М. Симонов, М.В. Исаковский, Н.М. Рубцов.** Смысл этого документа соответствует направлению кем-то санкционируемого «сверху» системного разрушения отечественного образования от Днепрова, Асмолова и Леонтьевой до Фурсенко, Кузьминова и Калины. Однако «уровень варварства» составителей новой программы значительней, чем в подобных предшествующих циркулярах-рекомендациях. Сверхзадача последнего документа прозрачна: он приближает филологические знания современного ученика (и без того уже не соответствующие задачам школы в России) к уровню, при котором у школьника не может сложиться должного представления о самых значительных явлениях русской словесности в историческом развитии, в основополагающих национальных устремлениях к человечности и любви, в соцветье важнейших ее идеалов, патриотизма, пафоса созидания, уважения к труду, стремления к Истине, добру, справедливости и вере в окончательную победу добра. Об этом главном содержании русской литературы

многократно говорили известные ее исследователи, глубоко знавшие и умевшие ценить искусство слова. «Русская литература, — писал видный русский учёный С.А. Венгеров, — всегда была одной из тех святынь, в общении с которой человек становится чище и лучше... всегда была кафедрой, с которой раздавалось учительное слово <...>. «Русская литература — центральное проявление русского духа, фокус, в котором сошлись качества русского ума и сердца...» [3] Всесторонний анализ упомянутых Программ имел бы смысл, если бы их содержание было на должном профессиональном уровне. Но уровень этого документа в целом чрезвычайно низок.

* * *

Мы не ставим своей задачей детальное рассмотрение многочисленных изъянов, заложенных в этом позорном документе. Приглядимся лишь к одной его стороне: к списку авторов и произведений, допущенных для изучения в старших классах средней школы. Во время невежественного и воистину вражеского изъятия художественных текстов, предназначенных для изучения в школах России, такой подход очень важен. Названный список, включающий писателей XIX–XXI веков, вопреки традиционной «подаче» авторов по мере их историко-литературного изучения, дан в алфавитном порядке. Заметим, что более целесообразно представить его, как это делалось ранее, по этапам изучения в историко-литературном контексте. Напомним, что в средней школе согласно научно-методическим принципам изучается не литература вообще, а отечественная классика, произведения, представляющие непреходящую духовно-эстетическую и художественную ценность, соответствующие благодатным традициям нашей школы. Ибо только «истинное поэтическое произведение может стать таким откровением, какого не достигнет строго размышляющая философия или наука» (А.Л. Чижевский). Значение классики для человека признают и западные деятели образования, живущие в странах, «одержимых» пропагандируемой в политических целях «массовой культурой». В XX веке верховный советник по делам образования США Морис Стерлинг писал: «Сила нации заложена в ее искусстве, музыке и литературе в такой же степени, как в ее физике и электронике. Тот, кто полагает, что великая поэзия или знание классической литературы не являются существенными не только для качества, но и для жизнеспособности нации и

ее культуры, пренебрегает уроками прошлого» [4]. Классика — это, говоря словами И.А. Ильина, не отвлеченное понятие, а живой строй, развернутый в произведении искусства, в целостном виде отражающий «выношенное художником Главное сказуемое им содержание» [5]. В классическом произведении нет «случайного»; в нем каждая деталь, каждое слово художественно оправданы и значимы... Классика незаменима как непереносимая составляющая часть материала, необходимого для полноценного образования. Но необыкновенное богатство русской классической литературы ставит перед составителем школьных программ проблему выбора. От правильности этого выбора зависит, будет ли иметь будущий гражданин России необходимое представление о наиболее важных явлениях отечественной культуры, обеспечивающее становление полноценной личности, «гражданского общества» и понятие о «связующей» русской культуре в целом. Значение такого выбора усугубляется полной разнузданностью, а нередко махровой пошлостью и цинизмом большинства СМИ, многие программы которых в сущности своей никак не способствуют повышению культуры в России. Не то было в XX веке, когда по всем радиостанциям ежедневно звучала настоящая музыка, русская и западноевропейская классика, музыка народов России, пелись хорошие народные песни и песни, созданные композиторами, а не музыкальные поделки «своей» и западной «массовой культуры». Нередко великие артисты (В.И. Качалов, И.М. Москвин, И.В. Ильинский и др.) читали по радио классические произведения и отрывки из них. Регулярно можно было слушать литературную классику в исполнении мастеров сцены (известный цикл «Театр у микрофона») и т. п. Московским школьникам (чему я свидетель) были доступны все театры, в которых не допускались уродливые издевательства режиссеров над творчеством драма-

тургов и не ставилось основной задачей чем угодно привлечь публику, чтобы «заработать». Главной целью было истинное сценическое творчество. В созданной ныне в России «новой» культурно-образовательной среде молодой человек, не приобретя в школе представления о чем-то незаменимо важном, скорее всего останется обделенным на всю жизнь, главное же — не получит должного доброго «заряда» вовремя. Это не просто плохо. Это преступно [6]. И акции, содействующие этому, должны быть наказуемы. Ибо лишать русскую молодежь необходимой духовной пищи сознательно (а так оно и есть!), морить ее духовным голодом может только враг русского народа. Это духовный геноцид в чистом

«Мы, — говорилось там о России, — незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти ценности поверить... Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного необратимого угасания его самосознания».

виде. Праведная власть должна привлечь за это к суду! Не мне разбираться, кто лично несет ответственность за подлое дело умопогашения. Но отвечать за духовный геноцид народа рано или поздно придется... Этот духовный геноцид был запрограммирован еще документом середины XX века, связываемым с именем Алена Даллеса, одного из зачинателей информационно-психологической войны с Россией. В нем были прописаны задачи, вполне соответствующие нынешним действиям разрушителей полноценной школы, старательно умаляющих возможность школьного влияния русской классической литературы на молодежь. «Мы, — говорилось там о России, — незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти ценности поверить... Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного необратимого угасания его самосознания». Даллес планировал затем вытравить из литературы и искусства социальную сущность, узаконить массовую культуру, которая «будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства... насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма,

предательства». Он намечал изменение шкалы ценностей: «Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость (как не вспомнить «афоризм» г-на Чубайса «Побольше наглости!» — В.Т.), ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, шовинизм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу: все это мы будем ловко и незаметно культивировать... И лишь немногие, очень немногие будут догадываться и понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище. Найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества» [7]. Этот документ нашел свое «развитие» в XXI веке в программе «Преображение человека» Уиллиса Хармона [8]. Программу эту приняло правительство США. Цель этой программы — незаметно добиться изменения образа мыслей и представлений широких народных масс, в направлении сдерживания развития свободной мысли и сознания в целом. Она имеет скрытой задачей ослабить существующие в народе устои, природный здравый смысл, притупить память к прежнему жизненному опыту, привести общество в состояние умственной и эмоциональной нестабильности и раздора. А в такой атмосфере подготовить условия для выведения масс из состояния нормальной жизнедеятельности и сделать их послушно «рассуждающими по указке сверху». «Манипуляторы сознанием» стремятся не только снизить уровень интеллектуального состояния масс, но добиться шизофренизации мышления людей, обладающих обыденным сознанием, и т. д. И все это — фашизм в духовной сфере. Политика умопогашения, — свидетельствует Драгош Калаич, — поддерживается и «программой уничтожения классической европейской системы воспитания и образования», суть которой в том, что она «прямо или косвенно уничтожает во всем мире классическую, дифференцированную и «вертикальную» систему образования, навязывая вместо нее единообразную «горизонтальную» в соответствии с программой формирования одноликого человечества, «серой расы» [9]. Процесс дегуманитаризации, уже вполне осуществляемый на Западе, сегодня, как видим,

активно проводится и разрушителями отечественной системы образования. Кстати, небезполезно вспомнить, что «по всей Америке, от Принстона до Станфорда, осуществляется последовательное изгнание величайших произведений мировой мысли из учебных программ. Гении европейской культуры Платон и Аристотель, Данте, Шекспир и Достоевский объявлены «политически некорректными» авторами, столпами «европоцентризма», «белого расизма», «сексизма» и «элитарности» [10]. Не надо доказывать, что изгнание из программ осознанных человечеством гениев — преступление.

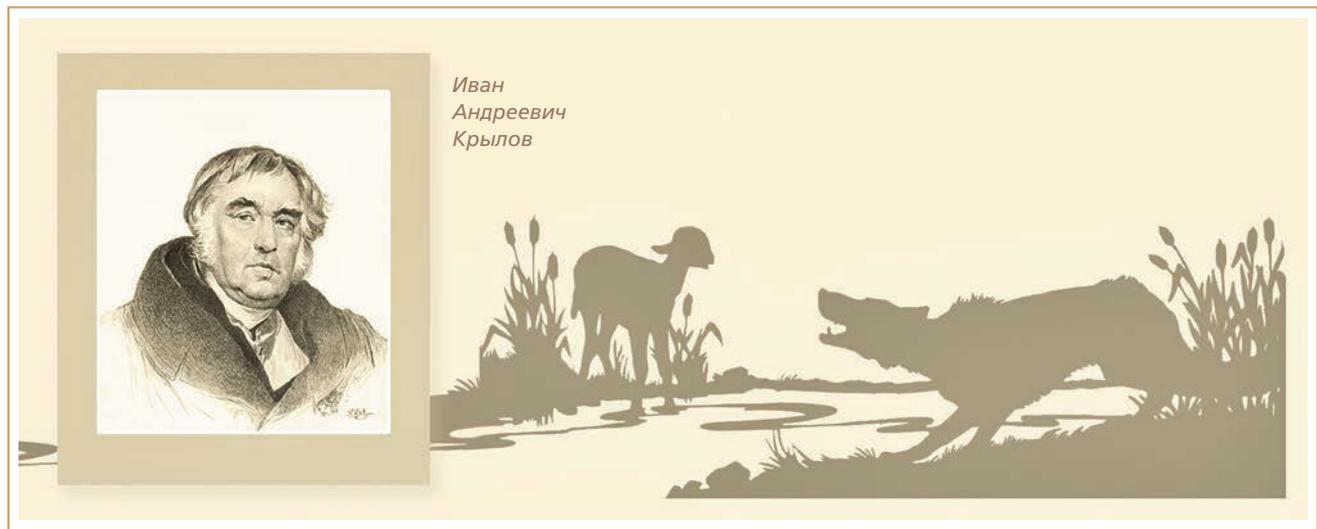
* * *

Рассмотрим содержание подобного преступления, запечатленное в упомянутых нами «Примерных программах...» и постараемся показать, что оно значит. Итак, **из школьной программы изъяты** некогда достойно представленные в подобных документах **И.А. Крылов, А.Н. Радищев, В.А. Жуковский, А.С. Грибоедов, Н.В. Гоголь, поэты пушкинской поры, в том числе Е.А. Боратынский, К.Ф. Рылеев, А.В. Кольцов, И.С. Никитин, кроме того, А.К. Толстой, А.Н. Майков, Н.С. Лесков, а также И.С. Шмелёв, В.И. Белов, К.М. Симонов, М.В. Исаковский, Н.М. Рубцов и другие, весьма значимые русские писатели и поэты. Творчество некоторых из мировых гениев, например, Л.Н. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.Н. Островского представлено (у каждого) единственным произведением.** В списке подобранных книг, оставленных для изучения писателей-классиков, произведены «чистки» и тенденциозные подмены (мы далее коротко скажем о них, как и о неподходящих к задачам школьной программы авторах, которых искусственно втащили в корпус рассматриваемого документа). Во всем этом педагогическая «полиция мысли», враждебная русской культуре, достаточно ясно обнаружила свою разрушительную целенаправленность и нечистоплотность. Итак, по порядку. Из программы удален **И.А. Крылов**. Случайно? Нет. Ведь этот художник первой величины, сыгравший огромную роль в становлении национально-исторического, нравственного и эстетического сознания отечественной литературы, безусловно, необходим при ее изучении. Нужно

обладать беспрецедентной наглостью разрушения, чтобы будто бы «забыть» о нем. Ведь это писатель, который, по словам В.Г. Белинского, один мог бы «быть главою и представителем целого периода литературы», ибо «первый внес в литературу элемент народности <...> умел чисто по-русски смотреть на вещи». Это писатель, который «создал национальную русскую басню» и открыл способ «художественно-проникновения в жизнь с высоты многовекового опыта и национального мышления русского народа!» (выделено мной. — В.Т.). Басенное творчество Крылова (особенно в тяжелейших условиях, созданных ныне для здорового суще-

дания, мы вправе исключить невежество, как причину, приведшую к изъятию этого писателя из программы. Остается предположить другое: имеет место «полицейское действие» из-за неприятия национального духа великого художника, то есть именно того, в чем сегодня остро нуждается русская молодежь, которую сознательно подталкивают к чужому и чуждому нам западничеству. Мы еще подтвердим это наше предположение в дальнейшем. Пока заметим: отнимать у русской молодежи возможность впитывать с детства благодатные соки русской литературы, «русский дух» — это не просто дело вкуса, но политическое действие,

ствования русского языка) крайне необходимо для развития речи школьников. Гениально владея словом, используя со знанием и чувством художественного такта живую народную речь, обладая великим мастерством языкотворчества, Крылов особенно нужен сегодня, когда грамотная образная речь повсюду засоряется в СМИ стандартным, бесцветным сленгом, жаргоном и мутным потоком блатных неологизмов. Наконец, содержательность басен И.А. Крылова, занявшего у народа сокровища многовековой духовно-нравственной и житейской мудрости и вернувшего ему эту мудрость в изящной простоте басенной формы, необходима как основа здорового жизненного опыта русскому молодому человеку... Учитывая звания и степени авторов-составителей, чьи фамилии выставлены на титульном листе из-

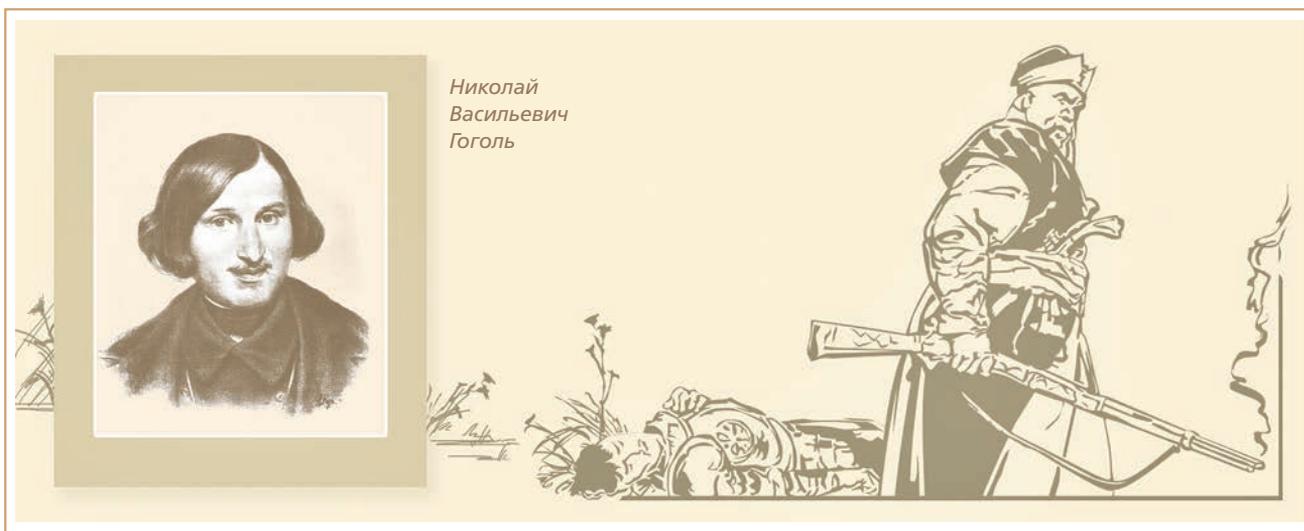
имеющее в основе этноцид. Это преступно. Это преступно потому, что народность, то есть любовь к своему народу и чувство национального достоинства, нераздельны с воспитанием и становлением личности, гражданина своей страны. Это преступно потому, что не получив в молодости укоренения в исконно русских национальных традициях, которым свойственно человеколюбие и мирное отношение к людям иного племени, человеку легче уклониться от истинной народности (национализма) к псевдонародности, даже к шовинизму, испокон века чуждому русскому человеку.

Бесстыжие составители «сократили» в Программе творчество В.А. Жуковского. Что тут сказать?! Позор невежества и преступление перед народом и страной!.. Образ Жуковского, человека, гражданина, поэта, необыкновенного

труженика и сегодня может служить достойным примером для всякого, желающего утвердить себя в человеческом звании. «Вычеркнув» Жуковского, составители новой Программы не допустили до сознания нынешних школьников не только обаятельные баллады «Светлана» и «Людмила», которые так любили наши славные предки, но и важнейшее для историко-патриотического воспитания стихотворение «Певец во стане русских воинов», знаменитый перевод из Шиллера «Перчатка», весьма важный в воспитательном смысле. Теперь, когда Жуковский даже не обозначен в программе, мало кто возьмет его сочинения в библиотеке. И это пре-

которая бы пересилила русскую силу!... А неизбежные трагические сцены ужасного, но праведного суда Тараса над сыном-изменником?! Нынешним школьникам, думают, наверное, «полицейские мысли» из РАО, это ни к чему: вдруг молодежь осознает, что есть предательство и отшатнется от него... Мужество Остапа. К чему это нынешним? Пусть лучше ищут свою панночку... Так? А тут еще «Страшная месть». А ну, прочтут и соблазняются... ненавистью к изменникам. А вдруг сами дотянутся до второго тома «Мёртвых душ»! Да и вникнут в современно звучащие слова губернатора: «Дело в том, — говорил он, обращаясь к чиновникам, — что

ступление на совести составителей (если у них вообще есть совесть)...

* * *

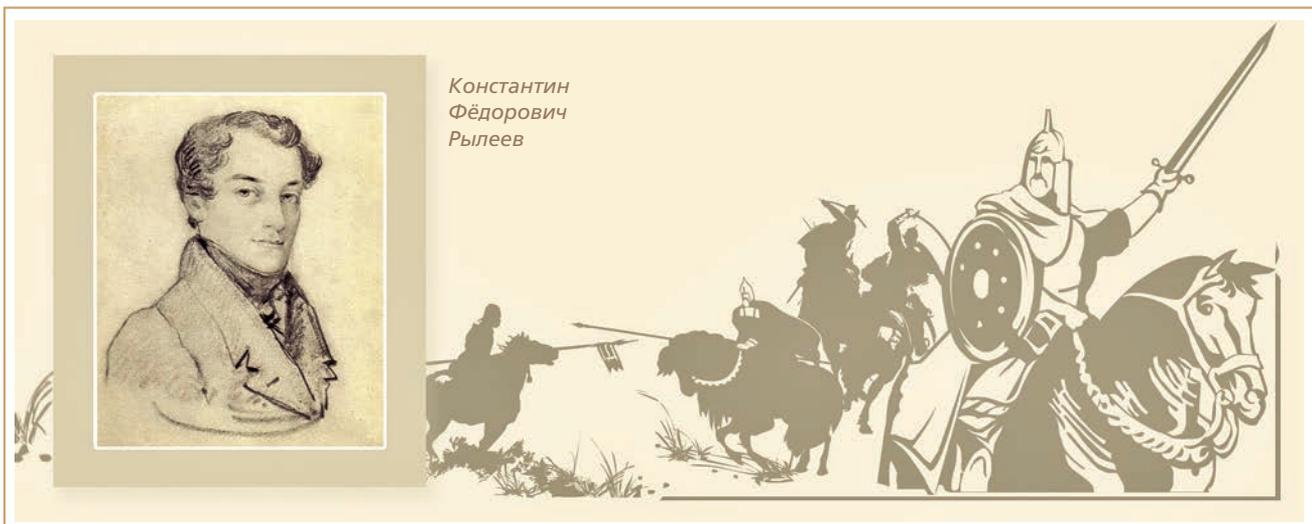
Чтобы погасить в учащих духовный огонь (а для чего же еще?!) авторы-составители исключили из Программы... Н.В. Гоголя. Судя по отбору произведений, можно предположить, что их «полицейские души» дрожат при одном воспоминании о лирической Русь-тройке! А тут еще патриотический «Тарас Бульба» — вершина романтического творчества великого писателя!.. Можно ли допустить (по мнению «полицеев мысли»), чтобы современный школьник знал и помнил вдохновенную речь Тараса Бульбы о товариществе?! А последние слова повести так прямо по сердцу режут русофобов: «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила,

пришло нам спасать нашу землю, что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноязычных языков, а от нас самих; что уже мимо законного управления, образовалось другое правление, гораздо сильнее всякого законного. Установились свои условия; все оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах исправить зла, как ни ограничивай он в действиях дурных чиновников приставленьем в надзиратели других чиновников. Все будет безуспешно, покуда не почувствовал всяк, что он так же, как в эпоху восстания народ вооружался против врагов, так должен восстать против неправды». А коли молодые читатели доберутся до духовной прозы Гоголя, то пиши пропало: сформируется настоящая личность, исполненная любви к народу, стремления ко служению России

и праведному житию, личность, исполненная любви, милосердия и чувства святости... *Нет уж, западничество надежней!* Так про себя, наверное, думают «полицаи мысли», посмеявшие исключить Н.В. Гоголя из школьной программы. Мы, русские люди, не предающие свой народ, думаем иначе. Н.В. Гоголь — великий художник слова первой величины и мыслитель, именем которого В.Г. Белинский назвал направление и целый период истории русской литературы. Его творчество отличается огромностью духовных и всечеловеческих идеалов, страшной, ошеломляющей убедительностью разоблачения пошлости и искренним сочувствием «маленькому человеку». Это писатель, который, говоря словами М.М. Пришвина, «силою слова

этого преступления должны быть отстранены от возможности продолжать вредительскую деятельность в образовании, а в государственные программы для школы должна быть возвращена русская классика. Смысл названного преступления прояснится ещё отчетливей по мере дальнейшего рассмотрения программы, в которой искажен провокаторами-составителями образ великой литературы и оскорблены все ее наследники, лишенные возможности знать и изучать своих национальных гениев. Это ли не *национальный русофобский экстремизм в образовании?* Ему надо положить конец. Или мало вам, господа провокаторы, известного выступления на Манежной площади и в других городах?!

Константин
Фёдорович
Рылеев

хотел связать нечисть, чтобы освободить от нее красоту и добро» [11]. Творчество Гоголя — не просто создание гения, но одновременно труд и завещание потомкам истинного сына России. Оно должно быть известно каждому грамотному россиянину в школьные годы в XXI веке не менее, чем было известно в XX веке, ибо оно не только величайшее достояние отечественной культуры, но и завещание будущим поколениям. *Изымать творчество Н.В. Гоголя из школьной программы, значит, лишать молодое поколение завещанных ему сокровищ. Это — открытое преступление перед нацией, перед молодыми поколениями русских людей. Не меньше! И это преступление должно быть осуждено властью, если она считает себя хоть сколько-нибудь обязанной служить народному благу. Виновники*

***

С детства помнятся мне «Думы» К.Ф. Рылеева. В них родная история представлена в лицах и событиях, легко воспринимаемых сознанием школьника. В годы Великой Отечественной войны, когда торжественно, трагично и победно звучали имена ее героев — Саши Чекалина, Зои Космодемьянской, Николая Гастелло, панфиловцев и молодогвардейцев-краснодонцев, особенно понятен был нам, «детям войны», Иван Сусанин, простой русский крестьянин, жертвующий жизнью за родину. Живо отзывались в наших детских сердцах слова героя, брошенные в лицо врагам Отечества:

...Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на Русской земле!

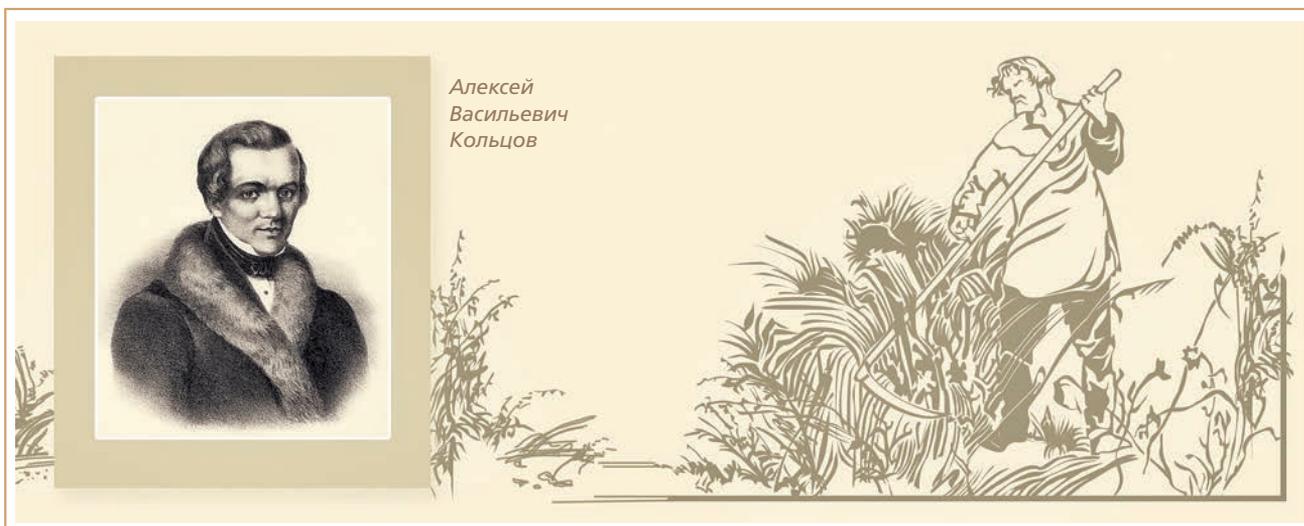

Кто русский по сердцу, тот бодро и смело,
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув умру за царя и за Русь!

Увы, предателей у нас теперь немало, среди них, похоже, и авторы Программы, о которой идет речь... Между тем, помочь утверждению патриотического сознания, о чем и сейчас официально будто бы пекутся наши «верхи», могло бы знакомство с думами Рылеева: «Дмитрий Донской», «Богдан Хмельницкий», «Петр Великий в Острогжске», «Державин». Можно спорить о том, какие именно из дум лучше включить в школьную программу, но изъять из нее творчество Рылеева — это педагогический

по-русски передать это содержание. Их афористические выражения, щедро рассыпавшиеся по нашей литературе, нужны как витамины, без которых пища обесценивается. При этом живая народная речь, прямой источник творчества Кольцова, — это единственный пример непосредственности восприятия народных речений у классика. И сразу вспоминаются его стихи:

Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!

абсурд или что-то похуже... Есть у выдающихся русских писателей незабываемые выражения и интонации, «словесные мелодии», сразу воспринимающиеся как родные и близкие своей мудростью или глубиной трепетного и сокровенного чувства. Через эти слова, выражения и речевые интонации приходит к нам в детстве истинное ощущение и переживание родной речи. К таким писателям, необходимым для органического восприятия языка, несомненно, относятся А.В. Кольцов и А.С. Грибоедов, художники совершенно друг на друга непохожие, но одинаково необходимые для ознакомления с их творчеством в нормальной (полноценной) школе России. Они значительны не только глубиной самобытного содержания произведений, но особенным умением органично, очень

...Раззудись, плечо,
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!

Как во всем этом неповторимо точно и глубоко отразилось русское национальное виденье мира и отношение к жизни! Какая здоровая внутренняя энергия дышит в этих стихотворениях! Да что стихи, помнятся и отдельные строчки, ставшие крылатыми: «Встань, проснись, подымись, // На себя погляди! // Что ты был? И что стал? // И что есть у тебя?»; Молодец удалый // Соловьём засвищет! // Без пути — без света // Свою долю съест; Где ж девалася // Речь высокая, // Сила

гордая, // Гордость царская?; Доколь мочь и сила, // Доколь душа в теле, // Буду я трудиться...; Иль у сокола // Крылья связаны, // Иль пути ему // Все заказаны?; На заре туманной юности...» и многое другое. Все это чрезвычайно важно для приобщения в истинной русской речи, для ощущения плодотворного наследия русской мысли! Но, Боже мой, разве все это могут принять люди, чужие русскому народу?!

Исключен из школьной программы А.С. Грибоедов, автор бессмертного «Горя от ума». На изучение этого шедевра в школах России в XX веке, когда в Министерстве просвещения СССР работали люди, обладавшие и образованностью, и культурой, отводили 14 классных часов! Это было время, когда в школах учились

есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу все изменится. Стать русским значит перестать презирать народ свой» [12]. Но чему, как не презрению к своему великому народу, может научить варварство, отразившееся в «Примерных программах...», одобренных (!) РАО?!

Можно было бы и продолжить наш обзор, указав на стихи И.С. Никитина, исполненные необычайным видением родной природы и свежестью патриотических чувств (ранее они изучались в школе). Нужно было бы сказать о художественном и воспитательном значении, которое, несомненно, имеет поэзия и проза А.К. Толстого, и вспомнить его шедевры «Меня

поколения, отнюдь не чуждые техническому образованию; это были поколения, создававшие советскую атомную промышленность и ракетостроение... На могиле А.С. Грибоедова, трагически погибшего при исполнении гражданского служебного долга, начертаны слова: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской». Но чужие интересам отечественной школы составители учебных программ вычеркнули имя Грибоедова из списка авторов, с которыми сегодня пока еще разрешено быть знакомыми молодежи при обучении в школах России. Но без знакомства с упомянутыми нами писателями нельзя назвать себя в России культурным человеком. Заметим, кстати, речь вновь идет об очень русских авторах. Тут уместно вспомнить Ф.М. Достоевского: «Если общечеловечность

во мраке и пыли...», «Средь шумного бала, случайно...», «Край ты мой, родимый край...», «Василий Шибанов», «Илья Муромец», «Садко» и др. Нужно было бы вспомнить и в прошлом самого «хрестоматийного» поэта А.Н. Майкова, уж куда как подходящего для современной школы и даже необходимого ей. А.Н. Майкова, многие стихи которого («Емшан», «Кто он?», «У гроба Грозного», «Прочь идеалы!..», «1854 год» и др.) до преклонных лет знали наизусть бывшие гимназисты и «реалисты», окончившие средние учебные заведения еще до революций XX века (мне не раз приходилось восхищаться их памятью). А.Н. Майкова, большинство стихотворений которого — это воистину классическая русская поэзия, открытая всему миру, всем странам и народам и разным

эпохам истории и одновременно — глубоко сопродная именно русскому национальному взгляду, скрепленному любовью и одухотворенному национальным достоинством. И как достойно и современно звучат сегодня слова поэта:

Благодарю Тебя, Творец, благодарю,
Что мы не скованы лжемудростию узкой!
Что с гордостью я всем сказать могу: я —
русский!

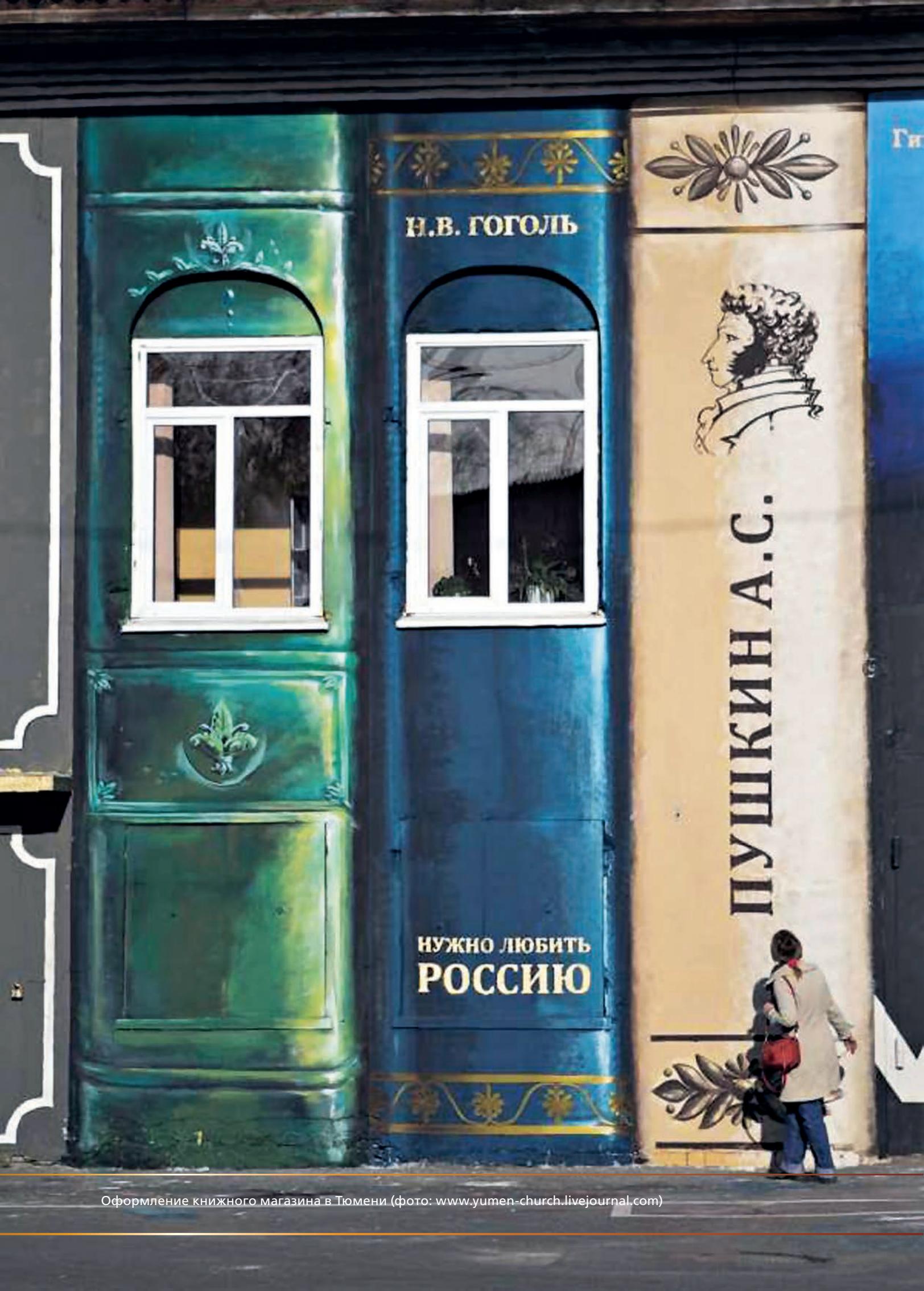
Что пламенем одним с Россией я горю,
Что слезная о ней в душе моей забота!
Что тот же мощный ветер расправил парус мой,
Которым движимы неслися под грозой
Громады кораблей Нахимовского флота!

по отношению к нигилизму, которому отдали щедрю дань наши составители)! Наконец — с успехом изучавшийся в школе... За что же такая немилость? Думаю, что не ошибусь, если скажу прежде: *Лесков «не подходит» нашим составителям, потому что он очень русский писатель.* «Поработали» наши «программисты-разбойнички» и над списками произведений русских классиков, включенных в программу. *Из списка произведений А.С. Пушкина, например, убрали патриотическое стихотворение «К Чаадаеву», испокон века входившее в школьные программы. По соображениям «полицейского» характера (а то, почему же еще?!) изъяли «Я памятник воздвиг себе...», ну, разумеется, и «главное» произведение — «Евгений Онегин». Из произведений М.Ю. Лермон-*

Всех названных мною писателей, как и великого (и тоже особенно важного для воспитания гражданина России) *Н.С. Лескова — нет в Программе.* А ведь это признанный классик! Подписное 12-томное собрание его сочинений вышло в 1989 году тиражом... 1 700 000 экземпляров! Автор «Соборян», «Запечатлённого ангела», «Очарованного странника», знаменитых романов «Некуда» и «На ножах», рассказов «Смертельный Голован», «Пугало», «Кадетский монастырь», «Пламенная патриотка», «Томление духа». Писатель, говоря словами А.М. Горького, явившийся «ободрить, воодушевить Русь» [13]. Да еще «волшебник слова»! Да еще чрезвычайно важный в воспитательном отношении! Да еще очень современный (например,

това, разумеется, убрали стихотворение «Нет, я не Байрон...», чтобы никто не вспомнил, что поэт — «с русской душой», да еще — «Смерть поэта», «Родина» (последнее изъято, наверное, потому, что Лермонтов, как было признано, понимает любовь к отечеству, к России «истинно, свято, разумно» (Н. Добролюбов). О «Герое нашего времени» и речи нет. Зачем? Это же будит мысль. А наш ученик, как выразился один из нынешних министров образования, «не должен рассуждать, он должен делать то, чему его научили». (Каково сказано! На века. Очень чувствуется, что это слова современного министра образования!) *В числе писателей XX века, включенных в программу, не нашлось места для неповторимо-колоритного художника слова и страстно учительного И.С. Шмелёва, создавшего картины,*

Н.В. ГОГОЛЬ

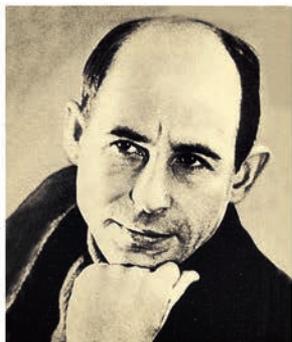
ПУШКИН А.С.

НУЖНО ЛЮБИТЬ
РОССИЮ

«набирающие жизнь-силу от корней Родины», от русских корней. Чужаками-составителями был «забыт» В.И. Белов, написавший, в числе многих замечательных произведений, в назидание и для утверждения памяти наших современников, оторгнутых от корней культуры пресловутой цивилизацией, — необыкновенный «Лад». Составители не постыдились (да знают ли они, впрочем, что такое совесть?!) забыть и Н.М. Рубцова, гениальная поэзия которого — «тихий голос великого народа, потаенный, глубокий, скрытый» (Георгий Свиридов), продолжает и сегодня звучать везде, где, опомнившись, вдруг восторженно произнесет русский человек свое русское имя и обратится к измученной чужеродным бесстыдством душе своей, к «русскому духу»! Ох, не лю-

в список по каким-то непонятым причинам, как говорят, нежданно-негаданно. Причем заняли они весьма немало места и, откровенно говоря, заняли незаконно. Ведь (напомню еще раз!) в школе изучают не просто литературу, а классику. Таких же авторов (кстати сказать, очень-очень разных по художественному уровню их произведений), как В.П. Аксёнов, А.Т. Гладилин, Ю.О. Домбровский, В.С. Маканин, В.П. Некрасов, В.О. Пелевин, А.Н. Рыбаков, Ю.С. Рытхэу, Л.Е. Улицкая и А.И. Эппель, нельзя отнести к классикам и к писателям, которых необходимо ввести в школьную программу. В подборе этих авторов, как и некоторых других, отзывается чисто политический подход: все они в прошлом, по большей части, эмигранты, диссиденты или

Николай Михайлович Рубцов

бят наши недруги, если где присутствует «русский дух» и «Русью пахнет»! Не любят! Так и в русских сказках — всегда бежит от русского духа нечистая сила. А мы, русские люди, просто обязаны встать стеною за наших гениев, иначе — мы ничего не будем стоять! Итак, в рассматриваемой Программе откровенно проявилось не только научно-методическое невежество в подборе авторов, но циническое пренебрежение к русскому, в сущности, плохо прикрытое русофобство и сплошной подковёрный экстремизм! Доколе?!

* * *

В подтверждение этого мнения укажу, что вместо упомянутых мною истинных классиков появились в Программе имена писателей, попавших

«лютые протестники», как выражался один мне знакомый писатель. Может быть, это и было принципом отбора? Не знаю. Думаю, что есть еще другие причины, но причины не литературного свойства... Но знаю твердо, что если в перечне изучаемых в школе поэтов XX века нет М.В. Исаковского, чьи песни пела в XX веке вся Россия, нет К.М. Симонова, ряд военных стихов которого знали наизусть почти все защитники, спасшие нас от фашизма, если нет Н.М. Рубцова и Ю.П. Кузнецова, любящих Россию «истинно, свято, разумно», то вряд ли пристойно включать в программу, например, О.Э. Мандельштама и И.А. Бродского, ангажированные издания книг которого начинают превосходить масштабы изданий всех мировых классиков. Так ему «делают имя». Кто? Оставим вопрос открытым... Почему я не считаю умест-

ным включать в программу О. Мандельштама? По той причине, что он, в конечном счёте, — всего лишь русскоязычный поэт. Талантливый «конструктивист», остро чувствующий слово, он искренне выражал в иных своих стихах противостояние русскому взгляду на мир.

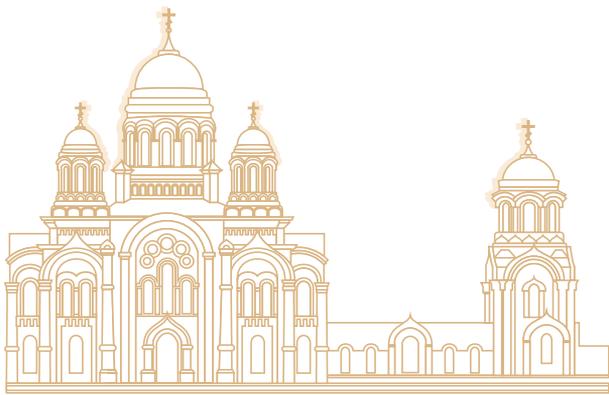
Теперь о Бродском, которого так старательно «делают» гением и совершенно неосновательно сравнивают с самыми великими поэтами. Оставим в стороне его русофобские выпады и обратимся к его поэтическим достоинствам. Вот что пишет о его стихах лауреат Нобелевской премии, академик РАН А.И. Солженицын: Бродский «нередко снижается до глумления <...>, смотрит на мир... с гримасой неприязни, нелюбви к существующему». Чуждый «русской литературной традиции, исключая расхожие отголоски, оттуда выхваченные», этот поэт «почти не коснулся русской почвы». Его стихи зачастую «переходят в интеллектуально-риторическую гимнастику», создавая «впечатление нарочитого косноязычия». Полные «исковерканных, раздерганных фраз» с непроизносимым порядком слов, они свидетельствуют, что «глубинных возможностей русского языка Бродский вовсе не использовал, огромный органический слой русского языка как бы не существует для него, или даже ему неизвестен» и т. д. Нелишне учесть также, что И. Бродский, как выразился И. Шарыгин, «постепенно терял свой русский язык». Почему же такой поэт включен в школьную программу «взамен» настоящих классических русских поэтов? Ответ напрашивается один: потому что *его поэзия чужда русскому духу*. Потому что не причастна к корневым началам русской литературы, более того — во многом им чужда... Но разве все то, что мы наблюдали, справедливо и правильно? Разве можно лишать новые поколения законного наследия русских национальных гениев, подсовывая вместо них не родное, а чужое, и то, что хуже? И стоит ли так настойчиво строить программу на русофобских началах? Или русофобия у нас узаконена? Укажите, пожалуйста, статью Конституции, где это обозначено. Нет такой? Ну тогда, коль скоро не постеснялись вычеркнуть из списка великих русских писателей, теперь не постесняйтесь переиздать Программу с законными исправлениями, чтобы

избавить этот документ от подковерного русофобского экстремизма! Пора, господа, а то дождетесь того, что будет поздно. Повторю: последние программы по литературе, выпущенные и утвержденные «свыше», достойны не просто осуждения, но наказания: в них нагло ограблено поколение русской молодежи, у него отняты законно принадлежащие ему сокровища русской национальной культуры, получившей всемирно признание, в них включено то, что к программам обязательного изучения классики не имеет отношения. При этом они обнаружили неприятие «русского духа», «русского ума и сердца», то есть того, на чем держалась и держится вся русская культура. Не плохо бы министерским «полицаям мысли» понять, что «без русского духа», «русского ума и сердца» — нет русской культуры, а без русской культуры — не может быть и культуры в России. Не пора ли, наконец, покончить с подковерным антирусским экстремизмом в изданиях, выпускаемых по школьной программе!

Статья дана в сокращении

Примечания

1. Современное образование. Русский язык и литература. Примерные программы среднего (полного) общего образования. 10–11-е классы / под общ. ред. академика РАО М.В. Рыжакова. М. : Изд. центр «Вентана-Граф», 2012. 152 с.
2. Фёдоров А.В. Федеральный антигосударственный стандарт // Русский вестник. 2012. № 11. С. 15.
3. Венгеров С.А. Очерк по истории русской литературы. СПб., 1907. С. 3, 5, 8, 15.
4. М.С. Murrin Sterling. Education // Art Education. Vol. 15, № 7. October, 1960.
5. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6, кн.1. М., 1996. С. 67.
6. Профессионалы из ФСБ не могут не знать, что многие СМИ, находящиеся на территории России, играют разрушительную роль в успешно ведущейся против нашего Отечества информационно-психологической войне.
7. Цит. по кн.: Высокопреосвященный Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладоский. Будь верен до смерти. М., 1993. С. 54.
8. См.: Джон Колеман. КОМИТЕТ 300. Тайны мирового правительства. М. : Витязь, 2001. С. 96–127.
9. Драгош Калаич. Третья мировая война. М., 2006. С.65–66.
10. Там же. С. 66.
11. Пришвин М.М. Незабудки. М., 1959. С. 83.
12. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1972–1990. Т. 25. С. 23.
13. Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 221.

- **МАТЬ-СЫРА ЗЕМЛЯ**
Религиозно-обрядовое
и хозяйственное отношение
к земле в крестьянских
обычаях и обрядах
Анатолий Байбородин

Храм Неукротимого Образа Христа Спасителя
в Еравнинском районе в Бурятии
(фото из архива издательства. 2008 г.)

МАТЬ-СЫРА ЗЕМЛЯ

**Религиозно-обрядовое
и хозяйственное отношение
к земле в крестьянских
обычаях и обрядах**

Анатолий Байборodin

О светло светлая и украсно украшенная земля Руськая! И многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, реками и кладязьми месточестными, горами, крутыми холмами, высокими дубровами, чистыми полями, дивными зверьми, различными птицами, безчисленными городами великими, селами дивными, виноградами обительными, домами церковными, и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всего еси исполнена земля Руськая, о правоверная вера христианская!

Слово о погибели Руския земли по смерти великого князя Ярослава

Моя тайга... степь, озеро, река, луга, поля и нивы... моя родная Русская земля! У всякого, не спаленного дотла пороком, не заплесневевшего в корысти, не засохшего в книжном учении, яко полевая ромашка в тяжком томе о заморских красотах, есть таежная падь, приречная долина, широкий дол, кои землянин величает «моя земля». Хотя земля и не куплена в торгах... попробуй, купи степь необозримую, тайгу непроходимую... хотя и не выпала земля в наследство, хотя, кроме тебя, уйма народа в здешней земле обитает, хотя и сам ты уключивал в чужедальние края, а всё одно — моя земля. Здесь отзвенело детство полевыми колокольцами, стояло в белом тумане сенокосное отрочество, здесь похоронены мать и отец, после коих обветшали избы, утопающие в дурнопьяной лебеде и крапиве, обредела деревенька и ушла в землю.

Свой крайчик земли, словно краюха ржаного хлеба, засолоневшая от пота, от слез кру-

чины и отрады; своя земля... и земляк в свое время понимался как человек, с которым ты свято и клятвенно связан единой землей.

«Мой угор, угорышек...» — любил ввернуть в речь крестьянский писатель Федор Абрамов, летуя в родном селе Веркола, умиленно оглядывая с угора желтоватые поля, бережно объятые покотиной городьбой, чтобы коровы хлеба не потравили. Благодать Божия: веет с небес прохладный ветерок, гуляет под вольно выпущенным, широким рубищем, ласково колышет волосы, и взгляд писателя уплывает в зеленеющие пастбища, к синееющей реке, к храму, белеющему на холме, сливая ниву с небесами.

Издревле воспевали и оплакивали русские родную землю...

«О Русская земля! уже ты за холмом! <...> Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, // но часто вороны граяли, // трупы между собой деля, // а галки свою речь говорили, // собираясь полететь на добычу. <...> Черная земля под копытами костью была засеяна // и кровью полита: // горем взошли они по Русской земле. <...> А поганые со всех сторон приходили с победами // на землю Русскую» (*Слово о полку Игореве*).

«Кто, братья, и отцы, и дети, видевши такое Божие попущение на всей Русской земле, не плачется? Грех ради наших попустил Бог найти на ны поганья; наводит бо Бог, по гневу своему, иноплеменников на землю, чтобы сокрушенными ими обратятся к Богу» (*из Лаврентьевской летописи*).

«Русская земля да будет Богом хранима! Боже, сохрани ее! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя бояре Русской земли несправедливы. Да станет Русская земля благоустроенной и да будет в ней справедливость» (*Никита Афанасьев*).

«Эти бедные селенья, // Эта скудная природа — // Край родной долготерпенья, // Край ты русского народа! // Не поймет и не заметит // Гордый взор иноплеменный, // Что сквозит и тайно светит // В наготе твоей смиренной. // Удрученный ношей крестной, // Всю тебя, земля родная, // В рабском виде Царь Небесный, // Исходил, благословляя» (*Федор Тютчев*).

«Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России... И предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама Русской земли» (*Лаврентий Корнилов*).

* * *

В испоконной красе хранили русские крестьяне любовное, обрядово-поклонное отношение к земле. Хотя она стояла и третьей в череде языческих поклонений (первый — царь-огонь, вторая — вода), но лишь землю крестьяне величали матерью. И в земледельческом таланте крестьян, кроме вселенского природознания, трудолюбия и терпения, кроме бережно сохраненных многовековых земледельческих навыков, таилась неизбывная, всепоглощающая, обрядово-поклонная, жертвенная любовь к матери-сырой земле, — любовь, увы, порой выпадающая в духовную прелесть — языческое одухотворение земли. Долго после Крещения Руси крестьянин нет-нет да и забывал, что земля — Творение Божие — не обладает самосвятостью. «Почитание русскими язычниками «матери-земли», — писал Лев Лебедев, — это отнюдь не наивность. Заблуждение язычников в том, что, не ведая Бога — Создателя человека и земли, они поклоняются творению, а не Творцу»¹. «Вначале сотворил Бог землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. <...> Адаму же сказал *Господь*: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором я заповедовал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя: со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; <...> в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 1: 1, 2, 17, 19).

Земля в дохристианских верованиях славян, долго хранимых русскими крестьянами в сумраке памяти, понималась яко *мать*, от которой не токмо нарождается все живое, но произошло и само тело человеческое. Казалось бы, древнее воззрение не противоречит Священному Писанию, где сказано «Всяк человек — земля есть и в землю отыдет...»; но, повторим, душепагубная трагедия некрещеных славян крылась в том, что язычники наделяли землю самостийной, не зависимой от Бога творящей силой, не ведая душеспасительного Бога Творца, сотворившего землю, а из земли человека и все живое.

«Предания о происхождении человека, равно принадлежащие всем индоевропей-

ским народам, в том числе и славянам, говорят, что тело человеческое взято от земли и в нее же обращается по смерти, кости — от камня, кровь — от морской воды, пот — от росы, жилы — от корней, волосы — от травы. Верование это высказано в стихе о Голубиной книге:

Телеса наши от сырой земли,
Кости крепкие взяты от камня,
Кровь руда от черна моря.

Народные загадки метафорически называют волосы — лесом, а траву — волосами... <...> Рядом с поклонением небу должно было возникнуть и утвердиться религиозное почитание земли. Следы этого обоготворения сохранились и у славян... Богатыри, поражающие лютых змеев, в ту минуту, когда им грозит опасность быть затопленными кровью чудовища, обращаются к земле с просьбой: «Ой, ты еси мать-сыра земля!.. расступися на все четыре стороны и пожри кровь змеиную», — и она расступается и поглощает в себя потоки крови»².

Даже богатырь Илья Муромец — прототип святого Илии Муромского, крестьянского сына из села Карачарова, казачьего атамана, насельника Киево-Печерской лавры, — даже он, когда супостат, одолев его, замахивается мечом, вопрошает: мол, что ж ты, мать-сыра земля, ныне повыдала меня?»³

* * *

Одухотворенной матушке-сырой земле посвящено большинство славяно-русских языческих обрядов, если не сказать, что чуть ли не всякий трудовой и праздничный обряд так или иначе, славя солнце и небесные воды, касался и земли, поскольку *мать-сыра земля*, обласканная солнечным теплом, в громовых и молниеносных страстях покрытая дождями и росами *небесного отца*, рожала хлебушек, рожала *жито* — *живот, жизнь*. Были века в славяно-русском язычестве, когда *мать-сыра земля* — Мокошь, «покровительница» урожая и судьбы, почиталась как верховное божество, рядом с которой, судя по старинным русским вышивкам, сохранившим языческие сюжеты, по леву и праву руку восседали верхом на лошадях: рожаницы Лада, «богиня» вешнего пробуждения

земли и первой зелени, и дочь ее Леля с сохами, притороченными к седлам.

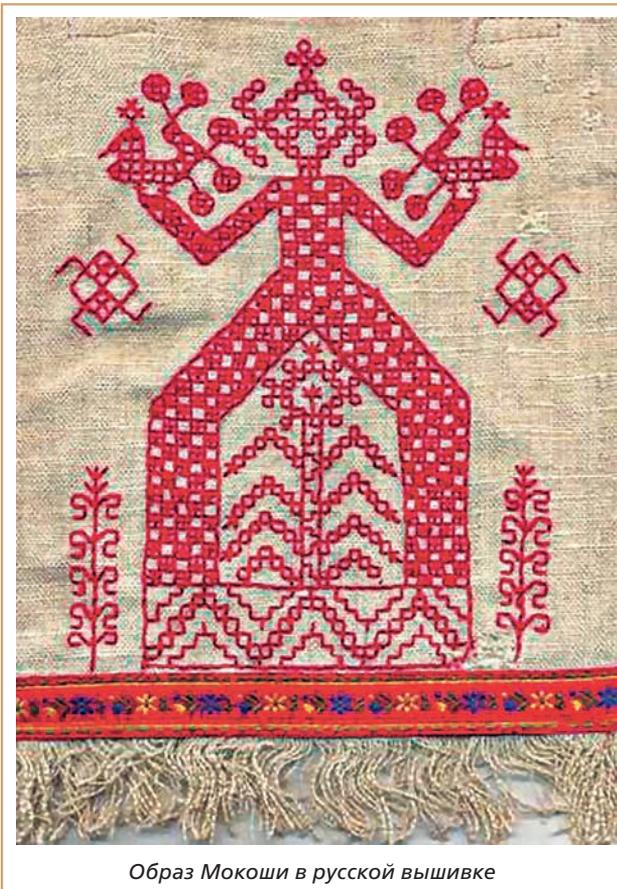
Священные знаки земли — обереги от нечистой и лукавой силы, красовались почти на всем, что окружало нашего предка-русса: на прялке, на причелинах и подзорах избы, на девичьем кокошнике, на резной спинке кошевых саней — везде рядом со знаками Солнца и Вод сиял знак Матери-Земли. Эти обереги (аграрно-магические знаки) в домовой резьбе, в росписях посуды уже, вероятно, бессознательно дожили чуть ли не до самых нынешних лет. (Особенно выразительны они на внешнем декоре семейских⁴ изб в Забайкалье.) Даже «захоронения предков в земле, — писал Борис Александрович Рыбаков в книге «Язычество древней Руси», — могло означать, во-первых, то, что они как бы охраняют земельные угодья племени («священная земля предков»), а во-вторых, они, находящиеся в земле предки, способствуют рождающейся силе земли»⁵.

Александр Афанасьев глубоко исследовал древнеславянские мистические воззрения на природные стихии и Вселенную (в том числе и землю), проводя, нередко спорные, космогонические параллели между героями русского фольклора, символикой крестьянских усадеб и миром Вселенной. Он же дает и картину многих аграрно-магических обрядов, подтверждающих одухотворение матери-сырой земли в древнерусских верованиях.

«Как всеобщая кормилица, земля есть источник сил и здоровья, — писал Александр Афанасьев, — она же растит и целебные травы. Тот, кто приступает к собиранию лекарственных

зелей и кореньев, должен пасть ничком наземь и молить мать-сыру землю, чтоб она благоволила нарвать с себя всякого снадобья... Чтобы нечистая сила не поселилась в нивах и не выжила с пастбища стад (т.е. не повредила бы тем и другим), хозяева в августе месяце выходят раннею зарею на поля с конопляным маслом и, обращаясь на восток, говорят: “Мать-сыра земля! Уйми ты всяку гадину нечистую от приворота и лихого дела”; затем выливают на землю часть принесенного масла. Обращаясь на запад, про-

должают: “Мать-сыра земля! Поглоти ты нечистую силу в бездны кипучие в смолу горячую”; на юг произносят: “Мать-сыра земля! Утоли ты все ветры полуденные со ненастью, уйми пески сыпучие со метелью”, и, наконец, на север: “Мать-сыра земля! Уйми ты ветры полуночные со тучами, содержи (сдержи) морозы со метелями”. За каждым обращением льют масло, а в заключение бросают и самую посудину, в которой оно было принесено. <...> Это жертвенное возлияние масла и пива имело символическое значение влаги, проливаемой небом и дарующей нивам урожай; ибо и «масло», и

Образ Мокоши в русской вышивке

«пиво» были метафорическими названиями дождя. Увлажненная дождем земля сулила обилие, богатство и счастье»⁶.

Древние славяне-язычники почитали землю как женское начало «божественного» мироздания, а небо — как мужское, и считали, что от совокупления их, выраженного через солнечную ласку и грозные страсти, после оплодотворения небом земли посредством влаги (дожди и росы) рождается все живое на земле, а прежде всего хлеб. Нечто подобное происходило в по-

нимании язычников и в человеческой жизни, а посему они напрямую связывали аграрные обряды поклонения матери-сырой земле и отцу-небу со свадебными, и даже с плотскими утехами мужчины и женщины (плодородие земли — чадородие женщины).

Порой сии древнеславянские магические аграрные и свадебные обряды сливались меж собой, порождая аграрно-свадебную обрядовость. Отзвуки ее выявили народоведы и в обрядовой культуре крестьян Восточной Сибири. «Возьмем аграрно-брачные обряды, — пишет Фирс Болонев. — Основное их назначение было связано с двумя понятиями — охраной от зла и идеей плодородия. О магическом использовании зерен ячменя, овса, пшеницы в календарной и свадебной обрядности известно давно, но находящийся с этим ритуалом в непосредственной связи обычай сбора беременных женщин на свадьбу почти не известен. Он записан автором в с. Анга Иркутской области. Прием симильной магии, дожившей до XX века по своей наглядности, колоритности и яркости, пожалуй, не имеет аналогов, хотя об участии беременных женщин в свадебной обрядности славян имеются неоднократные упоминания»⁷.

Крестьянские обряды, корнями таясь во временах праславян — скифов-пахарей, во Владимирово княжение обретя христианское звучание, в самом главном — в одухотворении земли — жили еще долго, чтобы уж разом умереть. То же крашеное яйцо, освященное наговорным словом и орошенное святой живой водой, и задолго до Святого Крещения Руси, когда лишь вызрело само понятие Русская земля, сия-

ло аграрно-магическим символом плодородия матери-сырой земли, чадородия жен-матерей, как являлось и живым, земным знаком солнца, в мистическом сознании язычников имевшего верховную «божественную» силу. Как из яйца чудом чудным, дивом дивным нарождается жизнь, так и под солнцем.

* * *

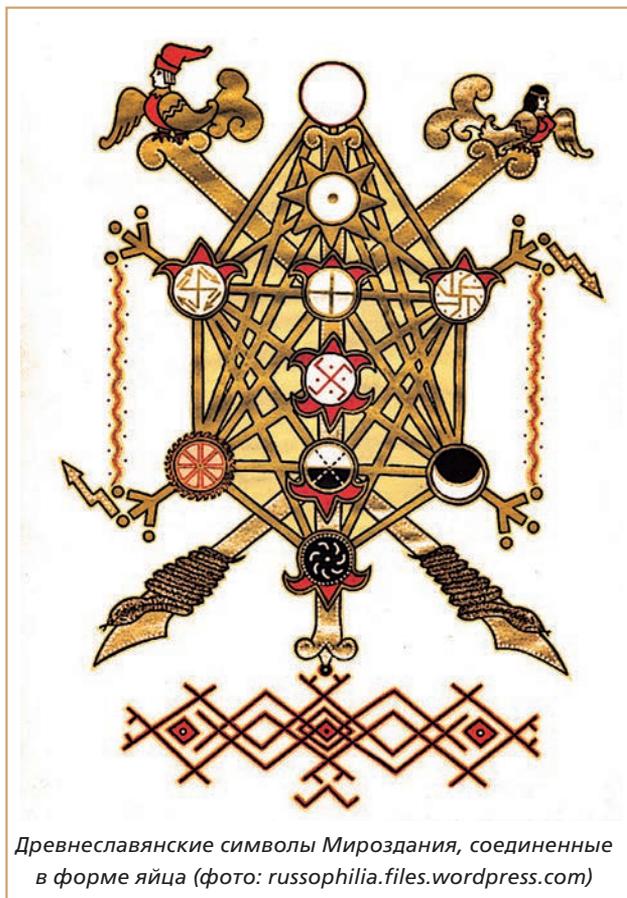
Даже суровые старообрядцы⁸, сплетая древние природные обряды с христианством, не избежали мистического поклонения ма-

тери-сырой земле, а заодно и предкам, захороненным в ней и якобы имеющим с ней мистическую связь. Об этом писал протоирей Андрей Иоанов Журавлёв, прибывший вместе с гонимыми старообрядцами в польские земли, на Ветку: «Старообрядцы в день Пятидесятницы (Святой Троицы, что праздновалась накануне Духова дня. — А.Б.), ложась ниц на землю, слушают молитвы, а священник читает их, на коленях стоя к престолу, зря на восток»⁹.

Небо и земля становятся «церковью», и некоторые «староверческие толки (беспоповщина и нетовщина) до последнего

времени исповедовали грехи свои, зря на небо или припадая к земле»¹⁰. Вот так радели иные старообрядцы, якобы в чистоте сохранившие исконное, древнее православие, в отличие от «нововеров», что в лихую годину церковного раскола как будто выправили богослужебные книги и церковный обряды на манер греческого православия, о ту пору ископаженного.

Мало того, именно у старообрядцев появляются религиозные толки — суть бесовские

Древнеславянские символы Мироздания, соединенные в форме яйца (фото: russophilia.files.wordpress.com)

коби, где прихожане поклоняются матери-сырой земле. В XIX веке у семейских Бичуры, Мухоршибири, Большого Куналяя (семейские села в Бурятии) образовался таинственный толк «землепоклонников». Сошлись в нем крестьяне, которые не признавали икон, попов и уставщиков, а поклонялись священной земле как самосвятой. В.П. Мотицкий писал в книге «Старообрядчество Забайкалья»: «Землепоклонники всей семьей или небольшой группой выходили в поле и там, осенив себя двуперстным крестным знаменем, становились на колени и кланялись так низко, что лбами касались земли, прося ее о помощи»¹¹.

О землепоклонниках писал этнограф и диалектолог Лазарь Ефимович Элиасов, многие годы изучавший фольклор семейских, подготовивший рукопись «Толки семейских». Он же сообщает и о том, что в начале XIX века в семейских селах Окино-Ключи Бичурской волости, Хонхолой и Шаралдай Мухоршибирской волости появился новый толк, получивший название «песочников», когда при крещении ребенка употребляли не воду, а подогретый песок.

Л.Е. Элиасов записал от семейских обряд крещения: «Мать держала ребенка на руках, а уставщик сыпал ему на животик или спинку мелкий теплый песок. После этого ребенка осеняли крестом и давали ему имя, затем умывали в тазу, очищали от песка, пеленали и клали в зыбку. Если ребенок засыпал сразу, то родители были уверены, что он будет здоровым и счастливым, а если не сразу, то его ожидала нелегкая жизнь»¹².

Увы, вместе с древлеотеческими обрядами, за кои Аввакумовы единомышленники — огнепальные обрядолобцы — шли на великие страдания и даже сжигали себя в скитских срубках, старообрядцы из простолюдья не изжили из повседневной и праздничной этики отзвуки языческих суеверий, и более общеправославных тешили беса в поклонении «самосвятой» земле. В отличие от общеправославных крестьян старообрядцы, оберегши до середины XX века даже во внешнем облике исконно славянскую статью, сохранили и многие верования древнеславянского язычества. Историк русской православной церкви Н.М. Никольский отмечает:

«Крестьянская «старая вера» имела мало общего со старой верой профессионалов или посадских людей, и если напоминала старую веру, то старую дохристианскую веру (выделено мною. — А.Б.)»¹³. Неясно, о какой старой дохристианской вере идет речь, поскольку под старой понимается православная вера до церковного раскола¹⁴, но не в дохристианский период русской истории, когда славянское язычество бесам жряху. А.П. Шапов и вовсе с расколом связывал возрождение языческих верований, волхований и чародейства¹⁵. В.Я. Пропп, повторяя языческую точку зрения на староверчество, опасается, что «изучение языческой сущности праздников лишит их ореола святости»¹⁶.

* * *

Хотя после Крещения Руси внешне понятие земли у крестьян стало уже ясно христианским, и без обращения к Богу мужики не приступали к пахоте, севу и жатве, но суеверное, с отзвуками древнеславянского язычества, мистическое отношение к земле долго жило в крестьянском мире, воплощенное в обрядах и обычаях. В земледельческих обрядах ощущалось причудливое сплетение христианского и суеверно-языческого, о чем читаем в книге Сергея Максимова «Нечистая, неведомая, крестная сила»: «Связь человека с землей устанавливается и Священным Писанием: «Всяк человек — земля есть и в землю отыдет». <...> Земля, куда схоронены кровные и близкие, называется родительскою и считается священной, она могущественна до такой степени, что горсточка ее, взятая с семи могил, укрывающих заведомо добродетельных людей, спасает всех родичей, оставшихся в живых, от всяких бед и напастей. Почти такой же силой обладает и вообще родная земля. (Ночью суеверные женщины, запрягши честную вдову в соху, опахивали землю окрест села или деревни, славя землю, вопя проклятия нечистой силе. — А.Б.) <...> В других деревнях носят образ св. мученика Власия, признаваемого по всей святой Руси покровителем домашнего скота, и к свечам прибавляют еще ладан. В Судогодском уезде Владимирской губернии опахиванье предпочитают производить под Духов день, а в иных местах в ночь на 24 июня, причем поют «Да воскреснет Бог», проводят сохой

Образ святой великомученицы Параскевы Пятницы
(фото: cyrillitsa.ru)

крест на всех перекрестках селения, в копаные ямы закладывают ладан и т. п. <...> В деревнях Нижнеломовского уезда Пензенской губернии во главе подобного шествия видели старух с иконами Спасителя, Успения Богородицы и медного распятия на груди, и слышали вместо стихов заклятия, пение молитв Богородицы и Господней. <...> Вера в мать-сыру землю все-таки сохраняется неизменно. Даже и там, где, по-видимому, Христово учение успело уже войти в плоть и кровь, стоит снять с языческих обрядов наложенные тонким слоем христианские краски, чтобы обнаружилось черты древних языческих верований»¹⁷.

Выражая простонародное отношение к земле, Фёдор Достоевский писал: «Земля у русского человека правее всего, в основе всего; земля — все, а уж из земли и все остальное, то есть и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок и Церковь». Писатель — не ради красного словца, из великой любви к русскому простолыдью — опрометчиво, ошибочно вознес землю над Церковью. Церковь Христова — Дом Господень, Божественная Вселенная, где небо — Престол Божий, а земля — лишь изножье Престола. Лишь изножье...

* * *

Русская Православная Церковь долго, не на живот, а на смерть сражалась с *бесовским обоготворением и одухотворением природы*, понимая природу как Творение Божие, — «не нарекутся богом стихии, ни солнце, ни огонь, ни источники, ни древа». Праведная брань за крестьянские души породила благодатные плоды... Крестьянское осознание природы как Творения Божия нашло мифологическое выражение в великом произведении народной поэзии, повеличенном «Стих о Голубиной книге».

Солнце красное от лица Божнего,
Млад светел месяц от груди Божиих,
Звезды частые от риз Божних,
Зори белые от очей Господних,
Ночи темные от опашня Всевышнего,
Громы от Его глаголов,
Ветры буйные от Его дыхания,
Дробен дождик и росы от Его слез...

Постепенно из русской народно-обрядовой этики выветривался языческий мистицизм, и если иные заговоры обратились в стихийные народные молитвы, в поэтические обращения к Спасителю, Царице Небесной, Божиим Ангелам, святым мученикам и угодникам, то и крестьянские обычаи, обряды, утратив древнеславянскую магию, обрели христианское звучание, и вместо языческих идолов покровителями земли, воды, лесов, дворовой животины и птиц становятся святые во Христе¹⁸.

Святая Параскева Пятница — покровительница полей и скота (а кое-где и вод, и особенно целебных источников; ее же считали и «бабьей святой», заступницей и покровительницей честных жен, которая занималась как бы повоем, то есть принимала новорожденных чад; наконец, в крестьянском быту святая Параскева Пятница называлась еще и *льняница*, ибо в день ее памяти (10 ноября по нов. ст.) в некоторых русских губерниях начинали мять и трепать лен).

Святой Мамонт-овчарник — покровитель коз и овец.

Святой Никита — гусятник.

Святые Флор и Лавр — покровители коневодства.

Архангел Михаил — покровитель русского воинства.

Святые Кирик и Улита — покровители кур.

Святые Борис и Глеб — сеятели.

Святой Прокопий — жнец.

Преподобный Сергей Радонежский — покровитель вод и целебных источников (как и святая Параскева Пятница).

Христианизации древнерусских обрядов и обычаев, связанных с поклонением природе, — и, перво-наперво, земле, — очевидно, способствовал изначально и сам Новый Завет, из которого православные крестьяне кроме Христовых заповедей познали и то, что вочеловеченный Сын Божий, любя ближних, любил и окружающую Его природу, любил и ценил крестьянский труд, о чем свидетельствует даже сам язык Спасителя, — образы в притчах Христа взяты из природы, из земледелия и рыболовства. *«Уже бо и секира при корени древа лежит: всяко древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает, и в огонь вметаемо; <...> Его же Лопата в*

руце Его, и отеребит гумно Свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, плевелы же сожжет огнем неугасяющим» (Мф. 3:10, 12). Вспомним и притчу о сеятеле зерна — Слова Божия: «Се изыде сеятель, да сеет. И сеющу, однаво падоша при пути, и приидоша птицы и позобаша ея; другая же падоша на каменных, иде же не имаху земли многи, и абие прозябоша, не имаху глубины земли. Солнце же взсиявша, привянувши: и не имаху корения, изсохша. Другая же падоша в тернии, и взыде терние, и подави их. Другая же падоша на земли доброй, и даяху плод...» (Мф. 13:3–8). Евангельская образно-языковая система — из природной крестьянской жизни.

С летами в сиянии православной веры одухотворение, а тем паче обожествление земли меркло, словно ночная темь на алой заре; долго жила лишь обрядовая поэзия, подобная сказочной игре. Несмотря на отцветы и отзвуки безбожных языческих поверий, в земледельческих обрядах побеждает дух православного христианства. Боголюбивый русский крестьянин, отвергаясь бесовского поклонения матери-сырой земле, без упования на Бога, без молитв Божим Ангелам, святым Христа ради не приступает к пахоте, севу, жатве. Молились Царице Небесной пред ее иконой «Спорительница хлебов»¹⁹, апостолу Филиппу, коего Спас испытывал, когда хотел насытить пятью хлебами пять тысяч человек; молились святым праведным Богоотцам Иоакиму и Анне, священномученику Харалампию, который низводит плодородие земли, Иоанну Предтече, Крестителю Господню, мученикам, благоверным князьям Борису и Глебу, святым, равноапостольным царю Константину и его благоверной царице Елене, мученице Параскеве Пятнице, святителю Тихону, епископу Амафунтскому.

Перед посевом ранешние крестьяне парились в бане, выгоняли из себя тяжелый, грешный дух, надевали в поле чистую посконную рубаху, чтобы чистыми были всходы. При выезде на сев, когда уже были запряжены кони, возжигали на божнице свечи, клали поклоны и просили благословения. Хотя накануне боголюбивые крестьяне молились в храмах, после исповеди причащались Святых Даров. «Сев и подготовка к нему как важнейшие мероприятия в жизни земледельца не совершались без особых обрядов: очистительных, запретных, охранительных

и продуцирующих. Например, приготовленные для посева семена нельзя было есть, жевать, так как существовало поверье, что от этого хлеб может не взойти. Ничего и никому нельзя было давать взаймы, чтобы не передать удачу, счастье. Когда опоражничали закром, то в нем запрещалось мести веником из опасения, что в закроме будет пусто. Поэтому выметали в нем тряпкой. По сообщению К.М. Афанасьева (1888 г. рождения), в с. Новая Брянь перед посевом мылись в бане и надевали чистую одежду, надеясь, что и семена, и поле будут чистыми. При выезде на посевную запрягали коней, у икон зажигали

В Тарбагатае А.К. Думнова (74 лет) рассказывала, что в первый день сева разговлялись яйцами, а в семена крошили яйца, которые целый год пролежали на божнице. <...> В Архангельском, по сведению супругов А.В. и Ф.К. Курьяновых, в ярицу перед посевом клали три вареных яйца и вербу; сея, разбрасывали их по полю из первого мешка. Это делалось для того, чтобы «не было никакого гнуса и урожай был бравый»²⁰.

Всё это живо видится, потому что так жили в старину почти все крестьяне, кроме тех, кои отлучились от земли и, скажем, привадились к

Г.Г. Мясоедов. Молебен на пашне о даровании дождя. 1877 г.

свечи, клали начал (молились), просили у всех домашних: «Благословите», а те отвечали: «Бог благословит». В день первого выезда в поле избу не мели. В зерна пшеницы клали яйцо, подсыпали куриный помет и говорили: «Дай, Бог, на всякую долю — мне и птицам».

С.И. Жерлов (1888 г. рождения) вспоминает, что в Новой Бряни, выезжая на посев, совершают следующий обряд: «Зажигают свечи у икон и кладут начал, читают Богородицу — 3 раза, варят 7 яиц, из них 3 яйца раскрашивают в семена, одно кладут на божницу. И оно лежит весь год, а остальные старшим в доме отдают. Приехав на пашню, кладут 3 поклона на восток. Это так заведено со старины, а зачем — не знаю». <...>

охоте, рыбалке, мелкому рукомеслу либо к отхожему промыслу.

Сергей Максимов запечатлел народно-православный, земледельческий обряд, предшествующий севу зерновых: «Поставлен на поле стол, покрытый чистой скатертью. На нем серебрится на солнышке водосвятная чаша, желтеют свечи и сереет большая коврига печеного хлеба. Перед столом полукругом стоят бородачи с иконами в руках, закрытыми полотенцами. Против них поместился священник с причтом, а за ними и весь этот народ, от чрева матери обреченный в поте лица своего снести хлеб свой. Молебен отпели: толпа зашевелилась и загудела, как пчелиный рой. Подали священнику се-

валку — лукошко с веревочкой, чтобы ловко было перекинуть ее через плечо, — берет он из нее горсть сборной ржи от каждого двора и ловко, привычной рукой разметывает зерна по пашне. Затем идет он краем поля, поперек всех загонов, и кропит все полосы святой водой. И чью полосу окропляет, тот хозяин крестится, а иной еще сверх того шепчет про себя, какую знает, молитву. <...>

При посевах всяких сортов хлеба великую роль играет так называемая «благовещенская» просфора, которую крестьяне или получают кусочком из рук священника при раздаче в конце обедни антидора, или сами подают за евхаристией, чтобы вынули части за здоровье живущих и за упокой умерших. Просфору эту или кладут в сусеки, чтобы увеличить силу плодородия зерен, или на дно лукошка-севалки и в мешки с зерном. По окончании же сева просфору делят между семейными и съедают. <...>

И нет сомнения в той святой истине, какая исповедуется всем русским миром, что «земля любит навоз, как лошадь овес, как судья принос». «Для того и кладут навоз, чтобы больше хлеба родилось, а полбу, чтобы людям годилось». «Где лишняя навозу колышка, там лишняя хлеба коврижка». «Какова земля, таков и хлеб». О даровании же хлеба насущного на худых и холодных землях молят в умилении сердца и преклонив колена в церквах, в избах и на зеленых полях — на последних, когда показалась веселая и радостная улыбающаяся зелень всходов. Широко и размашисто кладутся крестные знамена и во всю трудовую спину поясные поклоны. Звонко, с восторгом разливаются голоса поющих молебен. Искреннее увлечение всех предстоящих очевидно: все настроены благоговейно. Но в то же время кто может поручиться за то, что если бы была своя воля действовать, то не вырвались бы толпой бойкие бабы, не сбили бы священника с ног и не начали катать его по зеленым, а сами кувыряться рядом, пожалуй, даже и с приговором: «Нивка-нивка, отдай твою силку, пусть уродится долог колос, как у нашего батюшки-попа волос»²¹.

* * *

И жил у матери-сырой земли свой особый праздник: в Духов день земля именинница, —

от рассвета до рассвета никто не смел ни пахать, ни сеять, даже колупать носком чуни, ичига — и то было грешно: руки отсохнут, и ни жене чадородия, ни земле плодородия не видать как своих ушей; и целовали землю — кормилицу, поилицу, утешительницу, — с молитвой становясь на колени.

«Весною, когда земля вступает в брачный союз с небом, поселяне празднуют в ее честь Духов день; они не производят тогда никаких земляных работ, не пашут, не боронят, не роют землю и даже не втыкают кольев, вследствие поверья, что в этот день земля — именинница и потому надо дать ей отдых»²².

В Духов день «по православным деревням обязательно служатся всенародные молебны. Народ собирается к часовням, толпится на площадках и окропляется святою водою не потому, что в эти дни совершаются молебствия по случаю избавления от бед, а потому, что в эти дни мать-сыра земля бывает именинница. На Духов день, по объяснению, доставленному из Вятской губернии, земля потому именинница, что в этот день она сотворена (Господом. — А.Б.). Считается <...> грехом беспокоить именинницу, и крестьяне, нисколько не стыдясь и вовсе не скрываясь, припадают на колени и по несколько раз целуют землю. <...> На всей Руси великой крестьяне строго придерживаются правила, что в эти дни никто не смел ни копать, ни рыть ям, ни пахать полей. Делается это для того, чтобы не обидеть кормилицу-землю и чтобы не осерчала она, и без того своенравная и капризная, тугая на подъем и скупая на милости»²³.

Ветхорусские крестьяне, по неграмотности не читавшие Священное Писание, а токмо внимающие батюшкам на службе, либо, увы, вольным, легендарным, мифологическим толкователям Писания, вольно толковали и день рождения земли.

В Духов день крашенные луковой шелухой яйца, пролежавшие на божнице год возле пучка вербы, крестьянин зарывал в землю и, крестясь на восток, молился об урожае. Те же пасхальные яйца крошил в семенное зерно и запахивал их в первую борозду, чтобы градом не побил хлеб, чтобы ползучая и летучая тварь не заела, чтоб щедровитым уродился хлебушек.

Народно-православная земледельческая обрядовость породила и стихийные молитвенные обращения к Богу, Царице Небесной, Христовым апостолам и святым угодникам, пророкам, блаженным, страстотерпцам, святителям. Сергей Максимов в девятнадцатом веке записал со слов крестьянина мистический обряд — стихийно-молитвенное обращение к Илье-пророку, где уже нет языческого обожествления земли: «В некоторых местах (даже под самым г. Орлом), когда выходит засевальщик в поле, то, снявши шапку, молится на восток: «Батюшка Илья, благослови семена в землю бросать. Ты напой мать-сыру землю студеной росой, чтобы принесла она зерно, всколыхала его, возвратила его мне большим колосом»²⁴.

* * *

Эпоха советского богоборчества, истребляя из русской души веру во Христа Спасителя, попутно — нет худа без добра — истребила из души и мистическое поклонение матери-сырой земле; но на закате прошлого века, на заре грядущего, когда ожили православные храмы, стало оживать и очищенное от суеверий молитвенное отношение к земле — ниве хлебородной.

Вспомнилось близкое: после Рождества Христова и до Пасхи Господней мы, иркутяне, прихожане Михаило-Архангельской (Харлампиевской) церкви, готовились совершить паломническое путешествие в Забайкальский край, к землям бывшего Иоанно-Предтеченского монастыря. В Чикойских горах, на высокогорной елани, поросшей буйным разнотравьем-разноцветьем, век назад подвизался преподобный Варлаам Чикойский;

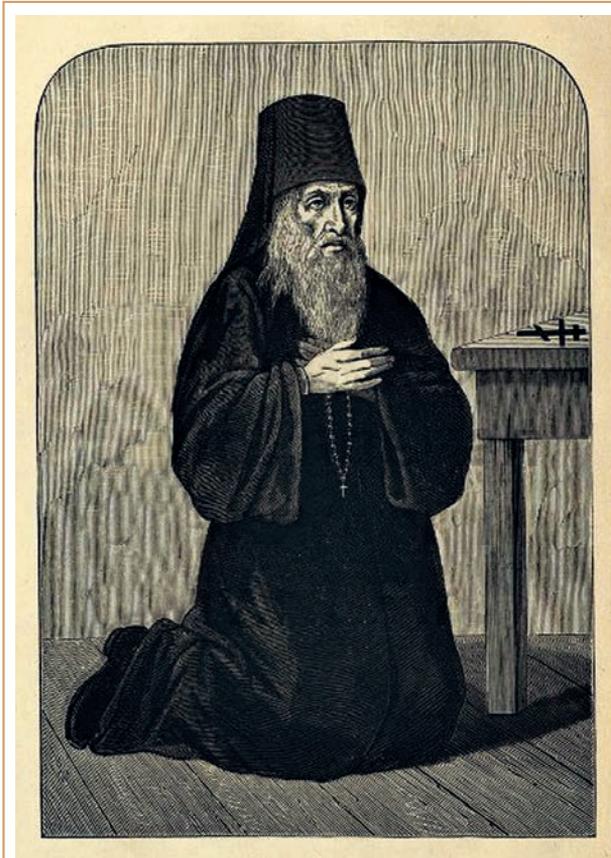
там православные обрели его святые мощи. «Препояши мя, Господи, силою Твоею свыше на вся враги видимыя и невидимыя, и буди ми покров и заступление» — в согласии с молитвенным правилом преподобного Варлаама мы и совершили паломническое путешествие.

По дороге посетили церкви Забайкалья, святые обители православного Прибайкалья — Свято-Троицкий Селенгинский монастырь и Спасо-Преображенский Посольский монастырь. Прибыли в старорусский купеческий град Верхнеудинск (ныне — Улан-Удэ), где прошло детство, отрочество, юность духовного вдохновителя и руководителя экспедиции протоиерея Евгения Старцева, настоятеля Михаило-Архангельской (Харлампиевской) церкви.

Из Верхнеудинска тронулись на Кяхту...

Вздыхаемся на таежный хребет, в золотоствольные сосняки, и за ветровым стеклом машины вольно распаивается Гусиное озеро; видятся в сизоватом мареве трубы Гусиноозерской ГРЭС и сам город Гусиноозерск, как и многие провинциальные города России,

полвека богатый и процветающий, а ныне, лет двадцать назад брошенный властями на произвол безжалостной судьбы, — в удручающем упадке и запустении. Изрядная часть трудового люда от бескормицы укочевала, за гроши продав квартиры, другая часть перебивается с хлеба на квас, и дотягивают свой век пенсионеры. Вдоль степного берега озера, словно после бомбежки, угрюмо чернеют остовы и печи разоренных дач. И далее — мать-сыра земля, ныне, как и по всей России-матушке, брошенная, заросшая травой-дурниной.

Игумен Варлаам. Гравюра (рис.: i042.radikal.ru)

Весь паломнический путь мы беседовали с отцом Евгением о судьбе забайкальских приходов, кои мы посещали и где батюшка либо служил молебен, либо возглавлял крестный ход, либо проводил беседы по строительству новых и реставрации старых церквей.

От берегов Гусиного озера без привалов доехали до купеческой Кяхты, процветавшей в старые добрые времена, известной по всей России «чайным и шелковым» торговым путем. Здесь батюшка служил настоятелем в Успенском храме, будучи одновременно и настоятелем нескольких сельских приходов — в селах Тамир, Ивановка, Кудара-Сомон, Усть-Кяхта. И о ту пору, и поныне, к прискорбию, в забайкальских селах — острая нехватка сельских попов.

Тамир — древлематерое, русское село, словно чудом выплывшее из восемнадцатого века... Улицы — сплошь дородные бревенчатые избы, с рублеными фронтонами — явный признак старинного избяного зодчества. И, может, потому, что деревня вытянулась вдоль широкой, насквозь продуваемой долины, усадеб едва коснулась гниль. Да и, слава Богу, хозяева обихаживали дедовские избы, отчего они и не ветшали, не вращали в землю-матушку; и в отличие от других сел и деревень немного высмотрел я в Тамире брошенных усадеб, как мало увидел и нынешнего убогого новостроя; из поколения в поколение жили и живут многие тамирцы в могучих хороминах, рубленных дедами и прадедами.

О деревенской судьбе мы беседовали с главой сельской администрации, старостой здешнего церковного прихода Юрием Климовым. А судьба Тамира, как и прочих российских сел и деревень, словно жизнь, когда хоть помирай ложись: молодежь бежит из села в город притче, нежели в добрые советские времена, ибо нет работы — почти все колхозы, совхозы рухнули. Доживают тоскливый век пенсионеры — маломальская пенсия есть на хлеб и чай, да огородинка и подворная скотина выручают. Иные молодые, коим некуда бежать из села, пьют беспробудно не вем на какие гроши; впрочем, как и во всех российских деревнях и селах, шинкарки, наживаясь на великом русском горе, бойко торгуют дешевым контра-

бандным спиртом, в народе прозванном «паленый, катаный; паленка, катанка». Другие молодые пашут от темна до темна, не разгибая спины, абы свести концы с концами, держат полное подворье скота: десять-пятнадцать-двадцать коров, телок, бычков, с пятком, а ино и десятком, лошадей, что летом пасутся в долинах рек, зимой копытят на полях, где ветер выдувает снег. За тридцать лет супостаты, фармазоны, полонившие Россию, до нитки ограбили страну, и ныне бесом избранные с жиру бесятся, а простолюдье, тем паче крестьяне, с кваса на хлеб перебиваются. Но о том в ином очерке.

Речь шла о хлебе насущном, что круто посолен крестьянским потом; но и с духовным хлебом у нынешних крестьян разлад. А Господь рек: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4:4).

Хотя в иных районных и малых селах возродились церкви, где батюшки, чаще наезжие, служат на Пасху Христову и великие праздники да от случая к случаю крестят, отпевают, исповедуют, причащают, соборуют, тем не менее, народ деревенский не спешит в храмы Божии, приглядывается: не маскарад ли?.. В свое время крестьянский писатель Валентин Распутин сказал: де, сколь трудно было сельского жителя отлучить от православной церкви, столь трудно будет снова его в церковь залучить. Помните, «Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них. И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 1:3). Русские крестьяне суть дети земли, с коими властям, мирским и духовным, и надо обращаться искренно, любя восхитительно и сострадательно, но и держа в крепкой отеческой руке, понуждая к добру где лаской, а где и таской. Деревенский люд, по-детски искренний, рядиться в православие и фарисействовать не будет, а придет в церковь, лишь поверив в полную душу и Отца и Сына и Святого Духа, в бессмертие души, в Царствие Небесное с раем и адом. Для крестьян, как в Благой Вести: «...да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. 5:37).

Покаюсь, за вечерней трапезой у тамирца Юрия Климова я, многогрешный рабчишка

Божий, забыв о смирении, послушании, почитании священнического сана, вступил с отцом Евгением в перебранку, защищая нынешних крестьян, которые, увы, пока еще проходят мимо сельских церквей: иные не в силах справиться с материализмом, который вбивали в их разум с отрочества, иные от лени души, иные от беспробудного пьянства. Справедливо укорял батюшка хмельных, ленивых, безбожных селян, а я оправдывал: бывший деревенский парень, жалел я несчастных сельских жителей, которых испокон русского века ломали через колено — крепостное право, коллективизация

ми письменами мудрости мира сего, как у интеллигенции, когда уже нет вольного поля для Глаголов Божиих. Опять же, если интеллигенция приходит к Богу, читая духовные книги, то рабоче-крестьянское простонародье обретет былую православную веру лишь по слову священника, а батюшка духом, душой, житейским образом должен быть достоин Слова Божия. Для русского простолюдыя Бог, церковь, поп — едино, и приходской пастырь, желающий обрести паству, жаждущий, чтобы поучения его «падоша на земли доброй, и даяху плод...», обязан и жить-то жизнью, близкой жизни прихожан с

Забайкальская деревня (фото из архива издательства. 2008 г.)

и раскулачивание крепких хозяев, а когда селяне привыкли к совхозам и колхозам, обретая в них былую общину, когда рассвело село, власть жестоко порушила коллективные хозяйства, кинув крестьян на произвол безжалостной судьбы; и уйма крестьянских малосемейных дворов, отвыкших выживать единолично, погрузились в беспросветную нищету и пьяную тоску. Одыбает ли село, вернется ли в храмы, Бог весть... Одна надежда: сельские души, если и пустые, то чистые, не исписанные демонски-

их заботами-хлопотами, с их радостями, с их нужей и стужей, и быть еще и нравственным образцом в своем некорыстном, бессребренном, нелукавом служении Богу. Иначе простолюдые лишь усмехнется, слушая лукавого батюшку: сладко в рот, да горько в глот; поет добро, творит зло; а грамотей и на Писание сошлетя: «Люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня» (Мф.15:8). Невдомек селянам, далеким от Слова Божия, что можно творить по словам их, но

не по делам их; впрочем, не вместит се душа крестьянская, прямая и простая.

Переночевав в селе Тамир, уехали в село Ивановка, где отец Евгений совершил молебен в строящейся сельской церкви, а потом возглавил крестный ход по ивановским полям, смертельно страдающим от затяжной засухи. И — воистину по молитве и Промыслу Божию — когда наш крестный ход подходил к завершению, когда батюшка под хилое пение ивановских прихожан, сморенных на палящем солнце, освятил-таки поля вдоль семикилометровой дороги, разверзлись небеса Божии и на посевы теплым потоком хлынул дождь. Излилась благодать Божия на хлебородную плоть матери-сырой земли.

* * *

Своя земля и в горсти мила... Уходя из деревни в чуждадельные края, — в город ли, на отхожий ли промысел, на войну ли, — крестьяне брали зашитую в тряпичную ладанку родную землю: щепоть из-под печки, чтоб не забыть тепло и добро родной избы; щепоть из-под приворотной вереи, чтобы помнить ход на подворье; щепоть с росстаней дорог, чтоб не заблудить на жизненных путях и перепутьях и не забыть дорогу в родные земли. *«И никому-то не хотелось лечь на чужой стороне, всякий-то про свою родину думал и, умирая, слезно молил товарищей, как умрет, снять у него с креста ладанку да, разрезавши, посыпать лицо его зашитой там русскою землей... У меня одного ладанки с родной земли не бывало... И встосковалось же тогда сердце мое по матушке по России»*²⁵.

Не сдуру и слепого, хладнодушного исполнения древних заветов, не для лукавой потехи, а ради душевной утехи рядом с нательным крестиком в сумочке с ладаном — в ладанке — прела на груди щепотка земли: земля родимая, освященная крестом и Христом, от всех бед и напастей отворотит, а странника избавит от сухоты-кручины по родине. Крестьяне, прости им Господи, в первые века после Святого Крещения еще верили в приворотную силу и отворотную, как, увы, язычески одухотворяли и землю, наделяя ее самосвятостью. «Третья (первое — небо, вторая — вода. — А.Б.), по старинному счету, мировая стихия — земля — почтена наи-

вышим хвалебным эпитетом: с незапамятных времен она называлась «матерью», и у всех народов, а в том числе и у нас, русских, была возведена на степень божества», — писал народовед Сергей Максимов²⁶.

Обороняли и спасали душу лишь молитвы к Богу и Святой Троице, к Царице Небесной, Божиим ангелам и архангелам, ко всем святым, во Христе просиявшим. Не спасала земля, просолевшая потом в ладанке, не отводила шальную пулю, но крестьяне полагали: от иных напастей и оберегала, ибо не давала забыть отчую землю — землю отичей и дедичей, и, томя память светлой печалью, совестила, вводила от греха. А коль с грехом разминулся, то и горе, и погибель стороной пройдут, испугаются, яко черт креста с ладанкой. Эта же, плачеей оплаканная, намоленная землица напоминала о покинутой земле предков, о ждущих родителей, исподволь наказывала слезливым материнским шепотом: ох, не лезь, парень, поперед батьки в пекло, берегись, сынок, не суйся лишней раз туда, куда не просят; себя не жалеешь, так нас пожалей, отца с матерью, — сам пропадешь и нас по миру пустишь. Эдак святая, всемогущая сила земли русской, сила любовной памяти о ней спасала мужиков от гибели, от потери лица человеческого.

А вот другой не менее распространенный обычай в крестьянской среде, поведенный Сергеем Максимовым, знатоком народных обрядов: *«Особенное отношение нашего народа к матери-земле сырой выражается, между прочим, в так называемых земных поклонах. В старину русские люди при встрече с наиболее уважаемыми людьми кланялись до самой земли, касаясь до нее лбом или, взамен того, ударяя оземь шапкой... Сын, дерзнувший оскорбить на миру мать или отца, обязательно целует землю после того, как произнесет клятву, смотря в небо и перекрестясь троекратно»*²⁷. Бытовал и такой обычай: кланялись на земле — щепоть ее съедали в подтверждение данной клятвы, и уж не было тверже слова, даже клятва на крови — и та не равнялась с земным словом. «В старину на Руси вместо обыкновенной присяги долгое время в спорных делах о земле и межах употреблялся юридически признанный обряд хождения по меже с глыбою земли», — писал Александр Афана-

сьев²⁸, знаменитый собиратель русских народных сказок, автор выдающегося исследования «Поэтические воззрения славян на природу». Воинственные древние русы чаще клялись на крови; а после Святого Крещения, клянясь, осеняли душу крестным знамением и целовали крест.

Долго крестьяне не расставались с древними *земными* повериями; до начала XX века выжил старинный обычай, когда супостатов, от веку и поныне зарившихся на Русь, и татей дорожных, и тяжко прегрешивших пред крестьянским общинным миром, одолевши, заставляли

ми, — грызли и, может быть, каялись, просили у земли русской милости.

* * *

Крестьянская любовь к земле — целомудренно затаенная, дабы все не истрепать, светлая и нежная, подобная мужней любви к жене богоданной и чадородливой, — любовь сия выразилось даже в том, что в первой половине прошлого века, когда создавались колхозы, среди забайкальского крестьянства (и особо, среди старообрядческого) явились вдруг *сохачи*, пашущие землю лишь сохой²⁹. В словаре Элиасова

М.К. Клодт. На пашне. 1872 г.

грызть землю — молить прощения у матери-сырой земли и у рода-племени, пуповиной сросшегося с нивой. Недаром было распространено и выражение такое, произносимое в сердцах: и как тебя, супостата, земля носит?! Чтоб тебе провалиться сквозь землю!

Помянем былое: дымом и полымем исходила Москва, лилась кровь братьев во Христе, сиротливая, вдовья Русь коченела в сугробах от хлада и глада, и русские воители посулили французам в слезах и в сердцах: заставим вас, супостатов, землю грызть. И грызли. Грызли землю, оледенелую и отчужденную, скребя сорванными в кровь, отмороженными ногтя-

ми, — грызли и, может быть, каялись, просили у земли русской милости.

есть пояснение этого слова, вошедшего в забайкальский говор: «Сохач — крестьянин, отказавшийся пахать плугом, не признающий техники в сельском хозяйстве, приверженец сохи»³⁰.

Вероятно, забайкальскому сохачу-оратушке больно было... аж мороз по коже пробежал, и холодело под ложечкой... томительно было даже вообразить, как вонзятся тяжелые железные плуги в мать-сыру землю — словно в его собственную плоть, — изрежут, избородят ее, вывернут наружу глину, завалив животворный слой; тогда как соха, легонькая, деревянная, по мнению сохачей, вроде не пашет, а ласкает, бодрит, расчесывает нивушку.

«Как орет в поле оратай, посвистывает, // Сошка у оратая поскрипывает, // Омешики по камешкам почиркивают...» Так пашет, а сказывающая былинным слогом, орёт крестьянин Микула Селянинович, с силушкой которого не мог равняться и святорусский богатырь Святогор, а Илию Муромца, тоже крестьянина, оратай Микула посадил в карман вместе с борзым конем³¹.

Соха ласкает нивушку... Со времен ли скифов-пахарей или от эпохи древних русов и славянского племени полян сроднились наши пращурсы с сохой из дубового кореня, а потому и нелегко было от сохи махом и отречься; впрочем, семейские мужики, будучи расторопными и умудренными, первыми в Забайкалье стали пользоваться плугом — легче вздымать целину, тем паче на таежных еланях и после корчевания леса.

Соха... Любомудрое, краснопевное русское крестьянство поклонялось сохе, пословично-поговорочно, загадочно выразив благодарственные поклоны: *Богу молись, крепишься да за соху держись; полюби соху, будешь с хлебом; кто ленив с сохой, тому весь год плохой; у матушки сошки золотые рожки; держись за сошеньку, за кривую ноженьку; держись крепче сохи да бороны; было бы поле, найдем и сошку; веретеном оденусь, сохой укроюсь; соха кормит, веретено одевает, а подати на стороне; не давай коня в соху, не пускай жену в свахи; летела пава, села на припале, рассыпала перья по всему полю (соха, которая пашет); тулово рябино, хребет соболиный (соха); баба яга, вилами нога: весь мир кормит, сама голодна (соха).*

Можно нынче драть нос перед ранешним сохачом, можно ухмыляться над его наивностью — мы долго над всем родным дедовским ухмылялись, даже лица покорило, повело от вмерзших в лицо ухмылок, и лишь теперь вспомнившие вдруг родство спохватились, захотели приглядеться к дедовской жизни, да уж мало что видно; можно посмеяться над сохой и над сохачом-оратаем, словно над есенинским дуралеем-жеребенком, вздумавшим угнаться за «железным конем» — паровозом, но грех забывать то, что движимы были сохачи-оратаюшки, как и приверженцы древних земляных обрядов, перво-наперво любовным, сыновним и дочерним поклонным отношением к матуш-

ке-земле. Впрочем, в приверженности к сохе имелся и резон: вспомним неглубокую, безотвальную вспашку в хозяйстве народного агронома Терентия Мальцева; вспомним его неодобрительное отношение к тяжелой, убивающей землю в камень, грубой технике, к избытку химических удобрений; вспомним попутно и о щедрых урожаях на мальцевских полях. И таилось в страхе сохачей перед техникой и некое далекое, скорбное предвиденье трагедий технической цивилизации, коя, хлебом солью приветив антихриста, стремительно приведет мир к концу света.

* * *

Велика тяга земная...

Вспомнилось... Едва стаял снег и на солнышках, стеснительно, робко пробилась младенческая травка, набухли почки, березняки потянулись голубоватым маревом, и гужом повалил народ из каменной духоты на лесные просторы и дачи, что вот-вот проснулись от зимней спячки. Манит мать-сыра земля — дивное Творение Божие... Закурились дымки на усадьбах, поплыл горьковатый запах горелого листа, мурашами забегали дачники меж грядок, парников и теплиц, подкармливая землю перегноем и назьмом. Для пожилых дачников с их христорадной пенсишкой картошка-моркошка и всякий овощ — ладное подспорье, с голоду не пропадешь. Вижу диво: по лесному дачному проулку тихо шуршит лаково блестящая, похожая на майского навозного жука, заморская легковуха. «Мерседес», поди, прикидываю я, а коль сроду не держал в руках баранку, все иномарки для меня на один заморский лад. Крышка багажника открыта, а в багажнике... навоз. Я, вечно мотаясь в садоводство на электричке, дивлюсь: имеющий эдакий лимузин, мог бы запросто купить той же картошки, моркошки, тех же цветов садовых, ан нет, самому охота сеять, в земле ковыряться. Манит мать-сыра земля... И видится: перелопатит мужик навоз из багажника в огуречный парник, истопит баньку, выхлещет березовым веничком усталость и уныние и не чуя плоти тихо ликующей душой притулится к песенному застолью, и вдруг потянет дивом дивным явленное в душе: «Отец мой был природный пахарь, а я работал вместе с ним...», и

А. Рябушкин. Илья Муромец. 1895 г.

сквозь слезную наволочь вдруг узрит испоконное: сизый туман пасется в речной долине, а на солннопечном взгорке оратай Микула Селянинович лиственничным корневищем раздирает целик под пашню, весело судачит с мохноногим деревенским меринком, и вольный ветер гуляет в русой бороде, пощет холщовое рубище, бодря закомлевшую распаренную плоть.

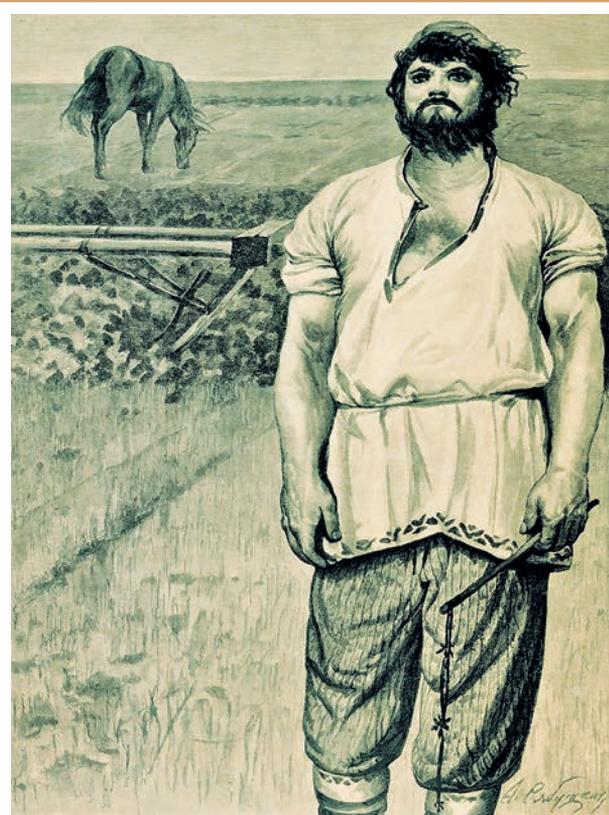
Микула Селянинович... Да, не родилось на земле сословия сильнее крестьянского, ибо *крестьянин несет крест Христов...* Илья Муромец — сын пахотного мужика Ивана Тимофеевича из села Карачарова, что под городом Муромом, отчего поганые да обезбоженные баре и бояре дразнили Илию деревенщиной. Богатырь Илья Муромец в героическом русском эпосе — обобщенный образ русского народа: крестьянин по родове и духу, казак-шлемоносец по ратной службе, оборонитель Святой Руси, защитник вдов и сирот, а на склоне жизни — покаянный инок, замаливающий смертные грехи, скопленные в казачьей вольнице, и в глубокой старости — святой, в земле Российской просиявший, чьи нетленные мощи покоились в Дальних пещерах Киево-Печерского монастыря³².

Будучи по роду-племени, по натуре до скончания века деревенским мужиком, Илья обладал исконным и законным правом молвить слово и сражаться от имени всего народа русского, который, напомним, еще в начале двадцатого столетия на все девяносто процентов жил крестьянским миром и ладом. По чудесному исцелению, обретению богатырской силы былинный Илья Муромец — крестьянин-землепашец: корчует лес под пашню, выдирая

дубы с корнями, удаляя громадные камни. В акафисте преподобному Илие Муромскому воспевается: «Силу великую почуяв в себе, Илие, испив чашу чудодейственную, яко мощи

ти горы преставляти и древа дубравная из земли исторгати, рече о сем странником, вопрошающим о явлении силы твоя, и в радости воспел Спасителю: Аллилуиа».

Ведомо, могучество Илью превосходили лишь Святогор и пахотный крестьянин, оратай Микула Селянинович. Святогор... его со стоном и слезьми носила на себе мать-сыра земля... мог Илию вместе с конем посадить в карман, но даже Святогор не тягался с природным пахарем Микулой Селяниновичем. Да и какое там тягаться, Микулину сумочку переметную и ту

А. Рябушкин. Микула Селянинович. 1895 г.

...не мог пошевелить;
 Стал здымать обема рукамы.
 Только дух под сумочку мог подпустить,
 А сам по колена в землю угрыз...

Ибо таилась в Микулиной сумочке тяга земная, одному оратаю Микуле Селяниновичу подсильная. Недаром Божьи посланники, калики перехожие, напоившие Илию святой водой, и те упреждали богатыря:

Не бейся с родом Микуловым,
 Его любит матушка-сыра земля...

* * *

Грехи, тяжкие преступления в русском (паче старообрядческом) крестьянстве — преступления перед землей: непочтительное, равнодушное, нерадивое отношение к ниве хлебо-

родной, к сенокосным угожьям и пастбищам. За эдакие грехи мужиков в Забайкалье *потчевали земляникой* — нещадно пороли плетьюми. В словаре Лазаря Ефимовича Элиасова есть толкование сему слову: «*Земляника* — наказание крестьян плетьюми за плохое отношение к земле». Для пущего уяснения «земляники» можно прочесть и воспоминания забайкальских крестьян, приведенные Лазарем Ефимовичем: «Выходит староста из соборни, — поминает крестьянин Орлов, — подходит к мужикам и

поля, с опозданием урожаем собирали». «С полсотни земляник получишь, — вспоминает Меркушев, — так с месяц не присядешь».

Что особо примечательно и поучительно для работников сельского хозяйства, земляникой потчевали за дурное отношение даже не к общинной земле кормилице, а к частной, к той, кою мир отмежевал тебе под пашню, сенокос, пастбище. Если бы подобное наказание дивом дивным возродилось вновь, то скольким бы агрономам, председателям, директорам, а

Село Погромное в Забайкалье (фото из архива издательства. 2008 г.)

говорит: кто седни должен землянику получить? — Вот им надо дать землянику. Хлеб у них на пашне наполовину осыпался». А вот жалуется, жалуется, похоже, без обиды — другой забайкальский мужик — Катков: «Поугощали нас, бывало, земляникой. Мой-то отец землянику не получал, а его братанник четырежды штаны спускал». Еще обстоятельнее растолковывает дело крестьянин Кобелев: «Староста появлялся перед мужиками и говорил, чтобы Ивану или Поликарпу дать земляники. Землянику получали те мужики, что поздно засевали

тем паче сидящим повыше, пришлось бы спускать штаны и ложиться на лавку в ожидании «березовой каши»³³. А уж самих мужичков эдаким образом не наказал бы: у Егорки в заначке отговорки: люди казенные, что велют, то творят. Отведали бы, чем пахнет *земляника* иные ученые, и долго бы не садились за письменный стол, и не писали бы жестоковыйных бумаг, не отпускали бы на безропотные мужичьи головы вредных инструкций. Даже я помню времена, когда у нас в районе на вечной мерзлоте велели сеять достопамятную кукурузу!

Нравственное отношение к земле среди забайкальского крестьянства впадало — по нынешним понятиям — и в крайности. Помню, ветхий старик из большой, расхристанной деревни толковал, что при размежевке мир не давал земли суразу — парню, которого мать на меже подобрала и в подоле принесла, словом, в блюде прижила. Лихо жилось суразу, коль не ведал богоданного отца, родился от проезжего молодца; не солью посыпал, слезами поливал черствый хлебушек сельский обсевок, отчего и народилась горькая поговорка: что я в поле за обсевок?..

— Но сын-то не виноват! — не внемля древнему старику, с молодой запальчивостью перечил я. — Сын-то за мать не ответчик!.. Дикость...

— Дикость, паря, али не дикость, Бог весть... — старик усмехнулся, — думали, другим девам неповадно будет. Ты, дева, сперва подумай головой, какую ты жизнь ладишь нагулянному чаду, опосля грехи, коли греха смертного не страшишься. Тебе утеха любодейная, а суразу — маета пожизненная. Прикинешь, да, глядишь, и не станешь лишней раз подолом трясти, по кустам шастать. Лучше уж по-руськи, по-божецки, с венцом, тогда и чадо землей не обидят. А за углом... — собачья сбеглишь — снюхались, повязались, яко псы. Но, паря, бывалочи, ежли сураз путний, не то что... в поле ветер, в заде дым, дак и отстаивал сход, и обсевок земли давали.

Суровые, на теперешний взгляд, жестокие законы властвовали в крестьянском и особо старообрядческом миру: взять хотя бы *поругание* — старинный обычай у семейских, когда тяжело пригрешивший перед Богом, народом, матушкой-землей, был *поруган* — опорочен на миру. Неверной девушке остригали волосы, изменившей жене брили голову, на вора набивали колодки, а уж про порку и речи нету — долго не чикались: согрешил перед землей, перед миром — скидывай штаны и не разговаривай; отведаешь плетей или виц, наперед заречешься.

— Натерпелись мы поруганья от стариков; чуть что, сразу поруганье, вот и срамят тебя перед всем миром, — вспоминал со вздохом старик, а потом с ехидцей прибавил: — Зато теперичи браво: и девка гуляй, и баба хвостом трепли, и мужик воруй, не попадайся, — мир

не осудит, старики поруганье не наложат. А уж за землю никто тебя не укорит, никто земляники не даст.

Так еще до середины XX века русские народно-этические понятия *добрый, худой человек* основывались, прежде всего, на отношении человека к земле, и высшей похвалой было: *человек земляной, на крестьянскую колодку шитый*.

* * *

Ведомо, что среди российского крестьянства, а уж тем паче забайкальского, старообрядцы (семейские) выделялись непревзойденным земледельческим талантом, а в основе таланта — азартное трудолюбие, крепкий домострой и обереженный, многовековой хозяйственный опыт. Замечательные книги написал о старообрядцах известный сибирский ученый-этнограф, доктор исторических наук, уроженец семейского села Большой Куналей Фирс Федосович Болонев, архивные материалы которого использованы в данном очерке. Так, в книге «Народный календарь семейских Забайкалья» читаем: «Семейские принесли в Забайкалье богатые трудовые традиции, многовековой крестьянский опыт, наблюдательность и смекалку земледельцев, прилежание и любовь к земле, стойкость перед невзгодами, деловой практицизм и трезвый расчет...»³⁴

Старосельские люди говаривали: не ведали бы счастья, да несчастье помогло, — от насильственных переселений старообрядцы развили редчайшую способность осваивать землю под хлеботорбую пашню даже в краях предельно рискованного земледелия: морозы «за сорок» и скудные, каменистые почвы. В 1772 году академик П.С. Паллас тщательно исследовал поселения семейских в Забайкалье и пришел к выводу: «...Селенгинская страна и другие в рассуждении их обширности никогда не могут столь быть многолюдны и хлебом обильны как другие сибирские места не слишком к северу близкие, при этом везде сверх крутых гор по долинам и косогорам весьма каменисто или чрезвычайно песчано. Так что кроме кочующих народов, каковы бурета и тунгусы, никакому другому тут жить не можно»³⁵.

Но Паллас ошибся. Семейские не токмо прижились в «селенгинской стране», но освои-

ли под хлеботородные нивы даже и горные покати. Изучая дальше семейское крестьянство, Паллас уже пишет о том, что выведенные из Польши староверы «по лесистым горам не без малого труда и прилежания, но и не без желанного успеха расширяются. Оне имеют довольное хлебопашество (это уже через шесть лет после их поселения за Байкалом. — А.Б.), а жалуются только, что по подлежащим сенокосам немного для скота травы родится, которым на противы того оне уже довольно развелися...»³⁶ В этом же сочинении Паллас сообщает, что семейские первыми среди сибирского крестьянства стали использовать плуг, которым пашут «гораздо глубже и лучше коренья подсекают, нежели русскою сохою»³⁷. Соха добра на старых пашнях, а целик подымать малосильна, плугом сподручнее.

О хлебопашестве старообрядцев за Байкалом восхищенно отзывается и А. Мартос: «...Оно достигло «высочайшей степени совершенства. Многие оратаи засевают хлеба по сту десятин. Рожь родится сам десять, яровой хлеб обыкновенно двадцать зерен»³⁸. Заведение «польскими поселенцами»³⁹ устойчивого хлебопашества в Забайкалье необходимо было не только для того, чтобы прокормить себя, «...семейские должны были обеспечить Нерчинские рудники хлебом, в котором тогда ощущалась очень большая нужда»⁴⁰.

Хотя за Байкалом земли вдоволь, тем не менее, резали наделы строго, абы, перво-наперво, не утеснить бурятские роды (им с широкого царева плеча выделяли по 80 десятин земли на душу мужского пола), потом — казаков (им — по 40 десятин), а уж крестьянам — по 16 десятин. Но если *сибирякам* (так семейские и «польские» поселенцы звали общеправославных, укорененных в Сибири) могли дать и плодородные земли в долинах рек, то раскольников, случалось, загоняли в неудобия, где трудно и помыслить о хлебопашестве. Коль у бурят оказалось изрядно доброй земли — долины, степи, тайга, то семейские брали у них в аренду на 40 лет тайгу и часть ее разделявали под пашню.

Разумеется, освоение малопригодных для хлебопашества земель стоило семейским и огромного физического напряжения, и духов-

ной стойкости, поскольку и тут власти, почитавшие их раскольниками, не давали покоя. Сообщая о старообрядческих пашнях, М. Геденштром описывает следующий случай: «Бывший тогда селенгинский обер-комендант поручил одному майору отвести им под поселения земли. Сей, по ревности своей к православию, ненавидя их, отвел им леса и горы, предполагая усугубить их нещастие. Но благое провидение, несправедное усердие его обратило в пользу старообрядцев: с несказанным трудом расчистили густые леса, и приобретенные пашни вознаградили их с лихвою... Лучшие пашни их расположены по высоким горам и к некоторым из них можно достигнуть с трудом по крутой узкой тропе»⁴¹.

Путешественники, побывавшие в староверческих селениях Забайкалья, писали о нарядном труде, о воловьей выносливости, благодаря коим возделывались земли высоко в горах, куда плуги, сохи и бороны завозили верхом на лошадях и где пахали в одну борозду. О сем сообщает литератор, публицист Н.М. Ядринцев: «В некоторых деревнях крестьяне сеяли хлеб на высоте 4 тысячи футов. Покосы бывали в таких ущельях, что сено приходилось вывозить верхом, связывая веревками в охапки. И тем не менее крестьяне облюбовали эти места за девственную почву... Благодать, чернозем 6 вершков глубины»⁴².

Приживаясь на забайкальских землях, семейские, хотя и жили скрытно, хотя и сторонились «поганистых» — патриарших сибиряков и бурят, — тем не менее, немало переняли из хозяйственного опыта у тех и других. Русские крестьяне, давно жившие бок о бок с бурятами, эвенками, возродили «баргутские каналы», ирригационные сооружения, коими пользовались некогда обитавшие здесь народы. «...Многие крестьяне воспользовались древними инородческими канавами», — писал Н.М. Ядринцев⁴³.

Не только государственные мужи России XVII, XVIII, XIX веков и путешествующие этнографы, такие как С. Максимов, но и знаменитые русские писатели Некрасов, Гончаров, Мельников-Печерский, Чехов с удивлением и восхищением писали о семейских крестьянах, которые обратили сухую степь и студеной горный камень в щедрую житницу и наладили в за-

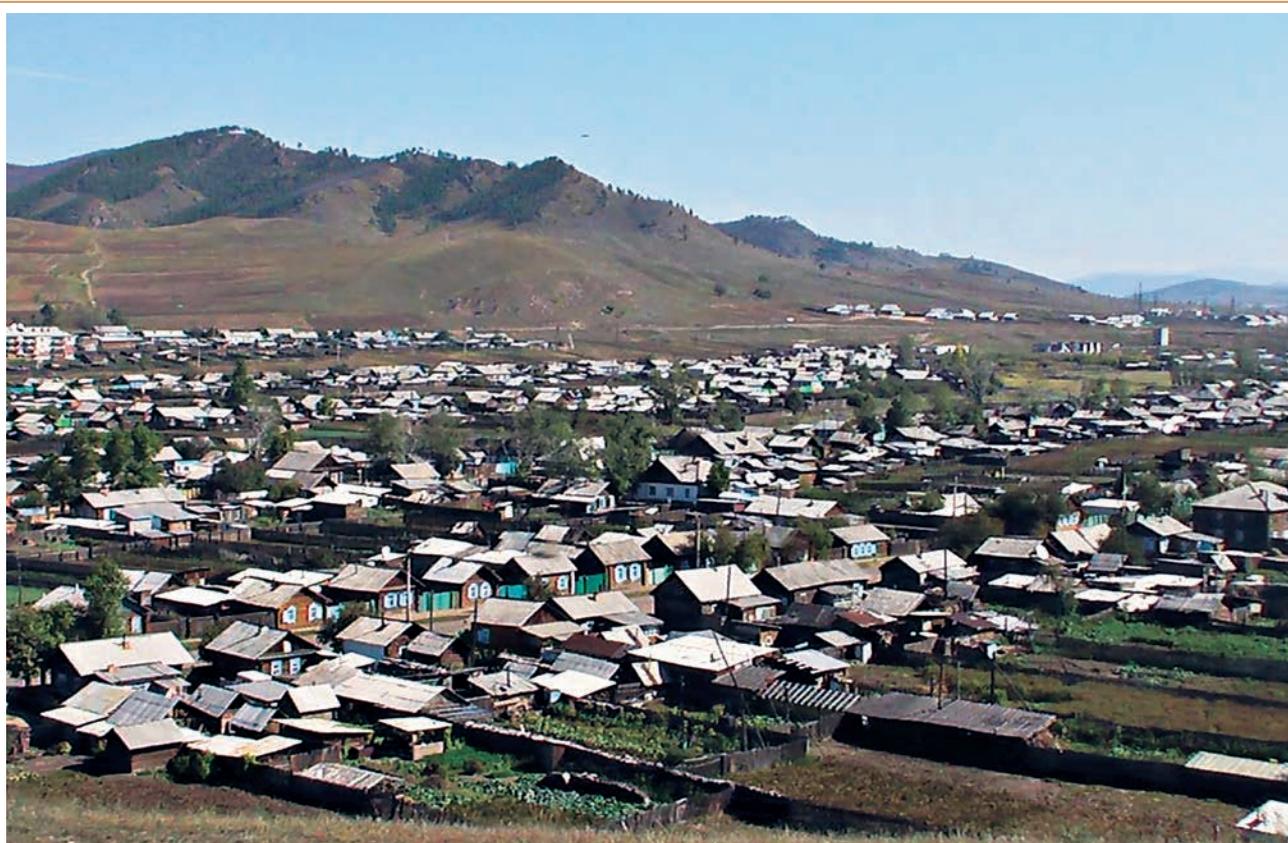

байкальской тмутаракани крепкое, красивое, мудрое житье-бытье.

Поэт Николай Некрасов с радостным дивлением описал Тарбагатай — большое семейское село в Забайкалье: *«Горсточку русских сослали // В страшную глушь за раскол, // Волю да землю им дали; // Год незаметно прошел — // Едут туда комиссары, // Глядь — уж деревня стоит. // Риги, сараи, амбары! // В кузнице молот стучит. // Мельницу выстроят скоро. <...> // Вновь через год побывали, // Новое чудо наши: // Жители хлеб собирали // С прежде бесплодной*

И.А. Гончаров, возвращаясь из кругосветного путешествия по Якутско-Аянскому тракту, встречался со станционными крестьянами. *«Русские все старообрядцы, все переселенцы из-за Байкала... <...> Не веришь, что едешь по Якутской области, куда, бывало, ворон костей не занашивал, — так оживлены поля хлебами, ячменём, и даже мы видели вершок пшеницы, но ржи нет. Хлеб уже в снопах, сено в стогах»⁴⁴.*

Где в семье достаток, обретенный праведным трудом, где крепок домострой и чисты

Село Тарбагатай в Забайкалье (фото: www.staroverly.narod.ru. 2009 г.)

земли. // Так постепенно в полвека // Вырос огромный посад. <...> Как там возделаны нивы, // Как там обильны стада! // Высокорослы, красивы // Жители, бодры всегда, // Сыты там кони-то, сыты, // Каждый там сыто живет, // Тесом там избы-то крыты, // Ну, уж, зато и народ! // Взросшие в нравах суровых, // Сами творят они суд, // Рекрутов ставят здоровых, // Трезво и честно живут, // Подати платят до срока, // Только ты им не мешай. // «Где ж та деревня?» // — Далеко, // Имя ей: Тарбагатай, // Страшная глушь, за Байкалом...»

нравы, там и люди красивы не только душой, но и статью; и путешественники, этнографы, писатели восхищались: мол, девки и бабы семейские («поляцкие») красивы и дородны, напоминают донских и малороссийских казачек, что старики похожи на библейских пророков — все так и просятся на живописные полотна.

Ю.Д. Талько-Грынцевич, врач, археолог, антрополог и этнограф, познакомившись с раскольниками, сотни крестьян обследовав, пришел к выводу, что семейские среди велико-

россов антропологически ближе всех стоят к исконному славянскому типу. Ученый «...нашел в них выдающуюся по чистоте типа и сохранению народного культа отросль великорусского племени»⁴⁵. С. Максимов отметил, что староверческие женки «поражают красотой лиц и дородством тела»⁴⁶. А декабрист Андрей Розен, побывав в старообрядческих селениях во время ссылки в Забайкалье в 1830 году, писал: «Избы и дома у них не только красивы углами, но и пирогами... а люди, люди!.. Ну, право, все молодец к молодцу. Красивы, не хуже донских, — рослые, белолицые, румяные... Все у них... показывало довольство, порядок, трудолюбие»⁴⁷. Подчеркивая, что и внешняя красота старообрядцев исходила из их нравственной жизни, Г.М. Осокин утверждал, что «ведя более правильную жизнь, не злоупотребляя вином, табаком, распутством, семейские дали краю крепкий, здоровый, сильный и красивый тип населения»⁴⁸.

Как ни утесняла раскольников государева власть, но и власть осознавала, а иной раз откровенно признавала: ревнители древнерусского благочестия, духовно-культурный и хозяйственный цвет русского народа, о чем и писал П.И. Мельников-Печерский, будучи не столь писателем, сколь царским чиновником. Речь даже не идет о том, что старообрядцы к XIX веку породили выдающихся купцов, промышленников, много содейвавших для процветания России. Похвальные слова семейским, с Божьей помощью и великим крестьянским талантом освоившим дикие забайкальские земли, звучали даже из уст Трескина, Иркутского губернатора: «Пример редкого трудолюбия, прилежания к хлебопашеству подают поселенные в Верхнеудинском уезде старообрядцы. Они поселены лет за сорок на местах песчаных и каменных, где даже не предвиделось возможности к земледелию, но неусыпное трудолюбие их и согласие сделало, так сказать, и камень плодородным. Ныне у них лучшие пашни, и их хлебопашество составляет им не токмо изобильное содержание, но есть главная опора Верхнеудинского и Нерчинского уездов. Начальство долгом считает обвести по всей губернии редкое прилежание, трудолюбие и общепользность крестьян-староверов Верхнеудинского уезда — Мухоршибирской, Куналейской и Урлуц-

кой волостей и изъявить им за то совершенную признательность»⁴⁹.

* * *

Семейские крестьяне — исконные хлеборобы, несколько столетий выращивали на бесплодных, казалось бы, каменных землях богатые урожаи пшеницы, ярицы, овса, ячменя, гречихи; а и в двадцатом веке забайкальские районы — Бичурский, Мухоршибирский, Тарбагатайский, где основное население — семейские, почитались хлебными житницами.

Но семейские и прекрасные огородники, садоводы, отчего ощущается выраженная в говоре, обычае, обряде и наряде, хотя и далекая, да немеркнущая, родовая связь с южнорусами — малорусами, белорусами. Паллас писал о садоводстве и овощеводстве староверов: «Сеют здесь (село Хилок, что на реке Хилке. — А.Б.) ярицу, также арбузы, кои по садам у поляков, так же, как и около Селенгинска, хорошо удаются»⁵⁰. Ф.Ф. Болонев в книге «Семейские» использует «Письма о Сибири» ученого натуралиста-ботаника Иоганна Сиверса, который, путешествуя в Забайкалье в 1791 году, «отмечал, что «разного рода огородные растения, особенно белокочанная капуста, кое-где картофель, белая круглая репа, горчица, хрен, разные сорта лука, а также, конечно, гречиха, вызревают здесь довольно хорошо... Много дынь и арбузов выращивается в деревне Усть-Кяхта, в 18 верстах от Кяхты, хотя вес их редко превышает 5 фунтов, но они тем не менее довольно вкусные. Точно также преуспевают брюква, мелкая фасоль, огурцы и тыквы. Польские колонисты (раскольники. — А.Б.) пытаются разводить чечевицу и лен. <...> «Польские» и русские крестьяне (с. Урлук. — А.Б.), поселенные лет 30 назад, ввели земледелие и фруктовое садоводство»⁵¹.

* * *

Автор сего очерка родился и вырос в забайкальской крестьянской семье, и коль речь зашла о семейских — знатных овощеводах и садоводах, — вспомнилась, живо увиделась давнишняя картина. Семидесятые годы обитал я в губернском граде Верхнеудинске, и помню, на городском базаре торговали картошкой,

доморощенными огурцами, помидорами, луком бойкие семейские бабоньки и старухи в старинных русских сарафанах, запанах, повязанные цветастыми гарусными платками или в кичках. Наезжали женки с кулями и тальниковыми корзинами из городских предместий и ближних деревень, из того же, воспетого Николаем Некрасовым, Тарбагатайского посада. Как сейчас, дивясь, вижу длинные, похожие на огородные гряды, базарные ряды, заваленные

ки, крепко налитые, не ущипнуть, с певучим по-малороссийски либо по-сорочьи частым, взвизгивающим, чудным говорком, словом, семисюхи, как дразнили семейских коренные сибирцы за частый, вроде даже подсюсюкивающий говор, а заодно и, на взгляд простоватых сибиряков, за природную потаенность, скупость и вредность.

И... радостно дивило... все семейские на базаре, старухи и пожилые бабы, красовались в

Семейские Забайкалья (фото: www.globustur.spb.ru)

овощами: в зазывно отпахнутых кулях ядреная картоха, урожденная на сдобренных навозом, песчаных землях возле сосновых боров, отчего и отменно крупная — *хрушкая*, не изрытая глазками и червоточиной, с шершавой кожей, рассыпчатая — *чёрствая*, не жидкая, не картоха, объединье одно; а рядом тугие, налитые забайкальским зноем, влажно поблескивающие, словно в предутренней росе, огурцы и помидоры; и под стать — семейские бабонь-

ярких, цветастых сарафанах и пестрых запанах, повязанных поверх сарафанов, отчего чудилось: бабы напялили ворох юбок. Головы венчались, опять же, словно на малороссийский лад, цветастыми кичками. Зрелище дивное, сказочное... Лишь, бывало, глянешь на базар, душа радуется, ликует глаз от обилия зрелого овоща, от небесной, солнечной и цветочной яркости сарафанов и запанов, и слух увеселяется крикливым, но сочным, старинным говором,

Семейские дети (фото: www.rashalaika.ru. 2009 г.)

что оберегли семейские в чистоте и щедрости со времен царя Алексея Тишайшего.

Вельми поучительно для иванов, презревших родовую память: по всей земле святорусской лишь старообрядцы до конца XX века обоблакались в исконный русский наряд: праздничный и обыденный; не пошло упрощенный, фестиваль — сарафан выше багрово набрякших колен, картонная корона на власах, а подлинный, что бытовал в народе сотни лет, и лишь в начале XX века по воле правящих супостатов утаился в сундуках. Тысячу лет эдак по-русски одевались, и вдруг застеснялись сарафана, косоворотки, простонародной речи, родного обычая и обряда...

И не для «машкарада» выряжались семейские жены и девки в стародавние сарафаны и запаны, не на посмеих крутили на косы затейливыве кички, а потому, что верно хранили устои предков. Недаром, отстаивая старинный русский сарафан, пели семейские девчата в доведенную пору:

Я семейская была
И семейской буду!
Свой семейский сарафан
Сроду не забуду!

Ветреная мода, упорно дующая с фармазоньего Запада, выкидывала фортели, один чуднее другого, и лишь перед семейскими женками мода никла: не попускались женки пестрорядными сарафанами, цветастыми кичками и... древлими обрядами. Но и в семейщине к концу двадцатого века исконный русский наряд — суть прикладное народное искусство — вытеснился безликим, безнациональным костюмом, словно железобетонные кубы заслонили солноликие избы.

И многоголосые, протяжные семейские песни, увы, потеснили вначале частушки-тараторки, потом — советские песни, а на закате прошлого века и вовсе — вопли-нежити с Лысой горы. Хотя пение семейских, четверть века звучащее по радио, благоговеино слушал весь народ русский, а в начале XX века песни семейских, записанные Николаем Протасовым, высоко оценил Н.А. Римский-Корсаков: «...признаки древней чистой русской мелодии». Песни,

посланные Протасовым Римскому-Корсакову, были переданы композитору С.И. Танееву.

Теперь над дедовскими песнями, обычаями и обрядами может посмеяться и малый, нос рукавом утирающий: воздевай руки к небу, пой славу Богу, кланяйся земле — толку мало, удобрять надо. Верно, назмить надо, но и без поклонной любви к земле родится лишь дурнопьяная, сорная трава. Земледельческие обряды — любовь к земле, ко всей Вселенной, Божиему Творению, любовь, воплощенная в народной поэзии, а уж из любви и рождается на земле все живое, благолепное, ибо Любовь — Бог.

1987, 1990, 2002, 2013

Примечания

1. Лебедев Л. Крещение Руси. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1987.
2. Там же.
3. Впрочем, сие лишь в былинном изложении художественных сказителей.
4. Семейские — раскольники, сосланные в Забайкалье при царице Екатерине.
5. Рыбаков Б. Язычество древней Руси. М., 1987.
6. Афанасьев А.Н. Дерево жизни. М., 1982.
7. Болонев Ф.Ф. Духовная культура и быт русских крестьян-старожилов Юго-Восточной Сибири в XVIII – начале XX века (Семейские Забайкалья). Новосибирск, 1996.
8. Более подробно см.: Байбородин А.Г. Семейский корень: очерк // Сибирь. 2004. № 2. С. 69–96.
9. Полное историческое известие о древних строгониках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем церкви сошествия святого духа на Большой Охте. М., 1890.
10. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т. 1.
11. Мотицкий В.П. Старообрядчество Забайкалья. Улан-Удэ, 1976.
12. Там же.
13. Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1930.
14. Впрочем, РПЦ считает раскольников *нововерами*, а никониан — *староверами*, путем церковных реформ породивших исконное, истинное Православие, кое приняла Древняя Русь от восточного (константинопольского, царьградского, греческого) православного христианства, но с веками исказила в церковных обрядах и богослужебных книгах.
15. Щапов А.П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и первой половине XVIII // Сочинения. Т. 1. СПб., 1906.

16. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.
17. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.
18. См.: Русский обычай : очерк // Русский месяцеслов / сост. А. Байборodin. Иркутск, 1988. С. 478–526.
19. Название иконе дано по благословию преподобного Амвросия Оптинского.
20. Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья. Новосибирск, 1978.
21. Максимов С.В. Указ. соч.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Мельников П.И. (Андрей Печерский). В лесах. М., 1989.
26. Максимов С.В. Указ. соч.
27. Там же.
28. Афанасьев А.Н. Дерево жизни. М., 1982.
29. Соха — пахотное орудие типа орала у русских — с широкой рабочей частью (рассохой) из дерева, оснащенной двумя железными сошниками и железной лопаткой — полицей и соединенной в верхней части с оглоблями, в которые запрягали лошадь. Главное отличие от плуга в том, что соха не переворачивала пласт земли, а лишь отваливала его в сторону. По сравнению с плугом соха требовала при пахоте меньшего тягового усилия лошади, но больших физических усилий и мастерства от пахаря. Глубина обработки почвы сохой — до 12 см. Соха использовалась для пахоты подзолистых почв в зоне хвойных и смешанных лесов, толщина плодородного слоя которых в начале XX века редко достигала 15 см. Соха известна с конца IV — начала III тыс. до н. э. в Древнем Египте, Месопотамии, Средиземноморье (о. Крит). В средние века была распространена у многих народов Евразии. Первоначально была целиком деревянной, позже стала снабжаться железными сошниками. В русских письменных памятниках упоминается только с XIV века, однако применялась значительно раньше, о чем свидетельствуют находки железных сошников VII–VIII веков.
30. Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
31. Более подробно см.: Байборodin А. Яко богино землю нареки : очерк. М. : Современник, 1881. С. 199–207.
32. Там же.
33. Очерк писался в советские времена; а самочинных-самозванных правителей России конца XX — начала XXI не то что «земляничкой» угостить, мало на колы посадить, — под корень извели российское сельское хозяйство.
34. Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья.
35. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1772. Ч. 3.
36. Там же.
37. Там же.
38. Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827.
39. Польскими поселенцами, поляками именовали старообрядцев, при Екатерине II переселенных с польских земель, кода Польша входила в состав Российской империи.
40. Мотицкий В.П. Старообрядчество Забайкалья. Улан-Удэ, 1976.
41. Геденштром М. Отрывки о Сибири. СПб., 1880.
42. Ядринцев Н.М. Раскольничьи общины на границе Китая // Сибирский сборник. 1886. Кн. 1.
43. Там же.
44. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Л. : Наука, 1986.
45. Талько-Грынцевич Ю.Д. Семейские (старообрядцы) в Забайкалье // Протоколы общего собрания Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отд. РГО. Кяхта, 1894. № 2.
46. Цит. по: Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск, 1994.
47. Там же.
48. Цит. по: Болонев Ф.Ф. Духовная культура и быт русских крестьян-старожилов Юго-Восточной Сибири в XVIII – начале XX века (Семейские Забайкалья).
49. Цит. по: Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья.
50. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1772. Ч. 3.
51. Болонев Ф.Ф. Семейские. Улан-Удэ, 1985.

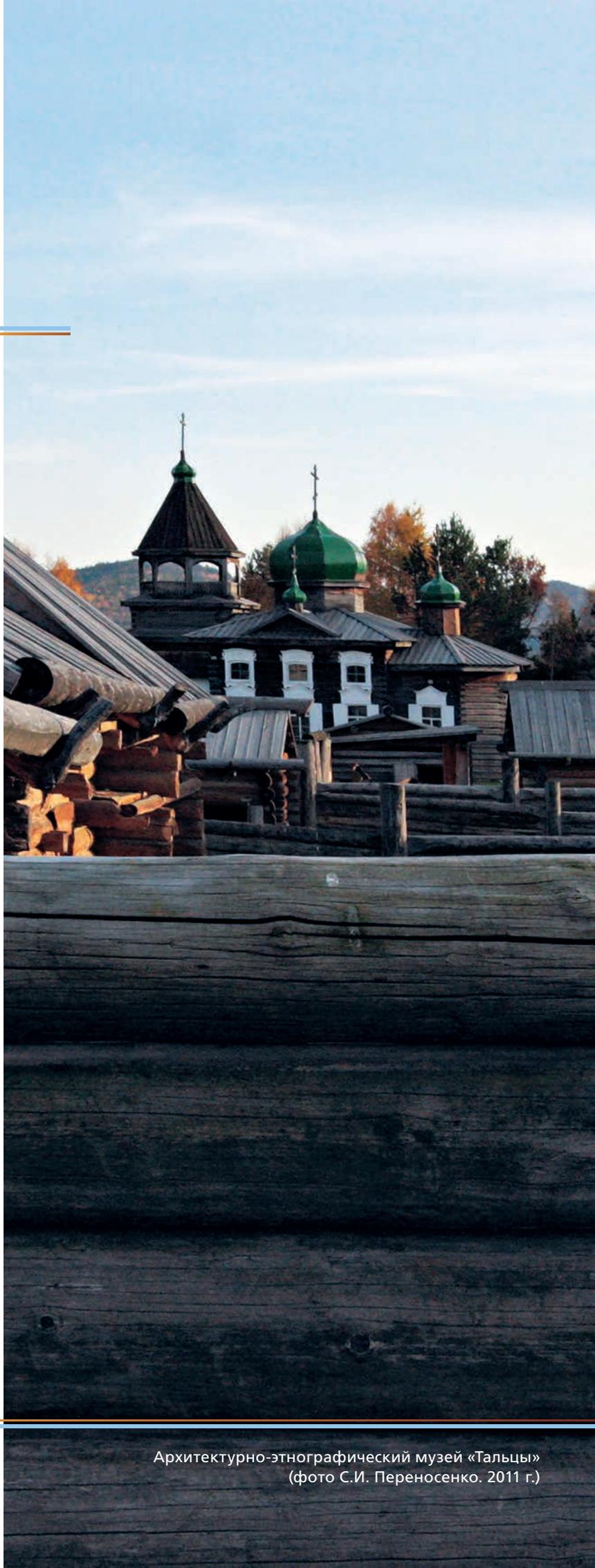

- **ВАЛЕНТИН РАСПУТИН:
УРОКИ РУССКОГО**

Валентин Курбатов

- **С МИЛОЙ РОДИНОЙ НАЕДИНЕ
Из книги «В полушаге от звезды»**

Анатолий Змиевский

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН: УРОКИ РУССКОГО

Фото из архива издательства. 2008 г.

Валентин Курбатов

7 июня 2013 года Валентину Григорьевичу Распутину была вручена Государственная премия Российской Федерации за выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности.

Валентин Григорьевич Распутин — всемирно известный русский писатель, автор талантливейших произведений, таких как «Последний срок», «Деньги для Марии», «Уроки французского», «Живи и помни», «Прощание с Матёрой», «Дочь Ивана, мать Ивана», альбома очерков «Сибирь, Сибирь...» и др.

От всей души желаем творческих успехов, а главное — многая лета, многая здравия, Валентин Григорьевич!

Этим летом мы встречались с Валентином Григорьевичем и была достигнута договоренность о том, что в ближайшее время в «Иркутском Кремле» будет опубликовано интервью с писателем. А пока предлагаем вашему вниманию очерк Валентина Курбатова о поездке с писателем в его родные края, в деревню Аталанку.

Редакция альманаха
«Иркутский Кремль»

***
Мы собирались этим летом с Валентином Григорьевичем в Аталанку, с которой он писал свою горькую «Матёру». Двадцать лет назад я писал о нем книжку и уже тогда мечтал навестить, но всё не выходило. А вот теперь, кажется, поедем.

В первый же день по приезде дома у Валентина я натолкнулся на «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского. И оттого, что приехал в Иркутск тотчас после Пушкинского праздника в Михайловском, заглянул еще «горячими глазами» в знаменитую Пушкинскую речь Федора Михайловича. И еще не дойдя до нее, споткнулся о страницы, которых прежде не знал. Это было «предисловие» Федора Михайловича к своей «Речи», писанное много позже, когда его уже отобнимали и славянофилы и запад-

ники. И он вдруг смутился западническими-то объятьями и решил договорить им в лицо то, чего не было в «Речи», и уклонился от примирения, объяснив, чем ему чужды эти русские «европейцы». Он «раздел» их программу от передовых украшений и написал самую суть, и прочитайте-ка! Ведь мы сейчас слово в слово эту оскорбительную программу выполняем, будто она вчера принята Госдумой и утверждена Советом Федерации.

«...Мы намерены образовать народ наш помаленьку, в порядке и увенчать наше здание, вознеся наш народ до себя и переделав его национальность в иную, какая там сама наступит после образования его. Образование же мы оснуем и начнем с чего и сами начали, то есть на отрицании всего прошлого и на проклятии, которому он сам должен предать свое прошлое. Чуть мы выучим человека из народа грамоте, тотчас же и заставим его нюхнуть Европы, начнем обольщать его Европой, ну, хотя бы утонченностью быта, приличий, костюма, напитков, танцев. Словом, заставим его устыдиться своего прежнего лаптя и квасу, устыдиться своих древних песен и, хотя из них есть несколько прекрасных и музыкальных, но мы все-таки заставим его петь рифмованный водевиль, сколько бы вы там ни сердились на него. (Как тут не заметить в скобках, что мы уж один рифмованный водевиль и поем, даже в самом прямом смысле: «Кошки», «Нотр-Дам де Пари», «Чикаго». — В. К.) Одним словом, для доброй цели мы многочисленнейшими и всякими средствами подействуем прежде всего на слабые струны характера, как и с нами было, и тогда народ — наш. Он застыдится своего прежнего и проклянет его. Кто проклянет свое прошлое, тот уж наш. Если же народ окажется не способным к образованию, то и «устранить народ».

...Не можем же мы, приняв наш вывод (а перед этим говорилось о единстве и красоте народа. — В. К.) толковать вместе с вами, например, о таких вещах, как *Le Pravoslavie* и какое-то будет бы особое значение его. Надеемся, что вы от нас хоть этого не потребуете?» (А-а! Чувствуете, какая в этом пропасть иронии — «хоть этого не потребуете?» — В. К.)

Я, конечно, немедленно кинулся читать это Валентину. А он только устало сказал: «Не надо!» Да я уже и сам понимал, что не надо. Нечего рвать сердце, которое все это знает и устало болеть. Устало подчеркивать страницу за страницей и отложило книгу. Я ведь тоже все это сто раз знал, и резануло только вот

это Le Pravoslavie. Через губу названное по-французски, как что-то дикое, о чем уж и говорить неловко.

Нынешние-то вроде похитрее, и сами нет-нет про храм скажут, про пресловутую «дорогу к храму», которую им так бы и хотелось оставить дорогой — без конечного пункта. Но в глубине души они тоже посмеиваются над русской (прежде всего над русской) церковью, имеющей «как будто бы особенное значение». И с этой стороны мы только-только принялись выполнять европейскую программу «остранения» родной церкви, перевода ее в «культурные институты».

И я уже старался беречь Валентина, «не заводить» его на эти темы. Все мои вопросы и все ответы на них были в его тяжком молчании, в его горьком вздохе: «Ничего не хочу писать. Не могу. Не верю. Надо запереться где-то. Где? Долго молчать, ничего не видеть. Может, тогда что-то вернется».

Но вместо «запереться» я уговорил его немного поездить — иногда это равно «запереться». И потом, в поездках на Байкал, «на Внутреннее море», на Ольхон, в Аталанку я старался не теревить его, а все думал, как успокоить, обрадовать, вернуть чувство света.

В Листвянке это было сделать трудно. Там уж «Европа разгулялась» — отели и бары. Даже и часовня чья-то частная глядит на Байкал. «Мы, было, сунулись с кем-то, — говорит Валентин, — нас отшили: туда нельзя». Приватизированный Господь. Бог как домашний адвокат, как агент «по духовным поручением». Le Pravoslavie. И Александр Вампилов, утонувший тут в створе Ангары (для Валентина уже навеки Саня), глядит теперь с памятного знака на достраиваемый перед его глазами отель высокого класса, и улыбка его теряет всегдашний свет, выгорая в иронию. А все население только, кажется, и занято, что сувенирами всех сортов, продавая «богов и духов Байкала», пустую бижутерию и лженародные промыслы. Таиланд, а не «Славное море».

Зато как же была прекрасна поездка на Ольхон!

Бурятские степи долги и чисты. Нет-нет — стада: коровы, овцы... Одиноким всадник долго, недвижно едет в высоких травах, ястреб висит

в жаркой тишине выцветшего неба, толстый суслик удирает с космической расторопностью, проклиная нагулянный жир, и почти застревает в норе. А там лиственничная тайга — яркая, молодая в озерах жарков, которые веселым огнем зажигают поляны.

И поля, поля есть! — обихоженные, приоткрытые. Деревни вздыхают под солнцем от разошедшей жары. И тоже не безлюдные.

— А-а! — кричу я Валентину. — Жива, жива земля-то!

Он улыбается моей радости, но не торопится делить ее, потому что знает, что за этой спасающей мир красотой. Он не только из окошка на них смотрел. Но видно, что гордится красотой родных мест. И когда я изо всех сил карабкаюсь на вершину над Байкалом с тригонометрической вышкой на ней, обвязанной цветными тряпочками как языческий идол, он идет следом (хотя ему после больницы и не надо бы таких нагрузок), чтобы разделить радость.

И смотрит, смотрит на Байкал. Не уходил бы. Но его узнают забравшиеся в эту высь студентки, и он нехотя спускается вниз.

А когда возвращаемся уже виденной лиственничной тайгой, он вдруг вспоминает, как однажды в Тофаларии, куда ездил в командировку, когда краткое время работал на Иркутском телевидении, спасая от жестокого похмелья местного охотника, за неимением в магазине ничего другого, взял ему бутылочку тройного одеколлона. В благодарность тот поднес ему медвежонка. Валентин спрятал его в сумку, чтобы провезти в поезде тайком, но тот в темноте не усидел, и весь поезд кинулся кормить его. А уж потом бедокурил на телевидении, потому что из дому его быстро выставили, пока не появилось начальственное распоряжение «избавиться от медвежонка Распутина», будто это была фамилия медвежонка. Ну и, конечно, тут же, как всегда фантастические в Сибири, рассказы о рыжиках и бруснике в количествах, которым нет измерения. И о том, как в детстве он ловил руками бурундуков (их можно было сдавать, и за них немного платили, можно было купить поесть — про голод в «Уроках французского» все правда). И о покосах с дядей, за которые тоже платили, но дядя все пускал на

тарасун (этим бурятским словом звалась самогонка).

И опять степь, степь, большие деревни, поселки. И нигде ни церкви, ни дацана. Как только заметил это, душа уже ищет, за что ухватиться, и красота делается темновата. Только уж перед Иркутском мелькнет малая церковь, и соберет сердце, а там иркутские храмы выйдут к Ангаре в звонкой красоте — и все встанет на место.

* * *

А через день, слава Богу, — в Аталанку... Опять мимо парада храмов над Ангарой, мимо Знаменского монастыря (Господи, благослови!), мимо бронзового Александра Васильевича Колчака (последняя работа покойного Вячеслава Михайловича Клыкова), тяжелым черным ангелом в накинутой шинели высящегося над малой речкой Ушаковкой, под лед которой он, расстрелянный, и был опущен.

Над Ангарой туман стеной. И над дорогой, чуть низина — тоже. Ни земли, ни неба.

— Что-то рано, — говорит Валентин, — обыкновенно такие туманы бывают в наших краях в августе.

В районной Усть-Уде мы должны пересечь на «Метеор» — другим способом в Аталанку не доберешься. В прежние годы выручала авиация. Да где они, эти прежние годы? Ангара нет-нет призрачным тяжелым оловом подступит к дороге, и опять нет. В Усть-Уде тотчас полетели к новенькому деревянному Богоявленскому храму, срубленному на диво ладно и весело. Там должен был ждать священник, с которым мы договорились вчера. Батюшка, отец Алексей Середин, переплавляется сюда с другой стороны Ангары на пароме. Он строил этот храм и сейчас служит здесь. Он радостно благословляет Валентина, который помогал собирать деньги на эту ненаглядную церковь, благословляет и нас, и поселковых прихожан, сошедшихся, узнав о приезде Валентина, к службе.

И внутри храм чудно хорош — высок, светел, праздничен чистотой стен, новым алтарем прекрасной работы, самым предчувствием молитвы. Послужили водосвятный молебен и панихиду. Окропились святой водой, попили на дорожку, с батюшкой поговорили. А «Метеора» нашего так и нет. Позвонили в Иркутск. «Вы-

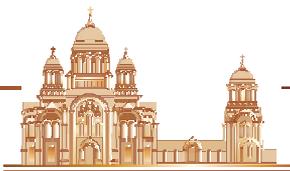
шел, — говорят, — с большим опозданием из-за тумана и будет разве к вечеру».

И мы уж, было, запечалились, но глава администрации Усть-Уды скоро связался с кем-то, и нам нашли просторный катер, который скоростью не чета «Метеору», но «часа за четыре, — как нам сказали, — до Аталанки добежит».

И уже уходила назад наша Богоявленская церковь на мысу — теперь золотой маяк для «странствующих и путешествующих». И вставляли над ширящейся Ангарой похожие друг на друга села одного возраста — новые Матёры, вышедшие из вод после затопления Братского водохранилища.

А Валентин все искал по очертаниям берегов канувшую в воду старую Усть-Уду. Он учился здесь в средней школе, где французскому учила его Лидия Михайловна Молокова, не показывая в классе, что первое время, как писала она впоследствии в письме местному музею (и честь ей и слава, что не скрывала этого), «плакала по ночам и проклинала день и час, когда сошла здесь с парохода». Но начинался день, и она была легка и молода, как подлинная француженка. И никто не видел ни слез, ни проклятий, а только любовь и счастливое служение. И вот писатель все перепечатывает «Уроки французского», которые она (не странно ли?) впервые прочитала в Париже, где по культурному обмену преподавала студентам уже русский язык.

И рассказ все ранит слышащее сердце. Валентин вспомнил тут, как во Франкфурте на книжной ярмарке, где они были с Юрием Трифоновым, тот однажды сказал, что только что видел Виктора Некрасова. Сказал с опаской (годы были еще те), а Валентин уже бежал искать, потому что любил некрасовскую прозу, но Виктор Платонович ушел. И Валентин только передал для него уже радостно надписанную книгу. И однажды получил в Иркутске заграничную посылку с невнятным социал-демократическим адресом. Там были яблоки, как те — из «Уроков». А скоро через третьи руки узнал, что посылка была от Виктора Платоновича (даже и адресом его защитил). Тогда еще писатели умели окликать друг друга через границы с нежностью людей, одинаково знавших страдание и любовь.

Молодой заместитель мэра из Усть-Уды, взявшийся сопровождать нас, показывает место прежнего поселка с этим же именем, и Валентин всматривается в воду, словно это другая вода и она вернет ему детство и любимую школу, в которой учился, как скажет позже, «с каким-то восторгом». И уж пионером был так пионером. «Все пошли в кинотеатр на «Молодую гвардию», а я, как на грех, тройку получил и серьезно спрашивал себя — имею ли я право смотреть этот фильм». Не мудрено, что у него в аттестате были одни пятерки.

...Мыс за мысом, как театральные кулисы, открывают все новые берега и поселки. И, слава Богу, мелькают молодые поля, расчатые в тайге по берегам, и молодой заместитель только успеваешь рассказывать, что здесь один коммерсант сеет пшеницу и по осени недорого продает ее по прибрежным селам. Пока себе в убыток, но и его катер, на котором мы плывем и на котором он развозит лес, пшеницу и что придется, тоже вначале был в убыток, а сейчас приносит хорошие деньги. А другой предприимчивый человек разводит кроликов прямо в тайге, без клеток, и скоро тут будет совершенная Австралия. Да и сам-то наш рассказчик, оказывается, держит семьдесят семей пчел и крестьянскую работу знает не понаслышке.

Жива, жива земля! Валентин если не ободряется, то глядит пристальнее и спрашивает, спрашивает. А потом уже и не уходит с палубы: «Вот сейчас будет Верхняя Речка, там Аталанка и Нижняя Речка».

И мы тоже глядим не отрываясь. Вот, значит, где она была — заболевшая во всяком русском сердце тридцать лет назад и не отпустившая и сейчас Матёра. Елки стоят вольно по прибрежной поляне. Там и там бревна, вынесенные Ангарой. Гора щебня высится у реки. Раньше, говорят, был леспромхозовский, теперь ничей. У дебаркадера плещутся ребятишки — только звон стоит, горит костерок, у которого они отогреваются. Почему-то много веснушчатых.

Валентина встречает директор новой школы, построенной опять же его стараниями, его настойчивостью. Тут же еще кто-то из учителей и просто любопытные.

— Чего, — спрашиваю, — конопатых-то так много?

— А это у нас мух много. Засидели.

— А-а, а я уж думал, один какой герой сыскался, откликнулся на президентский призыв, построил это войско. Хотел взглянуть.

Но поднялись от пристани, и стало как-то не до шуток. Разбитые глинистые, страшными бороздами высохшие улицы. Боязно представить их в дождь. Посередине, видно, несутся по весне, да и при всякой грозе ручьи, намывая глубокие грязные русла, забитые чем попало. Жалица выперла кустами там и там, остатки плах тротуара, недорастащенные на дрова, пылятся реденько.

Классы пока пусты — не обжились. Учительницы иностранного языка давно нет. («А пошлешь учиться своих — не возвращаются, так что потом с нашим образованием никуда не сунешься».) Где Вы, Лидия Михайловна?

А скоро переходят на глобальные заботы — дров нет. Кто подвезет? Кто напилит? Свет дают два раза в день на три часа — что успеешь? (Как в скобках не подивиться — ведь село-то утопили для всеобщего света, для Братской ГЭС.) Телефон работает плохо. Мобильники здесь не заведешь — связи нет. («Придет час родить — пока вертолет вызовешь, десять раз родишь».) «Улицы бы подровнять — не пройти». Понемногу подходят другие люди. И тоже — дрова, свет. Одна надежда — «приедет коммерсант».

Валентин слушает терпеливо, молчит. Он уже знает, что им недовольны, что им не школа нужна (словно он этой школой к месту прикрепляет, тогда как они душой уже снялись), а мосты, дорога, телевизор не с одной программой. О школе (что ее открывают) его и известили в Москве за два дня, когда хоть на самолете до самой Аталанки лети — не успеешь.

Горечь его уже было попритихла, а тут опять обострилась. И он уже не удерживает боли: «Может, и сами что-то сделаете, без «коммерсанта», не все готового ждать». Они тут же сминают разговор. Не любят у нас, когда напоминают: мол, что-то надо и самим делать.

Уходим с пылающей улицы (все дни стоит жара) в его избу. И прямо с порога я вижу: вот, значит, как обряжала материнская Дарья избу свою в последний путь, прежде чем ей уйти под огонь. Стены и потолок побелены с синькой (не

штукатуренные стены, а прямо по дереву) светло, празднично, и как-то беззащитно. Мы с мамой тоже, бывало, вот так же подсинивали побелку и очень любили первые три дня глядеть на этот голубенький небесный свет. Зеркало на комод, рамка с фотографиями родных на тумбочке, Спаситель в углу. Икона новая, а остальное — материнское, ранешное: печь, заборка, занавески... Будто устояла изба — не сожгли. Хотя жизнь в ней и потеснилась. Сижу, гляжу с какой-то радостной подавленностью: ах, Матёра, Матёра... Такую красоту, такую вечность погубить! И надеяться, что потом будет счастье и «прогресс». Будет, будет прогресс, а души уже не будет.

Как там мучился в повести сын Дарьи Павел? Вроде и мать права, и сын его, который рвется в город, прав, и даже Клавка-баламутка, кричащая, что навозом заросли, права. Как, действительно, без ГЭС, как стране без энергии? И вот ушли молча, жертвенно целые города, прекрасные Вёсьегонски и Мологи, тысячи сел, кладбищ, материнской земли, памяти и счастья. И мы бы так и загоразивались нуждами государства и естественностью развития, если бы однажды русский художник не открыл нам на судьбе единственной деревни, что это, оказывается, такое — «естественность» развития, как выжигает она стократ больше, чем создает. И каким палом идет по душе и истории. И вот за Матёрой неизбежно ушла под воду забвения целая страна Советов со всем, что нажила и надумала. А мы и не спохватились, хотя она нажила и надумала не одни низости, а и великий духовный опыт. Привыкли. И думаем, что вперед идем, только иногда внезапно отшатываясь от зеркала, потому что не можем узнать себя. Поем «рифмованные водевили», стыдимся своего «кваса и лаптя», не заметив, как из русских людей незаметно стали персонажами рекламных щитов и роликов, живущими «здесь и сейчас» и жаждущими получить «всё и сразу», как материнские Петрухи и Клавки, норовящие обогнать жизнь.

Один из товарищей Валентина по Иркутской писательской организации тогда точно почувствовал печальную глубину и даль написанного Распутиным, воскликнув по прочтении: «Ну, что же — прощай, Русь!» Не Матёра, а

именно Русь, какой ее любил и знал, надеялся и не мог уберечь писатель.

Потом было только развитие «темы», договаривание, «зачистка территории» (если уж оглядываться на нынешнюю терминологию, в которой и свет леса — только «зеленка»). Потом были только следствия гибели Матёры.

Мы пропустили эту книгу, свели к «экологии», «повороту рек», злодействам Минводхоза. А тут было что-то общенациональное, а, может, и мировое, чего мы не осознали тогда и еще не осознаем теперь. Тогда еще было к чему привиться, что удержать. Теперь всякая прививка — уже только «литература». Всякие нынешние толки о «возрождении» напрасны. Они только пустая терапия и самообман ленивой души.

...Пошли на кладбище. За деревней было то самое летное поле, куда в иные дни садилась усть-удинские, а то и иркутские самолеты. И сейчас еще луг чист, наряден, цветаст, волен. Ангара внизу нежится под вечерующим солнцем. Тайга за рекой выглядит чистой и прибранной. Забор, ограждающий бывший аэродром, давно унесен на дрова, но столбы еще чисты и только ждут печки. Хуже, что и забор вокруг кладбища наклонился, а где и повалился, хотя Валентин говорит, что он был ставлен предшествующим главой администрации совсем недавно. И его и починить — деревне на час работы.

Поклонились бабушке, брату, дедушке Валентина. Другие Распутины тут. И Пинигины, чью фамилию он отдал материнской Дарье.

— Дед расчищал это кладбище. Когда объявили о затоплении, на старом кладбище хоронить запретили. И дед первый лег сюда — тогда далеко от деревни на горе, словно на выселках.

Памятник на могиле странный, под стать ушедшему времени: в основании пирамидки сварная звезда, а в саму пирамидку будто вписан крест — поди разбери смешавшееся время. Поискали тетку Улиту (кто помнит у Распутина рассказ, названный ее именем, поймет, как нам хотелось поклониться ей). Не нашли. Заросло кладбище — сущий лес.

Обратно шли медленно. Не хотелось расставаться с этим лугом, вечером, Ангарой. В неуютную деревню не хотелось, в эту времен-

ность, к этим забытым избам и острому чувству заброшенности.

Мы ночевали на катере. Валентин оставался дома. Предложил и мне: «Оставайся. Место есть». А только я знал, как нужны душе одинокие часы в родительском доме. И не решился. А потом все корил себя. Хорошо, коли ты дома один, а набегут опять «обвинители», «искатели правды» или давние его знакомцы, которые раз помогли малую работу сделать, а потом уж каждое утро встречали его, как галки на заборе: «Ну что, Григорьич, похмелимся?»

Видя, что катер не уходит, опять потянулись разбежавшиеся было к вечеру ребяташки. И тут уж пошло представление для нас. И ныряние головой и «солдатиком», и плавание так и этак. Потом приходят ребята постарше, толкаются на дебаркадере, «незаметно» стараются поддеть ногой причальный канат, чтобы катер «оторвался». А потом уж выпившие пошли, любопытно и почему-то зло поглядывая на нас. Командир катера предлагает уйти ночевать на ту сторону. «Разойдутся — не удержишь». Мы отходим, и Аталанка отступает, расходится по берегу вширь и уже кажется обжитой и почти уютной.

...А утром, утром! Туман такой — пня, к которому мы причалились, не видно. С носа чуть видишь корму. Боязно и думать, чтобы отойти от спасательного берега. Но там, в Аталанке, ждет Валентин. Он точен — подойдет, а нас нет. Пошли. И через пять минут ты уже понимаешь мечущегося в «Матёре» на последних страницах повести председателя, растерянного моториста катера, притихшего Павла: где деревня-то?

Мы идем, кажется, уже очень долго — у тумана свое время. Я вглядываюсь в кильватерный след, и все мне кажется, что мы уваливаемся не туда. Иду к капитану. Он спокоен: «Не бойсь! Вон у меня «телевизор» над рулем — я след вижу».

Выхожу на палубу и опять тревога. Долго идем. Хоть кричи: «Матёра! Матё-о-ра!» Валентин остался там. Словно в своей повести. Со старухами. С великой земной Дарьей в прибранной, как перед кончиной, избе.

Теперь время, как злая вода, летит на него. Ложе духовного опустошения приготовлено.

Все сожжено и повырублено — пора пускать новую воду, и она уже кипит и бесится в литературе, несет в мутном потоке остатки идей, обломки традиций и преданий, кресты брошенных кладбищ. А он с Матёрой стоит на пути, не верит обещаниям нового времени, изо всех сил держит то, что считал честью и светом, Родиной и правдой. Надо или рубить его, как не дающийся в его повести листвень, или обойти.

Медленно, словно нехотя, выступил из тумана причал, чуть читаемое «Аталанка». Хорошо, что мы подошли пораньше и можно еще раз пройти по деревне, встретить Валентина. Петухи заполошно прорезают туман, чтобы не потерять друг друга. Коровы лежат среди улицы как тяжелые камни. Туман не прикрыл, а только подчеркнул бедность. Ни души. Будто село и правда опустело перед затоплением.

Валентин собирается. «Чаю бы попить, да свету нет. Через час дадут».

Школа выступает из тумана каменной случайностью среди дотлевающего дерева. «Дом кул...» (дальше оборвано) глядит пустыми разбитыми окнами. Какой-то мужик «со вчерашнего» выбрел из ворот, заспанный, измятый: «О, Григорьич!», как будто и не поверил себе — «не допился ли?»

— Ты смотри, чем топлю. Вот что дождь по канаве принесет, то и ловлю. И ноги боюсь изломать в канаве. Ты скажи там.

— Скажу, скажу. Торопимся мы. Пока.

— Напиши, кому надо.

— Напишу, напишу...

А мужику только спуститься метров пятьдесят к Ангаре, и ему дров хватит до конца дней — столько там навалено лесу по берегу. И гравию гора до небес — все улицы Аталанки можно заровнять до районной глади.

— Хорошо, что ты вчера не остался. Все равно пришел мой дядя Роман с женой, и мы под молоко еще про то же поговорили. Нового бы не услышал. А туман-то... Опять без «Метеора» будет деревня.

Виднее не делается. Но теперь уже спокойнее. И так в тумане и отошли. Только уж на третьем часу хода стало нет-нет проступить предчувствие солнца. А Усть-Уда, как и ждали, вышла уже полной свечой колокольни родной ему теперь Богоявленской церкви.

И вся обратная дорога до Иркутска была прекрасна. Ангара лежала (не текла) вольно, широко, радуясь простору и высоте неба. Но сердце почему-то не отвечало этой радости. Будто Аталанка все в спину смотрела. В «Прощании с Матёрой» тоже есть это небо, эта Ангара «в солнечном сиянии», которую видит Дарья, но мысли автора не светлы: «Прекрасна, значит, земля, если так красиво и жутко небо. Остановят Ангару — время не остановится, и то, что казалось одним движением, разойдется на части. Уйдет под воду Матёра — все так же будет сиять и праздновать ясный день и ясную ночь небо <...>».

И билась, билась короткая и упрямая, обрванная мысль: течет Ангара и течет время...

И хотелось с чем-то спорить, доказывать свое, зная даже, что правда не твоя».

А теперь вот и спорить не хочется. И усталость писателя понятна. Время не остановилось. И то, что казалось «одним движением, разошлось на части». Но разве кого это остановило и умудрило? Кончилось «единое движение». Части научились выдавать себя за целое. И мир изо всех сил убеждает тебя, что «правда не твоя», что все, что ты оплакивал и старался удержать, должно было уйти.

И вот ушло. И писатель умолк, потому что реальность оторвалась от корня и забыла себя и свое. Я не напоминаю ему о горьком прогнозе Достоевского, но сам не могу унять сердца. Неужели «единое движение» кончилось навсегда?..

Фото: www.mirror03.lensart.ru

С МИЛОЙ РОДИНОЙ НАЕДИНЕ

Из книги «В полушаге от звезды»

Анатолий Змиевский

* * *

За посты и за монеты
бьются партии людей.
А в природе — ветер лета,
а в природе — зимовой!

А в природе всё как было:
тянут ляжку муравьи,
от любви к воспетой милой
умирают соловьи.

Бродят в мёде хмель и благодать.
Выпив залпом день за днём,
сладко яблоневого август
спит, хранимый сентябрём.

Дождик, с осенью прощаясь,
сыплет частою слезой,
на лету преображаясь
в звёзды белые с искрой.

И, заснеженных обочин
вековые сторожа,
не смыкают клёны очи,
верно родине служа.

Заблудившаяся в поле
одинокая сосна
первой видит, как в подоле
март выносит в мир весна!

* * *

Вьюга в последнем плясе
рухнула на поляну.
Масленицей промаслен,
март бесшабашный грянул.

Март — озорной повеса,
март — шумливый гуляка.
На вербные запахи леса
весело лает собака.

Ветер сиреневый воздух,
словно младенца, носит.
Весенние мокрые звёзды
сыплются девам в косы.

Когда-то в белой палате
— может быть, и не зря —
в таком же прозрачном марте
на свет появился я...

* * *

Почек узилища с листьев срывает
май-чудотворец, май-солнцеслов.
В пену зелёную с шумом взбивает
северный ветер хворост кустов.

Здравствуй, соболе короткое лето:
мордочка — осень, а хвостик — весна.
Только три месяца тёплого света,
лёгких одежд, настроений, вина.

С сопки таёжной смотреть просто страшно:
дикий пейзаж несказанно красив!
К Богу с вопросом пристать бы отважно,
да невозможно у Бога спросить,

что напевал, создавая такое,
чувства какие испытывал Он?!
Словом одним Его, что там строкою,
каждый поэт на земле посрамлён!

Глаз не хватает для этих приволий,
празднична скатерть холмов и низин.
Это ль не чудо, не дивная доля —
видеть и солнце, и зелень, и синь!

С вестью немислимой, невероятной
остро предчувствую с неба гонца!
Явится он, и планеты нарядной
тайна откроется мне до конца.

Сердцем волнение овладевает:
звон и мурашки пошли по крови...
Может быть, так перед смертью бывает,
может, бывает за шаг до любви.

и нарезала серых прутьев
для скорой сечи непогода.

И заливала бледность лица
отхороводивших берёзок,
и жизнью правящий возница
мне намекнул о «бабе с возу»...

Земного мира посещение
есть лишь возможность молвить слово
да проследить за превращеньем
себя живого в неживого.

* * *

Прими меня, осень, в объятья:
на мне, как на клёнах вокруг,
горит золотое проклятье
твоих обжигающих рук.

Нет смысла на жёлтых газонах
зелёные стебли искать,
как нет никакого резона
отбивших во мрак окликать.

С деревьев срываются листья,
и листья за Лету несёт.
Срывается с губ гитариста
романс уходящих красот.

Ах, осень! Твой пламень закатный
дарует блаженство и боль,
бессмертия голос невнятный
смешав и смертельную хворь.

Горчит на устах гитариста
осенний романс, и горчат
на сердце опавшие листья,
и утки прощально кричат.

Безжалостны осени руки,
но и чудотворны они.
Сулят избавленье от муки
её золотые огни.

Покуда душа не устала
и рано о чём-то жалеть,
хочу, как закат этот алый,
красиво и быстро сгореть.

* * *

Он был высок, и худ, и сед,
в пальто заношенном из драпа...
Напоминали робко, слабо
о том, что мир жестокосерд,
у ног его футляра и шляпа.

То хохот слышался, то всхлип —
усердно скрипка побиралась,
но в шляпе с близстоящих лип
одних лишь листьев прибавлялось.
Был этот вечер синь и ал,
ухмылкой улица кривилась.
Чем веселее он играл,
тем мне печальней становилось.
Тем нестерпимей — как ножом! —
он вёл смычком по голым чувствам,
и наблюдали звёзды грустно,
как грело пальцы над костром
холодной осени — Искусство...
Разменных несколько монет.
Футляр, обвязанный шпагатом.
И брань. И скромный комплимент,
произнесённый виновато.
Ступила ночь на тротуар —
таинственнейшая из женщин...
Как некогда репертуар,
бродяге снился бакалейщик.
Как месяц в зеркале реки,
успел укором отразиться,
в знак подтвержденья горьких истин,
в далёком небе жест руки,
из шляпы вытряхнувшей листья...

* * *

Не цыгане луну украли,
чтоб потом обменять на коня;
ветер попусту в поле скандалит,
лунокрадов ярясь догонять.

Кто в том поле? Лишь поздняя осень
от усталости валится с ног,
лижет иней обрывки колосьев
и промёрзшую кожу дорог.

Мрак полночный, тугой от мороза,
чёрный дым повенчав с серебром,
режет шею раздетым берёзам,
заплетаясь на них узлом.

Ветер, с яростью злобной собаки
мрак таская за мёрзлый обшлаг,
призывает луну, но во мраке
он находит один только мрак.

И я тоже растерян и взвинчен:
я впервые без света живу!
Как детёныш кормилицу кличет,
я луну, надрываясь, зову.

Взгляд беснуется зверем в капкане,
рвётся к ней! — волк бы лапу отгрыз!
Не украли луну цыгане —
тихо кончилась лунная жизнь.

* * *

Бледный, будто заболевший,
месяц морщится щекой.
Тополь, странник охромевший,
с бедной нянчится ногой.
Занедужила природа:
лес — холодный лазарет.
Из-за скверного ухода
умирает синий свет...
Но не вечна в небе туча,
есть такая из примет:
чем темнее ночь тягучая,
тем прекраснее рассвет.

Ничего не станет с клёнами,
обступившими мой двор,
и не век ольхе зарёванной
горько биться об забор.
Ничего не станет с вишнями,
знают точно журавли:
боль осенняя — к Всевышнему
самый краткий путь с земли.

* * *

Что Речь? — на то у немоты
спроси ответа.
Ищи в пучине темноты
разгадку Света.

Две тайны — слова и огня —
влекут поэта.
Раскрыть пытаюсь тщетно я
и ту, и эту.

У Бога воздуха прошу,
за грудь хватаюсь,
ведь я пишу не как дышу —
как задыхаюсь.

На солнце бабочка летит —
прижаться к раю,
но, не покрыв и полпути,
дотла сгорает...

* * *

Сникает буря, иссякает дождь,
усталость сваливает с ног туманы,
крест рассыпается, ржавеет гвоздь,
но дух — нетленен! Я не перестану
молиться на зари иконостас,
весь золотой, малиновый, червонный,
на русский под гармошку свистопляс
и русский плач, с трактиром обручанный.
На неприглядные трущобы дня,
на замок ночи в звёздах и салютах,
на люто ненавидящих меня
и любящих меня настолько ж люто!
На листопады расписных платков,
незыблемую черноту заборов,
на белые соборы облаков
над облаками белыми соборов!
Мне русская заря — иконостас,
иконы — женщины с Россиею во взгляде,
и если это всё меня предаст,
я не предаю из этого ни пяди.

Я, даже сбитый с ног, на том стою,
шепча: от ненавистников веками
за камнем получающую камень,
Господь, помилуй родину мою...

* * *

В небе звёзды без устали крестятся.
По холму полосой золотой
протянулась янтарная лестница
до берёзы под снежной фатой.

Разнаряжена знатно красавица,
отовсюду, как церковь, видна —
в синем блеске, в серёжках мерцающих
и в причёске короной — луна.

Этот вечер — как счастья предтеча...
Рой снежинок шалит на лице.
Зажигаются взоры, как свечи, —
мой и родины в белом венце.

Звёзды блещут, искрятся и — крестятся!
И к берёзе под снежной фатой
я бегу по сияющей лестнице,
отуманенный красотой!

* * *

Перемешались лики и личины,
переплелись в сумятице веков
чистосердечность криков петушиных
с коварством сатанинских хохотков.

Успешно обезбоженное небо
не представляет ценности для глаз,
желудку повинующихся слепо, —
и бесы тут как тут и в самый раз.

Над храмом, над пропившимся бараком
их аспидные шёпоты шуршат:
«Нет Бога! Всё позволено!» Однако
с безбожьем не смиряется душа.

Душа бежит на звёздные молебны,
лишь красным звоном выплывет закат
из заповедных заводей и вербным
дымком окурится дорожка в старый сад,

где хорошо грустится в одиночку,
с нектаром спутав горечь на устах, —
ещё в плену телесной оболочки,
уже среди ангелов на небесах.

* * *

Я всё тот же, я сердцем всё тот же.
Постарел, но покуда не стар.
Холодок пробегает по коже,
но в груди тлеет тихий пожар.

Дух мой реже парит, а не ниже,
только вот что случилось с пером:
стали мелочи жизни мне ближе
вечной тяжбы Добра со Злом.

По-иному открылось мне Божье.
На земле, от вершин и до дна,

лишь блаженство одно невозможно,
но и боль невозможна одна.

Был расхристан, осмеян, унижен,
был одарен, уважен, прощён;
Русью был в арестанты пострижен,
Русью был и во храме крещён.

Пил вино, зацелованный горем,
пил зарю, не спеша отцветать;
опускался в душевном раздоре
и проваливался в благодать.

Есть вода в стихотворном узоре,
но купалось перо и в крови;
Русью был я распят на заборе,
Русью был и утоплен в любви.

Между падших пройдя и полёгших,
меж смиренных и злобных пройдя,
я всё тот же, я сердцем всё тот же —
куст черёмухи после дождя.

* * *

Не то лелея и любя,
мы на земных своих дорогах
не Бога ищем, а себя,
к себе стремимся, а не к Богу.

И потому покоя нет
рабам гордыни и не будет:
призывы людям шлёт рассвет,
но на закат влачатся люди.

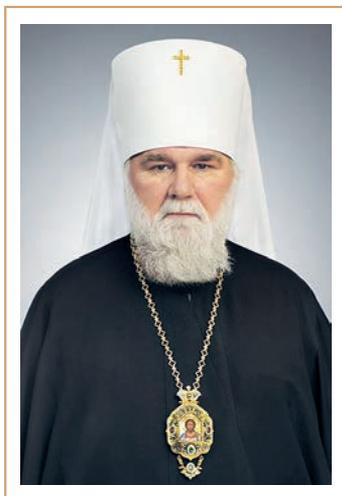
Бог обойдётся и без нас,
как без планетной свиты — Солнце,
а мы без Бога ни на час
и ни на миг не обойдёмся.

Детторы Номера

Памятник создателям кириллической азбуки Кириллу и Мефодию в Москве (фото: blog.pkv.net.ru)

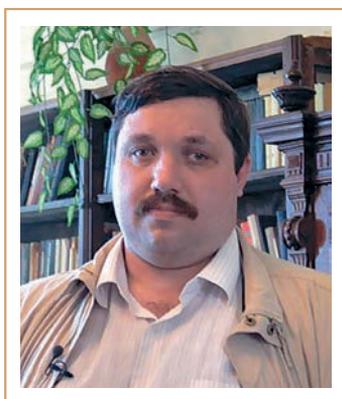

**Митрополит
Иркутский и
Ангарский
Вадим
(Владимир
Анатольевич
Лазебный)**

родился 14 октября 1954 года в городе Губкине Белгородской области в семье рабочего. В 1977 году закончил Одесскую духовную семинарию, а в 1981-м — Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Пострижен в монахи с именем Вадим. В течение ряда лет проходил послушание в Отделе внешних церковных сношений Московской Патриархии, был клириком и настоятелем ряда крупных храмов (в Старом Осколе, Владивостоке, Иркутске).

4 февраля 1990 года хиротонисан в епископа Иркутского и Читинского. С 21 апреля 1994 года — епископ Иркутский и Ангарский. С 1999 года в сане архиепископа. 5-6 октября 2011 года решением Священного Синода владыка Вадим назначен главой новообразованной Иркутской митрополии и временным управляющим новообразованной Саянской епархии. 8 октября 2011 года возведен в сан митрополита.

Научные труды, публикации: Реформа духовного образования в Римско-Католической Церкви в свете решений II Ватиканского Собора (кандидатская диссертация).

**Дмитрий
Михайлович
Володихин**

родился 1 июня 1969 года в Москве в семье офицера погранвойск и учительницы. Окончил исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Закончил аспирантуру МГУ. Доктор исторических наук, профессор. Работает на кафедре источниковедения Московского государственного университета, преподавал также в университете Российской академии образования. Возглавляет

издательство «Мануфактура», заместитель председателя Правления Историко-просветительского общества и член редколлегии альманаха «Историческое обозрение». Основатель и главный редактор журнала «Русское средневековье». Много лет проработал в издательстве «Аванта+» — редактором, заместителем главного редактора, исполнительным директором. Автор более 200 научных и научно-популярных работ — монографий, статей, учебных пособий. Православный. Свои общественно-политические взгляды определяет как государственно-имперские. Является одним из современных теоретиков цивилизационного подхода в российской исторической науке (коллективная монография «Традиция и Русская цивилизация»). В 1999 году стал одним из основателей и руководителей литературно-философской группы «Бастион». Член Союза писателей России. Член Карамзинского клуба. Автор книг «Дети Барса», «Долиной смертной тени», «Добровolec». Лауреат I премии молодых ученых МГУ за 1995 год и Президентской премии в области образования за 2002 год. За критические и публицистические статьи отмечен премиями «Странник» (2000), журнала «Если» (2002), «Золотой Кадуцей» (ЗМ-2002), «Серебряный Роскон» (2003). В 2007 году награжден премией имени Тита Ливия (учрежденной Форумом альтернативной истории) за роман «Добровolec». Живет в Москве.

**Иоанн
Никандрович
Дроздов**

(около 1867 — после 1922)

Сын псаломщика. После окончания Нижегородской духовной семинарии, в 1887 году поступил в Казанскую духовную академию, где выслушал полный курс наук и был удостоен степени кандидата богословия с правом преподавания в семинариях.

С 7 декабря 1891 года по 13 мая 1892 года состоял надзирателем за воспитанниками в Нижегородском духовном училище. 3 марта 1892 года приказом обер-прокурора Св. Синода назначен преподавателем Иркутской духовной семинарии по кафедре общей и русской церковной и библейской истории. 31 января 1899 года рукоположен в сан священника к домовой Михаило-Клопской церкви при приюте для бедных М.А. Сибирякова, где прослужил около двадцати лет, совмещая преподавание церковной истории в семинарии.

Состоял членом Иркутской ученой архивной комиссии при Восточно-Сибирском отделе Императорского Русского географического общества, членом Духовной консистории. Был редактором «Иркутских епархиальных ведомостей» (1904–1916).

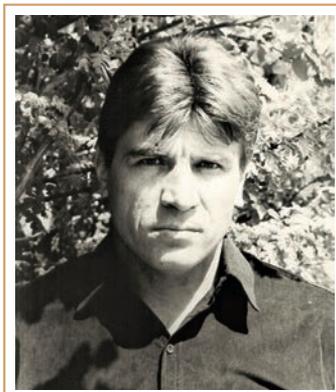

Фото С. Кац. 2013 г.

Награжден набедренником (1899), скуфьей (1900), камилавкой (1903), наперсным крестом от Св. Синода (1905) и орденом св. Анны III степени (1910).

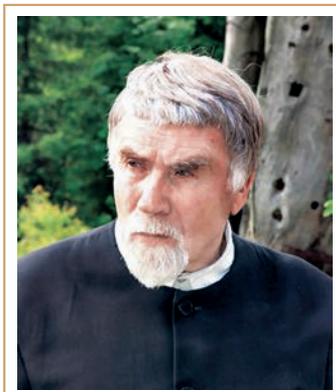
Автор более десяти публикаций в «Иркутских епархиальных ведомостях», посвященных всеобщей церковной истории, истории Иркутской епархии, а также книги о святителе Иннокентии Иркутском (1903).

**Анатолий
Борисович
Змиевский**

родился 17 марта 1959 года в Иркутске. После окончания средней школы № 7 служил в рядах Советской Армии (Воздушно-десантные войска, Ферганская дивизия). Затем учился в ИГУ, на юридическом фа-

культете, но, в силу жизненных обстоятельств, учёбу пришлось оставить. Работал монтировщиком сцены, плотником-бетонщиком, грузчиком, экспедитором, кочегаром, сторожем. В 1991 году стал лауреатом 12-й Областной конференции «Молодость. Творчество. Современность». Стихи пишет с 14 лет. В 1997 году, после издания первой книги стихов «Среди божественного хлама», был принят в Союз писателей России. Автор шести поэтических книг: «Среди божественного хлама» (1996), «Лагерная Русь» (1998), «Звезда Вифлеема» (2001), «Я пришёл из осени» (2005), «Любовные письма» (2010), «В полушаге от звезды» (2012). Стихи печатались в коллективных сборниках и книгах, изданных в Иркутске и Москве. Иркутский композитор Ольга Горбовская написала на стихи вокальный цикл «Драгоценные слёзы».

**Валентин
Яковлевич
Курбатов**

родился 29 сентября 1939 года в г. Салаван Ульяновской области, в семье путевых рабочих. В начале войны отец был призван в трудовую армию на Урал, а мать, оставшись одна, стала пу-

тевым обходчиком на железной дороге. После войны семья переезжает в г. Чусовой. После окончания школы в 1957 году Курбатов работает столяром на производственном комбинате. В 1959 году призван на службу во флот. Во время морской службы на Севере работает радиотелеграфистом, типографским наборщиком, библиотекарем корабельной библиотеки. В 1962 году приезжает в Псков, где живет по настоящий момент. Работает сначала грузчиком на чулочной фабрике, потом корректором районной газеты «Ленинская Искра», литературным сотрудником газеты «Молодой Ленинец». В это же время поступает на факультет киноведения ВГИКа. Оканчивает его с отличием в 1972 году. С этого времени начинает писать рецензии и статьи, вести литературную деятельность и участвовать в литературных мероприятиях. Автор книг литературно-критических статей, которые публиковались в журналах «Наш современник», «Москва» и др. В 1978 году принят в Союз писателей. Академик Академии российской словесности (с 1997). Секретарь Союза писателей России (1994–1999), член правления Союза писателей России (с 1999). Член редколлегий журналов «Литературная учеба», «День и ночь», «Русская провинция», «Роман-газета», редсовета журнала «Роман-газета XXI век», общественного совета журнала «Москва». Входил в жюри премии им. Аполлона Григорьева, Большое жюри премии «Национальный бестселлер» (2001, 2002). Член жюри премии «Ясная Поляна».

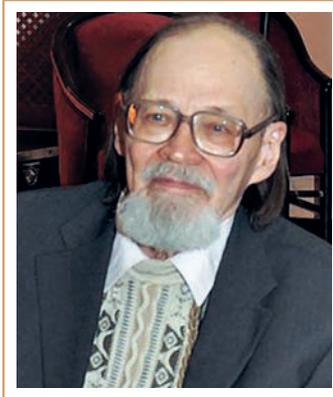
**Александр
Юрьевич
Сегень**

родился в Москве 12 апреля 1959 года. Окончил Литературный институт. По окончании института учился в аспирантуре ЛИ, занимаясь исторической публицистикой Николая Михайловича

Карамзина. Опубликовал его трактат «О древней и новой России». Доцент Литературного института. Автор многих книг, в том числе широко известных «Державный. Государь Иван Третий», «Солнце земли Русской» об Александре Невском, «Московский Златоуст» о святителе Филарете (Дроздове), митрополите Московском и Коломенском, «Поп» и других. Лауреат премий Московского Правительства, Большой литературной Союза писателей России, имени М. Горького, В. Шукшина, М. Булгакова и других. Произведения автора

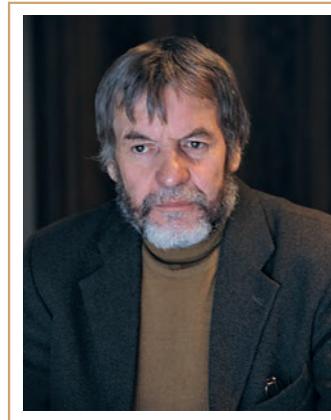
переведены на английский, французский, немецкий, итальянский, испанский, венгерский, болгарский, китайский, арабский, польский, чешский, японский и другие языки.

**Всеволод
Юрьевич
Троицкий**

доктор филологических наук, профессор, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации

финансовые механизмы европейской политики новейшего времени, религиозно-финансовые аспекты глобализации, новые религиозные движения и корпоративная религия. Автор монографий: «Религия и политика в современной Европе» (М., 2005); «Культура и религия стран Запада. Европейские религиозные традиции: от истоков до наших дней» (М., 2009); «Измена в Ватикане: заговор пап против христианства» (М., 2011). Автор многочисленных статей.

**Анатолий
Григорьевич
Байборodin**

после окончания Иркутского государственного университета занимался журналистикой, литературой, преподавал практическую стилистику русского языка и русскую народную этику на факультете

филологии и журналистики ИГУ, работал директором издательства «Иркутский писатель». Ныне — исполнительный редактор альманаха «Иркутский Кремль». Автор десяти книг, изданных в Иркутске и Москве. Романы, повести, рассказы, фольклорно-этнографические, историко-публицистические, литературно-художественные очерки печатались в научных и литературных журналах Москвы, Новосибирска, Омска, Томска, Барнаула. Составитель книг «Мысли о русском с древнейших до нынешних времен», «Россия древняя и вечная», «Русский месяцеслов».

**Ольга
Николаевна
Четверикова**

в 1983 году окончила факультет международных отношений Московского государственного института международных отношений. Работала в Институте общественных наук на кафедре междуна-

родного рабочего движения. Специализировалась по проблемам социальной и политической истории стран Латинской Америки. Доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО-Университета МИД России; кандидат исторических наук. Имеет научные статьи по проблемам изучения особенностей политических религиозных движений, политического сознания и политической культуры латиноамериканских стран. Кандидатская диссертация на тему «Тенденции и противоречия рабочего движения в Перу в 1975–1980 гг.» посвящена исследованию социальных конфликтов Перу в период пребывания у власти военного режима Моралеса Бермудеса. Кроме работы в институте сотрудничала с рядом газет и журналов, занималась вопросами политической истории России, имеет публикации по темам, связанным с русской политической культурой. Область научных интересов: основы и эволюция европейского религиозного сознания, Римско-католическая церковь в европейской геополитике, этнические и религиозные конфликты в Западной Европе в конце XX – начале XXI века,

400 лет Дому Романовых

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ 1613-1645

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ 1645-1676

ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ 1676-1682

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ 1682-1725

ЕКАТЕРИНА I АЛЕКСЕЕВНА 1725-1727

ПЕТР II АЛЕКСЕЕВИЧ 1727-1730

АННА ИОАНОВНА 1730-1740

ИОАН АНТОНОВИЧ 1740-1741
(с правительницей
анной асепольдовной)

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА 1741-1761

ПЕТР III ФЕДОРОВИЧ 1761-1762

ЕКАТЕРИНА II АЛЕКСЕЕВНА 1762-1796

ПАВЕЛ I ПЕТРОВИЧ 1796-1801

АЛЕКСАНДР I ПАВЛОВИЧ 1801-1825

НИКОЛАЙ I ПАВЛОВИЧ 1825-1855

АЛЕКСАНДР II НИКОЛАЕВИЧ 1855-1881

АЛЕКСАНДР III АЛЕКСАНДРОВИЧ 1881-1894

НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧ 1894-1917

